

2К-2

К-45

ХАРЬКОВСКИЙ
ДЕМОКРИТ.

МЕСЯЦ ЯНВАР.

19263 x 181br.

$$\frac{K}{45}$$

5. ЯНВ.

19263

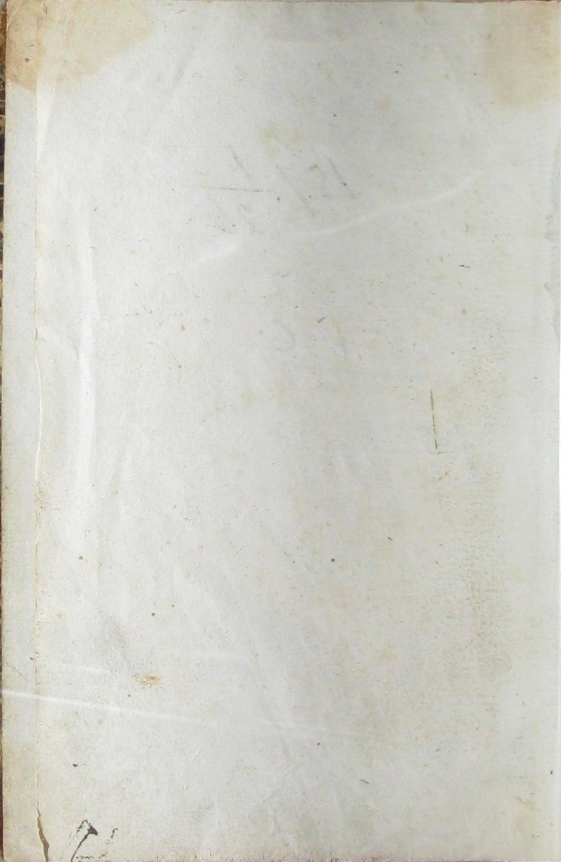
19263

[Handwritten signature]

157 $\frac{1}{26}$

W. 1-6

1434

ХАРЬКОВСКИЙ ДЕМОКРИТЪ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василиемъ Масловичемъ.

К
45

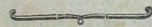
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.
И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -
Журналовъ тысячу, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ ЯНВАРЬ.

16 май
июнь

25545

1926b

ХАРЬКОВЪ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

33

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харь-
ковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ,
основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатаніе оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Января 7 дня, 1816 года.

Декинъ Гавріиль Успенскій.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Вошъ первая связка (*) Харьковскаго Демокрипа — Издамель еще не знаетъ ; какъ будущъ судить объ ней; но скоро, — (черезъ два, три дни) онъ услышитъ отзывъ просвѣщенной Публики. И — почитетъ себя щасливымъ, ежели хотя *нѣсколько* достигнетъ предназначенной имъ цѣли!

За долгъ особенный полагаю, упомянуть здѣсь о томъ, что сей Журналь будетъ наполняться произведеніями нашего края. Издамель позволяетъ себѣ помѣщать и напечатанныя піэсы, но только тѣ коихъ Сочинители принадлежатъ *нашему* же краю. Во первыхъ для того,

(*) Издамель вмѣсто книжки употребилъ связка, дабы не вышло противорѣчія заглавному листу Журнала.

дабы познакомить *отдаленныхъ* чипаше-
лей сего Журнала (издашель льстивъ се-
бя надеждою, что таковые найдутся)
съ произведеніями нашими; а во впорыхъ,
дабы совершенно соблюсти названіе *Харь-*
ковского Демокриша.

В. М.

I.
П О Э З І Я.

I.
ОСНОВАНІЕ ХАРЬКОВА

(Усердно посвящается почтеннымъ гражда-
намъ Слободско-Украинской Губерніи.)

Полтораста лѣтъ назадъ,
Стары люди говоряшъ:
Подлѣ Лопани частенько
Яковъ съ Галкой пѣлъ.

Галка дочь, Харька была
И красавицей слыла;
А Харько былъ первый житель
Еъ Слободской странѣ.

Яковъ былъ Харька батракъ
Парень бойкой — не дуракъ.
И за то любимъ былъ Галкой
Словно братъ родной!

Ежели хопяшъ друзья,
Знашь подробно ошъ меня,
Что бывало Яковъ съ Галкой
Межъ собой поюшъ?

Коля хопите — я готовъ
Расскажь вамъ ихъ любовь.
Ну, такъ сядемъ у камина
Я начну рассказъ:

Чуть *Харько* куда пойдеть,
Яковъ съ *Галкой* потчасъ вслѣдъ,
Бросивши свою работу
Къ Лопани спѣшащъ.

Тамъ подъ спарымъ дубомъ (*) спавъ
Нѣжно другъ друга обнявъ
Жалко и почти сквозь слезы
Пѣснь сію поющъ:

Я к о в ъ.

Галко! що мини робышь?
Якъ безъ тебе ризно жись?
Я убогій сыропынка
Полюбивъ тебе!

А *Харько* швѣй пан-отець
Не сплете нашихъ сердець —
Якъ любовь мою пронюха
Лыхо буде намъ.

(*) Пень сего дуба и теперъ видѣть можно не-
далеко отъ моста.

Г а л к а.

Якивь любый не жалкуй,
Та *Галусю* поцѣлуй.
Хішо иміе добру душу
Не богатъ хіба ?

Разумъ мае, хішо здоровъ,
Мае хішо шаку любовь,
Якъ голубчикъ *Якивь* мае
Чи ще небогатъ ?

Я к о в ъ.

Та се шакъ, ша не зовсимъ —
Той богатый въ свини сѣмъ
Воливъ мае хішо, корову,
Свиней, поросятъ.

Шапку гарну, ша жупанъ,
Той богатый, шой и панъ —
Ни лебедыку, *Галуся*
Я не буду швій.

Г а л к а.

Я расплачусь, якъ мала.
Колы хочъ, щобъ я жила,
Тавъ скажу моему папы:
Нехай *Якивь* мій.

Винь заруки визьме насъ . . .

Я к о в ъ.

Винь *Галусѣ* скаже: зась.

Г а л к а.

Ни сіого *Харько* не скаже
Любе винъ дочку.

Я к о в ъ.

Ни, *Галуся*, не кажи
Якива побережи —
Якъ *Харько* про се узнае
Скаже: геть зъ деора.

Тогди *Якивъ* не барысь,
По караси въ ричку лизь —
Ни, *Галуся*, колы любвищъ
Не кажи сіого.

Будемъ жыпы, якъ живемъ.
Колы можно однимъ днемъ
Забарышь разлуку нашу
То и те гораздъ.

Г а л к а.

Гарно, *Якивъ*, не скажу.
Ось шобъ щю доложу:
Колы не швоя я жинка
Дивка цѣлый викъ!

Тупъ обнявшия тѣснѣй,
Поцѣлуяся нѣжнѣй,
Яковъ съ *Галкой* расходятся
По своимъ мѣстамъ.

Каждый часъ и каждый мигъ ,
Лишь оспанулся въ двоихъ ,
Яковъ съ Галкой ужъ подъ дубомъ

Тождъ да тождъ поюшъ.

Такъ почти они весь годъ
Подлѣ дуба и у водъ
Жизнь щасшливу провождали. —

И завидну жизнь !

Но однажды лютой рокъ
Вздумалъ дать имъ злой толчокъ.
Въ упоеніи воспорга. . . .

Ихъ заспалъ *Харько* !

Онъ давно ихъ подмѣчалъ ,
Чтождъ въ душѣ онъ ощущалъ
Горлицъ сихъ въ любви поймавши ?

Только знаетъ онъ.

Праведный смиря свой гнѣвъ,
На холмѣ (*) высокомъ сѣвъ,
Бапраку велѣлъ и дочкѣ

Подойти къ себѣ.

Имъ сказалъ такую рѣчь:

Васъ бы надобно посѣчь

Но я здѣлаю опмѣнной

Мой надъ вами судъ.

(*) Что теперь лѣстница недалеко отъ присуд-
ственныхъ мѣстъ.

Разумѣется не шакъ
Говорилъ *Харько*, козакъ.

Говорилъ онъ имъ хохлацкѣ
Не Московску рѣчь (*).

Я какъ добрый вашъ отецъ,
Вашей дамъ любви конецъ,
Только, *Яковъ*, пы мнѣ прежде
Службу сослужи.

Рѣчь шаковская *Харька*
Показалась имъ сладка.

Яковъ, павши на колѣни

Первый говорилъ:

Пань — *Харько*! отдай мнѣ дочь
Я служишь тебѣ не прочь,
Для *Галуси* все исполню
Что мнѣ ни велишь.

Галка въ очередь свою

Рѣчь опцу сплела сію:

Тоже спавши на колѣни

Какъ ея дружокъ.

Милый башюшка драгой

Будь лишь полько *Яковъ* мой —

Предпринять и я готова

Самый тяжкій трудъ.

(*) Рѣчи героевъ сей Баллады должны бы быть на Малороссійскомъ языкѣ; но многіе замѣтили Издастелю, что это будетъ шероховато.

— Встаньте дѣти — ладно ужъ.

Яковъ! ты ей будешь мужъ,

Ежели ты мнѣ доспанешь,

То, что я скажу:

Поѣзжай-ка въ Ахмечеть,

Гдѣ Тапарскій Ханъ живетъ —

Съ бороды его мнѣ мерзской

Вырви пукъ волосъ.

Кончивши сіи слова

Вспаль Украинскій глава,

И — съ холма свой пушъ направилъ

Прямо въ домикъ свой. (*)

Яковъ же, его бапракъ,

Пораженъ былъ этимъ такъ,

Что чрезъ часъ насилу въ память

Съ *Галкою* пришелъ.

Осѣдлалъ попомъ коня.

Вмѣстѣ съ *Галкою* стень,

Богабырскіе dospѣхи

Онъ *Харька* надѣлъ.

Съ дѣвицей просясь, съ *Харькомъ*,

Бѣдный *Яковъ* съ лошакомъ

Въ двѣ минушы съ половиной

Невидимкой спалъ.

(*) Хижина *Харька* по преданію была тамъ, гдѣ теперь домъ почтеннаго отца Андрея Прокоповича.

Чтоже *Галка*? ахъ! она,
Тяжко сдѣлалась больна.
Чуть ли не была въ горячкѣ —
Самый сильный бредъ!

Хоть *Харько*, ее жалѣлъ;
Но помочь ей не умѣлъ.
Яковъ, былъ уже далеко.
Онъ лишь ей бальзамъ!

Тутъ *Харько*, мой въ первой разъ
Слезы выкапиль изъ глазъ,
Кои на сѣдые усы
Падали дробясь.

А по *Фескѣ* (*) по женѣ
Не лились ужель онѣ? . . .
Феська съ позволенья вѣдьма
У *Харька* была.

Такъ ее онъ не любилъ,
Потому и слезъ не лилъ —
Машери жъ, опца, лишился
Еще въ дѣйствѣ онъ.

Но довольно описывать,
Стану повѣсть продолжать:
Панъ *Харько* поплакалъ — вздумалъ
Яшку ворошить.

(*) *Феська* была жена *Харька*.

И Терешку и Грицька,
Елымаха и Яцька,
Федька, Власа и Юхима. . .
Всѣхъ послалъ за нимъ.

Каждый лошадей осѣдлалъ.
Въ слѣдъ за Яковомъ скакалъ,
Каждый къ ночи возвратился
Безъ богатшья.

Поскакалъ Харько бы самъ
Въ слѣдъ по Якова стопамъ,
Но не зналъ, кому Галусю
Поручить свою.

Чтоже дѣлать? какъ же быть?
Какъ Галусъ пособить? —
Бѣдненькой ей очень трудно. . .
Чуть дышитъ она.

Люди, вздумали водой
Покропить ее святой.
Спавятъ, образъ Николая
Надъ ея главой.

Власъ, крестясь поклоны бьетъ,
Елымахъ, псалмы поетъ,
Юхилъ, съ Федькой, на колѣнахъ,
Плачущъ Гриць, Яцько. . . .

Всѣ *Харька* любили дочь,
Всѣ хошѣли ей помочь.

„Добрая живи *Галуся*!“

Такъ молились всѣ.

Не взыщете на меня,

Милые мои друзья!

Я прерву въ семь мѣстѣ повѣсть

До другаго дня.

Завтра тоже вечеркомъ,

Какъ шеперь предъ огонькомъ

Я вамъ славные походы

Якова скажу.

Много онъ наспроитъ шпукъ

Волосовъ доспанетъ пукъ

Съ бороды *Ташарска* *Хана*

И *Харьку* отдасъ!

Но скажу вамъ наперёдъ:

Я опличный сей походъ

Раскажу другимъ размѣромъ

Эпошъ надоѣлъ.

(Продолженіе впредъ).

Мслвчъ.

Пѣснь лужѣ.

Пускай иной потѣя годы,
Съ надсадой трубить страшны Оды
Ручьямъ, озерамъ и морямъ:
Не море, лужу воспѣваю;
Грязь въ жемчугъ я преобращаю
Ударивъ лиры по спрунамъ.

Судебъ благоугодно волѣ,
Чтобъ лужа ты въ несчастной долѣ
Была другихъ всѣхъ ниже водъ:
Ручьи насъ веселятъ спруями
Моря приводятъ въ страхъ волнами,
А лужей брезгуешь народъ.

Но насѣкомы неисчетны
Для гордыхъ взоровъ непримѣшны
Зрятъ въ лужѣ дивный океанъ,
И въ подлыхъ жабахъ страшныхъ кишеть!
Четвероногихъ Сибаритовъ
Ты вмѣстѣ ванна и диванъ:

Паши украшены щетиной
Презрѣнною своею тиной
Не промываюся на пухъ;

За бархатъ грязь они щитаютьъ
И въ роскоши такой не чаютьъ,
Что ихъ готовать подь обухъ.

Ни предъ ручьемъ, ни предъ рѣкою
Ты не похвалился водою;
Но страннику въ несносный жаръ
Вода твоя въ степи Ливійской,
Или въ пустынь Аравійской,
Небесный кажешся нектаръ.

Пространствомъ море пусть гордишья
Шумить волнами и стремится
Достигнушь грозной высоты:
Въ обширности неизмѣримой
Однимъ Всесильнымъ обозримой
И море лужа, какъ и ты.

Хотябъ на днѣ его лежали
Блестящій бисеръ и кораллы
Приманчивы для алчныхъ глазъ;
Но чтожь! предъ мудрыми очами
Столь почитаемые нами
Кораллы и бисеръ — шаже грязь.

Нѣтъ! лужи я не презираю
Я въ лужѣ пользу обрѣтаю:

Наставникъ лужа для меня
Читаетъ мнѣ урокъ прекрасный,
Съ которымъ опыты согласны
Сію намъ истину глася:

—

Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
Въ томъ мысль и чувствіе сердечно
Какъ въ лужѣ мутная вода;
И праздности его въ награду
Пороки въ немъ, подобно гаду
Плодятся — множашся всегда!

Нахимовъ.

3.

Б А С Н И.

3.

Орелъ и Стрѣлокъ.

Не тронь меня! орелъ вдругъ крикнулъ на стрѣлка:
Дерзнешь ли выстрѣлить по мнѣ твоя рука?
Орловъ и Римляне и Греки уважали
Священными они насъ признавали!
То были Римляне! стрѣлокъ Орлу сказалъ,
А нынѣ людъ умнѣе спалъ;
Не очень о твоей заботится породѣ:
Теперь ужъ не Орлы, а Попугаи въ модѣ.

Нахимовъ.

Дубъ и Свинья.

И свиньи не всегда такъ хрюкають, какъ свиньи.
А говорятъ онѣ подь часъ и полапыни!

Легко я это докажу,

Коль анекдотъ одинъ про свинью раскажу:

Свинья задумала однажды проходиться,

И прямо въ лѣсъ идѣть,

И думаешь: авось ей тамъ случится

Наполнить свой животъ.

И ненапрасно такъ хавронья полагала,

Лишь только въ лѣсъ она вошла,

Подъ дубомъ желуди нашла,

И съ аппетитомъ кушать стала.

Досадно дубу, что его

Свинья плодъ славный пожираетъ,

А благодарности не знаетъ.

Не стоишь ты вниманья моего,

Такъ наконецъ онъ къ ней вѣдцаетъ:

О грубая и глупая свинья;

Ты милостей моихъ ничуть не понимаешь.

За вкусный плодъ, который ты съѣдаешь

Не смотришь даже на меня.

Ябъ вашей преподобной чести

Такъ говоритъ свинья въ отвѣтъ:

Отвѣсила поклоновъ двѣстѣ

За вкусный вашъ обѣдъ.

Когда бы вѣдала я точно,

Что вы бросаете *миѣ* желуди нарочно.

Мслвчъ.

5.

Ласточка и Колоколъ.

На башнѣ колоколъ висѣлъ,
И тамъ же ласточка гнѣздилась.
На колоколъ вдругъ птичка разсердилась
Ужъ ты мнѣ уши прозвенѣлъ.
Въ сосѣдствѣ жить съ тобой моихъ силъ не до-
станеть.
Молчалъ бы, Ласточка, охотно для тебя,
Но чтожь? звонарь меня
За длинный мой языкъ всегда насильно тянетъ.
А ты, глупонъ, за чемъ ты поднимаешь крикъ,
Ужели и себя кто тянетъ за языкъ?

Нахилмовъ.

6.

Книгопродавецъ и Слоноъ.

Зашелъ Слоноъ мудрый въ книжну лавку.
За чемъ? — не книги ли читать.....
Когда не вѣрите, извольте сдѣлать справку,
Изъ Бори, Плинїя, вы можете узнать,
Сколь въ древности Слоны учены были:
Они по Гречески читали — говорили,
И славились большимъ умомъ!
На щетъ Слонова просвѣщенья
Во мнѣ нимало нѣтъ сомнѣнья —
И въ наши времена Французскимъ языкомъ

Премножество звѣрей болтають,
И хорошо языкъ Французскій понимаютъ.
Сороки, галки и грачи,
Легавы, мопсы и борзья,
И попугаи толкачи,
Фидельки, шавки и другія —
Изволятъ такъ языкъ Французскій понимать,
Что думаю на врядъ,
Съ звѣрьками сими сговорятъ
И наши барыни иныя!
За чѣмъ же сомнѣваться намъ,
На Плинія не полагаться,
Что мудрымъ будто бы слонамъ
По Гречески не можно было изъясняться? —
На щетъ учености Слона
Когда чипашель мой увѣренъ,
Я басню продолжатъ намѣренъ
И вотъ она:

Слонъ описаніе животныхъ отыскавши,
И со вниманьемъ прочитавши,
Съ начала долго хохоталъ,
Потомъ такъ книжнику сказалъ:
„Лишь человѣкъ, краса вселенной!
По утвержденію писателя сего
Умомъ одинъ лишь одаренный —
А въ прочихъ звѣряхъ нѣтъ его.
Но естли вникнемъ въ сочиненье,
Какъ сочинитель судить въ нёмъ,
То можно сдѣлать заключенье
Пренеошибочное въ томъ:
Что авторъ самъ, ниже умомъ,

Ниже инстинктомъ управлялся,
Которымъ насъ онъ всѣхъ даритъ.
И можно ль, чтобы потъ и самъ незаблудался,
И могъ бы начертить
Всѣхъ тварей свойства справедливо.
Кто собственну свою натуру знаетъ лживо?
Смотрите, какъ онъ описалъ
Постельную собачку ложно.
Ахъ! сколько при дворахъ ей поучиться должно
Далеко отъ дворовъ собачій родъ отспаль!
А хитростямъ лисы кто станеть удивляться!
Ну можешь ли она съ приказными равняться?
Она передъ крючкомъ
Осель осломъ.
Льва, тигра, леопарда, волка,
За кровожадность всѣ клануть,
И шутъ,
У автора не много толка.
Какъ будто люди межъ собой
Живутъ душой одной!
Добычею другъ другу не бывають?
Подобно имъ, они другъ друга умерщвляють.
Хозяинъ книгъ отъ этихъ словъ
Пришелъ въ такое умиленье —
Онъ предъ Слономъ былъ пастъ готовъ.
Чтобъ изъяснить ему почтенье,
Онъ скинулъ шляпу, къ мудрецу —
Съ улыбкой ангела подходитъ
И разговоръ такой заводитъ,
Какой приличенъ лишь купцу:

Ахъ государь милостивѣйшій!
 Ужь какъ менябъ ты одолжилъ,
 Когда бы *коммунтарій* злѣйшій,
 На что *нибудъ* ты сочинилъ,
 Или изъ Греческой книжонки
 Нельзя ли что *нибудъ* издать?
 Ябъ вамъ хороши далъ деньжонки,
 Отнюдь не сталъ бы прижимать. —
 Въ насмѣшку Слонь, книгопродавцу
 Наморщилъ длинный хоботъ свой,
 Такъ отвѣчалъ сему мерзавцу:
 Мнѣ нѣшу нужды ни какой
 Въ твоихъ деньгахъ, пріятель мой!
 Храни ихъ для себя, да лучше будь умнѣ.
 Пустьъ люди на людей свой изливаютьъ ядъ,
 Въ нихъ зависть дѣйствуетъ сильнѣ,
 Чѣмъ ожиданіе награды.

Мслвчъ.

4.

ЭПИГРАММЫ.

7.

Испорченный Соловей.

Пѣвалъ Соловушка и складно и согласно,
 Бывало всѣ ему дивилися въ лѣску. —
 Да чтожь съ нимъ сдѣлалось? всѣ прочь ле-
 шать — ужасно! —
 Онъ вздумалъ быть творцемъ, и въ пѣсни ввелъ
треску!!

Впередъ колъ Соловья испортишь не хотите,
Такъ не во всемъ его хвалите.

8.

На худыхъ стихотворцевъ.

Я думалъ прославляшь,
Монаршій родъ хвалами;
Но начали перебивать
Пономари колоколами.

Срз.

9.

К л е о н ъ.

Всѣ говорятъ, Клеонъ, тебѣ:
Что ты дитя и ты бранишься,
Благодари твоей судьбѣ —
Ты въ рай (*) отсель переселился.

10.

Ф е д у л ъ.

Федуль! большое мнѣ ты сдѣлалъ одолженъе,
Что длинное свое чиналъ мнѣ сочиненъе.
Какъ, слушая его, пріятно я! . . . заснулъ.
Богъ награди тебя Федуль!

11.

У в ѣ р е н н о с т ь.

Буду ли я завтра жить?
Я не знаю вѣрно.
Естьлижъ буду завтра жить;
То что буду завтра пить
Это несомнѣнно.

(*) Марк. гл. 10. ст. 14. 15. 16. Мате. гл. 18. ст. 3. гл. 19.
ст. 14. 1. Посл. къ Кор. гл. 14. ст. 20. 2. Петр. гл. 2. ст. 2.

12.

А р и с т ъ.

Лишь только подана была Аристу трубка,
Онъ сталъ кричать какъ безъ разсудка:
О величайшій плутъ Пахомъ
Убей тебя небесный громъ!
Какъ быть безъ совѣсти — безъ Бога —
Содраť и такъ божисья многа —
И присягать!! табакъ хорошъ,
Который къ ~~чарту~~ негодится. . .
— Аристъ! за чѣмъ тебѣ сердиться?
Купецъ побожится за грошъ;
А за што — какъ не побожиться?!

Мслвчъ.

5.

ЭПИТАФІИ.

13.

А. Н. Нахимову.

Жалѣетъ Фебъ и плачуть Музы!
Нахимовъ умеръ — ихъ пѣвецъ —
Въ восторгѣ! Врачъ, Педантъ, Французы,
Ослы, Кокетки, Франтъ и Лстецъ,
Крючки жъ — отъ радости въ трактирѣ!
Что нѣтъ Нахимова въ семь мѣрѣ!

14.

Секретарю.

Подъ сею насыпью гнѣетъ извѣстна тварь,
Ей имя: Секрешаръ.

Всѣ знаютъ чрезъ сѣ названье,
Что тварей этихъ цехъ
Намъ данъ отъ Бога въ наказанье
За нашъ великій грѣхъ.

15.

М о л с у.

Фиделька, Мопинька, предметъ нѣжнѣйшій, Лади,
Подъ этой бронзою сокрытъ.
Ахъ! лучшебъ померли: топъ рѣге, и тѣге, и дяди...
Такъ Ладя въ горести вопить:
Согласна бы лишилась бѣлки!
Чѣмъ милюшкой фидельки!

16.

Л а д и н ь к ѣ.

Не долго Ладинька лила по мопсу слѣзки.
Съ печали умерла она
И похоронена,
Не далеко отъ моськи!

17.

Л у к е р ь ѣ.

Гнѣютъ Лукерьины здѣсь кости,
Котора умерла со злости.

Мслечъ.

18.

КАРРИКАТУРА.

Р ы ц а р ь.

Стоитъ конь бурный у крылечка,
Поднявши въ верхъ свое чело.

Вся въ серебрѣ на немъ уздечка;
На немъ Турецкое сѣдло.
Сѣдло съ стальными стременами
Чепракъ съ золотыми бахрамами.

Конь богатырскій ржетъ, грохочетъ
Главою и ушми трясетъ;
Сиру землю ногами топчетъ; —
Со удилъ влажна пѣна бьетъ.
Кого же ждетъ сей конь решивой?
Кшо будетъ шопъ ѣздокъ щасливой?? —

Выходитъ молодець удалый
По богатырски разодрать;
На немъ мундиръ Московскій алый.
На немъ и шарфъ и эполетъ
Камзолъ обшитый галуномъ,
Булатна сабля съ темякомъ.

А на головушку уборну
Онъ надѣваетъ шляпу чорну. —
На шляпѣ бѣль султанъ дрожитъ,
И сабля съ шпорами звучитъ.
Онъ на добра коня садится,
Решивый конь подъ нимъ гордится.

Онъ тронулъ шпорами коня:
„Вези шы добрый конь меня!

Конь съ рыцаремъ стрѣлой пустился;
Огонь и дымъ въ ноздряхъ открылся;
Сыра земля подь нимъ дрожитъ;
За ними сѣра пыль летитъ. —
Куда такъ рыцарь быстро мчитъ?
Не въ полель ратное стремится,
Чтобъ мститъ отечества врагамъ? —
О какъ онъ будетъ страшенъ тамъ? . . .

Но что я вижу? — рыцарь бранный?
Скажи! куда такъ ѣдешь ты?
Таковъ ли путь тобой избранный?
Иль вижу сонныя мечны?
Или то истинны примѣты,
Что рыцарь ѣдетъ у кареты?
Въ порядкѣ съ заднимъ колесомъ
Щитаешь спицы онъ верхомъ?

Не столько подвигъ сей достойнъ,
Чтобъ въ немъ шрудился храбрый воинъ!
А вотъ! нахалливо въ карету
Онъ, выпуча глаза, глядитъ; —
Кого же видишь тамъ? — Брюнешу; —
Брюнеша — грудь его щимишь.

Брюнеша хороша — прекрасна
Осанкой, взоромъ и лицомъ;
Но грудь Брюнешина безстрастна
Предъ симъ удалымъ молодцемъ.

Нашъ рыцарь ѣдетъ вкругъ кареты;
Нашъ рыцарь вьется вкругъ Брюнеты,
То съ той стороны, то съ другой;
Но нѣтъ удачи никакой.

Ни въ пущь, ни въ дѣло всѣ пролазы;
Онъ слышитъ лишь одни отказы; —
Но онъ еще надеждой льстится;
Еще кипитъ горяча кровь;
Онъ мнишь, что дѣвица стыдится
Открыть ему свою любовь.
Онъ думаетъ еще атакой
Брюнеты милой сердце взять;
Но крючкомворской знать ужваткой
Сердцеъ нельзя завоевать.

И вмѣсто страстнаго отпѣта
Открывъ окошечко Брюнета
Сему богатырю пригожу
Учтиво налевала въ рожу,
Сказала прямо на отпѣзъ,
Чтобъ больше онъ въ глаза не лѣзъ:
Чтобъ больше, рыцарь, не трудиться,
„Извольте въ задъ поворотиться!
„Да просимъ милости впередъ
„Не вращъ такихъ мнѣ глупыхъ бредъ.

Съ досады рыцарь нашъ задохся;
Хотѣлъ схлебнуть, бѣднякъ — обжогся; —

Насупиль богатырску морду,
Поворотилъ коня назадъ;
Согнулъ свою осанку горду
И въ землю свой пошупилъ взглядъ;
А богатырской неудачей
И бодрый конь его сталъ клячей.

Срз.

19.

М е л а н х о л и к ъ
на
Кладбищѣ.

Сокройся, адска свѣша лесть. .
Бѣги отселѣ, ухищренье!
Бѣги, ехидное смиренье!
Бѣги, неправда, злоба, месть! .

Бѣжать? кому? кого бѣжать?
Здѣсь все въ безмолвьи цепенѣть,
И шрепетна луна темнѣть. . .
Меняль боишся освѣщать??

Не крой, не крой своихъ лучей
О Цинтїя! не крой за горы:
Я не злодѣй, я не злодѣй!
Дай бросишь на тебя мнѣ взоры. .

Изъ подъ гробовъ бьешь ключъ къ той жизни,
Гдѣ умирать забудемъ мы. . .
Тамъ Князь, тамъ Царь намъ будетъ ближній,
Тамъ бѣдъ насъ не облажущъ тьмы. . .

Злодѣй! гробницамъ безъ боязни
Повѣрить можешь ты себя —
Не бойся свѣтскаго суда.
Въ немъ рѣдкихъ поспигаютъ казни. . .

Здѣсь можешь сердцемъ потужить
О другъ! обманушый на вѣки.
Здѣсь можешь ты и то забыть,
Какъ злы подъ солнцемъ человѣки!

Здѣсь умолкаетъ стонъ заботъ.
Здѣсь откровенность не спрадаетъ. . . .
Здѣсь блеска пыль не потемняетъ. . .
Но ахъ! никто сюда нейдетъ.

Когдабъ снѣдаемый чesтями.
Не жмуриль предъ могилой глазъ,
Тогда у Трона. . . . межъ льстецами
Сказаль бы правду онъ хоть разъ. . .

Скупецъ! направъ сюда свой путь.
Забудь о бѣдности томленье. . .
Тебѣ безъ денегъ отдадутъ
Кусокъ земли на погребенье. . . .

Богачь! и ты бѣжишь? и ты?
Тебѣ никто здѣсь не наскучить.
Здѣсь бѣдныхъ вопль тебя не мучить:
Нѣтъ болѣе здѣсь нищеты.

Красавица! куда идешь?
На безобразье и не взглянешь. . .
Но твой румянецъ не увянетъ,
Когда на кладбищѣ вздохнешь. . .

Почто дрожишь? надгробный крестъ
Тебѣ нисколько не мѣшаетъ
Въ прекрасны кудри розу вплестъ. . . .
Женихъ тебя не забываетъ.

О Люди! иль страшна вамъ смерть?
Шешидосточный домъ дубовый?
Кто раньше съ чувствомъ симъ знакомый,
Тому не больно умереть.

На кучѣ плѣющихся костей,
При трескѣ грома, въ часъ полночи,
Сомкну сна жаждущія очи
Приятнѣй, чѣмъ на ложѣ фей. .

Не лести злоковарный шонъ
Мнѣ возвѣститъ восходъ Авроры,
Но роковой могильный зеонъ
И догребательные хоры.

Ктожь будущъ здѣсь мои друзья?
Не вы, злые лицемѣры.
Не вы, въ овечьей кожѣ звѣри!
О тѣни! съ вами буду я. .

А естли скорбь меня стѣснить?
Чтожь? эхо погрузить со мною.
Коль слезы потекутъ рѣкою?
Вѣтръ свѣетъ ихъ и осушить.

Но я ужъ плакать немогу:
И слезы высохли съ душою. .
Гнѣющую меня шугу
Беру въ товарищи съ собою.

Со мной она среди холмовъ,
Со мной среди лѣсовъ дремучихъ,
Со мной среди песковъ зыбучихъ,
Со мной средь пира и гробовъ.

И съ кѣмъ несчастный подружить?
Онъ блѣдень! слѣдственно распушникъ.
Онъ плачетъ! слѣдственно преступникъ“!
Вотъ какъ щаспливецъ заключить!

Вотъ для чего я съ вами, гробы!
Признайтесь: сколько тлѣетъ въ васъ
Жерствъ человѣческія злобы??
Тсъ!.. шепчетъ подземельный гласъ:

„Сего сразилъ жестокой гладъ
Сарданапала предъ вратами.
Сей палъ за то, что межъ Князьями
Твердилъ: *наслѣдятъ злые адъ.* .

„Тамъ подъ полусогнившимся пнемъ
Сотлѣлъ убитый клеветою.
Внемли плачевной тѣни вою. . . .
Такъ стонешь ночью и днемъ!

„Здѣсь юноша, на утрѣ дней
Безсмертьемъ дышущій и славой,
Заранѣ отъ своихъ друзей
Удавленъ зависти оправой.“

Умолкни, горестная вѣсть!
Ты слишкомъ — слишкомъ справедлива. . .
Но ты ужасна, хоть нелъстива. . .
Кудажъ стопы свои унести?

Наставь меня: гдѣ правды тронъ!
Гдѣ истины не вянутъ крины?
Гдѣ сильные земли безсильны?
Гдѣ незнакомы: плачь и стонъ?

Скажи мнѣ: гдѣ не смѣютъ враны,
Орлиныхъ потопталь слѣдовъ?
Наставь меня: гдѣ обезьяны
Безумцамъ не вскружатъ головъ?

„Нигдѣ, несчастный Пилигримъ!
Безъ терну не алѣютъ розы. . .
Такъ вѣрно вами, горьки слезы!
Мы хорошо людей смѣшимъ. . .

*Слѣдотству*й, злобая фортуна!
И обольщай, какъ ты, слѣпыхъ. .
Бьетъ часъ! — обрушится подлунна,
Любимцевъ погребетъ твоихъ. . .

А тамъ — въ превыспреннихъ чертогахъ
Прозябнуть Лиліи добра
Онѣ тебѣ — тебѣ, кто Бога
Не вѣсилъ на кускѣ сребра.

20.

*Пѣснь посвященная ирою, потерявшему
ногу въ Лейпцигскомъ сраженіи.*

Герой! ты долгъ исполнилъ свой:
Любилъ отечество безъ лести,
И за него свою лилъ кровь.
Священна такова любовь!

Не любить потъ страны своей,
Кто одного себя въ ней видитъ,
Кто для того на брань спѣшитъ,
Чтобъ алчность зла ушумить.

Не любить тотъ страны своей;
Кто чахнетъ отъ любви ко славѣ,
И не умѣя стать въ ряду
Ужъ хочеть равнымъ быть вождю

Не любить тотъ страны своей,
Кто растопись, какъ воскъ отъ зноя
Предъ вспыхнувшимъ любви огнемъ,
Желаетъ *милымъ* быть — съ мечемъ.

Не любить тотъ страны своей,
Кто вѣренъ Марсу лишь дошолѣ,
Пока алмазь иль изумрудъ
Отважную украсятъ грудь.

А тамъ... и шарфъ его и мечъ,
И спрашный шлемъ огнепернатый,
А съ ними и воишевъ самъ
Падеть къ Миладинымъ ногамъ...

Ктожъ любить истинно свой край?
Тотъ, у кого отцовы слезы,
Стенящи братья, сестры, мать
Не возмogli меча отнять.

Тотъ, кто лихась одной ноги
Отъ раны чуть влачить другую,
Кто опершись на костыляхъ
Груститъ: за чемъ онъ не въ бояхъ?

Тотъ, кто на уязвленну грудь
Поникнувъ, въ умиленьи плачетъ,
Что Руская печетъ въ немъ кровь —
Священна шакова любовь!

—
Тотъ, у кого не братска (*) смерть
Изторгла жалобные вздохи. . .
Можайскъ! тебѣ — тебѣ сей стонъ:
„Съ безсмертными не умеръ онъ! —

Георг. Райдаровскій.

(*) Меньшой братъ героя убитъ въ Можайскомъ сраженіи.

II.
П Р О З А.

21.

*Утѣшеніе для несчастныхъ, родившихся
29 Февраля.*

(Изъ Лихтенберга).

Кто что ни говори, а право, человекъ, который только черезъ чепыре года долженъ праздновать день своего рожденія, не похожъ на обыкновенныхъ людей. И такой по многимъ отношеніямъ очень мало разнился отъ немалаго числа бѣдняковъ, у которыхъ слишкомъ много опцоевъ. Ибо, что пріятнѣе для безсмертнаго существа, въ насъ обитающаго, какъ не то, что онъ видитъ, когда и кромѣ его существа того же рода радуются его бытію и жизни? Пусть радость сихъ существъ бываетъ очень часто и не самая искренняя, нѣтъ нужды, во всякомъ случаѣ не менѣе пріятно видѣть, что сіи существа принуждены такъ дѣлать, какъ будто онѣ радуются. Правда, искренняя радость выражаетъ любовь; но за то не искренняя показываетъ опасеніе или уваженіе, которыя во многихъ случаяхъ еще несравненно выгоднѣе. Изъ сихъ то изъявленій радости несчастное

твореніе, радившееся 29 Февраля, по самому короткому щопу своей жизни перяешь, покрайней мѣрѣ, семдесятъ пять числыхъ процентовъ въ сравненіи съ другими людьми. Каково это? чѣобы то было, желаніе въ прозѣ, стихи, или наспоящіе стихи, ленточки, цвѣточки, пирожки, фейерверки, иллюманации и пушечные выстрѣлы, все 75 процентовъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Все это еще не такъ важно. Но есѣли положимъ, что сей нещасливый есѣтъ правитель области, или директоръ городского училища, имѣющій право вынуждать *доброхотные* подарки на день своего рожденія; какъ ему быть? можетъ ли онъ требовать подарка каждый годъ, когда слѣдуетъ ему въ 4 года, получить его только однажды. И такъ 29 числа Февраля въ тѣхъ годахъ, въ которыхъ сей мѣсяцъ имѣетъ только 28 дней, не суть ли истинныя *Греческія Календы*? Но сіи Календы суть только стихотворное ничто, а 29 Февраля при разѣ въ каждые 4 года составляющъ дѣйствительное празничное ничто общежитія и ежедневнаго быхода. Въ такомъ случаѣ это уже нѣчто другое, то только на словахъ, а это и ощутительно.

Все доселѣ сказанное относится только къ Физическимъ ущербамъ; съ нравственной стороны потеря еще болѣе. Еслии кто нибудь хочетъ въ день своего рожденія положить законъ что нибудь впередъ дѣлать, или не дѣлать, *на пр. Г. такой-то* ранѣ вставать, или въ слѣдующемъ году непременно прочесть всю Библію, или болѣе не пить водки, какая нибудь дама; — (*) то натурально для такого человѣка всѣ подобныя зареканія пропадаютъ. Но, скажутъ, у нихъ все таки есть день новаго года. — Это все еще ничего; потому, что и обыкновенные люди имѣютъ день новаго года, но все этимъ не убавляется ничего изъ 75 процентовъ.

Чтожь дѣлать наконецъ? чѣмъ помочь этому, посмотримъ: хотя человѣкъ родится въ извѣстный день и въ извѣстное число; но его вступленіе въ свѣтъ, его первый вздохъ есть дѣло одной минуты. Въ сію точку времени солнце находится въ извѣстной точкѣ эклиптики. И такъ онъ точно годомъ старѣе бу-

(*) Здѣсь говорится о Нѣмецкихъ дамахъ.

дешъ, когда солнце въ первый разъ послѣ иного опять вступило на ту же почку Эклиптики, и гражданскій день, въ который сія почка времени случается, есть день рожденія челоѣка въ истинномъ смыслѣ, какъ бы онъ впрочемъ по Календарю ни назывался. Это, кажется мнѣ, очень ясно. И такъ задачу: *когда ты долженъ праздновать свой день рожденія, если ты родился 29 Февраля*, можно разрѣшить слѣдующимъ образомъ: 1) пусть тебѣ скажутъ секунду, минуту, или часъ твоего рожденія, или возьми этотъ день изъ мѣсрической книги; и поелику ты не цѣлой день раждался, то въ послѣднемъ случаѣ должно принять что нибудь опредѣленное, *на пр.* половину дня, слѣд. 12 часовъ по полуночи или полдень.

2) Приищи въ Астрономическомъ Календарѣ на годъ, въ которомъ ты родился, мѣсто солнца (долготу его) для сей почки времени. Еслили самъ ты можешь сдѣлать вычисленіе, то тѣмъ лучше, но въ такомъ случаѣ ты вѣроятно не сдѣлалъ бы такого глупаго вопроса.

3) Равнымъ образомъ въ Календарѣ того года, въ которомъ ты хочешь

праздновать день своего рожденія, прии-
щи день въ которой солнце почно шу
имѣеть долгошу, и это швой день рожде-
нія, какой бы онъ ни былъ и какъ бы онъ
ни назывался.

Дѣлая такимъ образомъ, шы удивиш-
ся, когда увидишь, что, даже есшълибъ
шы и въ другой день родился, на пр.
1 Мая, все таки по извѣстнымъ обстоя-
тельствамъ долженъ бы праздновать свой
день рожденія по 30 Апрѣля, по 2 Мая,
и что даже дни рожденія высокихъ особъ
очень часто ложно бываютъ празднуемы,
и слѣдственно не одинъ только родив-
шійся 29 Февраля долженъ праздновать
свой день рожденія въ другой день; а не
въ шощь, который ему показываетъ обык-
новенный способъ. Это основывается на
шомъ обстоятельстве, что годъ состо-
итъ не изъ кругаго числа 365 дней, но
почши изъ 365 дней и 6 часовъ; а намъ
при нашихъ житейскихъ занятіяхъ нѣ-
когда справляться съ такими дробями
дней, по чему даже и къ самимъ годомъ
нелучше бываетъ, какъ съ нами и съ вы-
сокими особами, и его день рожденія по
крайней мѣрѣ 3 раза въ каждое чешьрех-
лѣтіе празднуется ложно. Часто весе-

ляпся и поржествують о смерти спараго года, когда онъ въ самомъ дѣлѣ еще 18 часовъ долженъ поминуться, и привѣствуютъ новый за 18 часовъ прежде, нежели онъ родится. Слѣдующая таблица довольно хорошо покажетъ, когда именно родившійся 29 Февраля долженъ праздновать день своего рожденія.

Родившійся 29 Фев. по утру въ 12 часовъ,

Долженъ праздновать день, или лучше сказать, часъ своего рожденія:

Въ первый годъ 28 Февр. по утру въ 6 часовъ.

Во второй 28 Февр. въ 12 час. по полуночи.

Въ третій 28 Фев. веч. въ 6 ч.

Въ четверт. 29 Февр. въ 12 ч. по полудни.

Родившійся 29 Февр. въ 6 ч. утра:

Въ первый годъ 28 Фев. въ 12 ч. по полуночи.

Во второй 28 Февр. въ 6 ч. вечера

Въ третій 28 Февр. въ 12 ч. по полудни или
1 Марта.

Въ четвертый 29 Февр. въ 6 ч. утр.

Родившійся 29 Февр. въ 12 часовъ по полуночи:

Въ первый годъ 28 Февр. въ 6 ч. веч.

Во второй 28 Февр. въ 12 ч. по полудни или
1 Марта.

Въ третій 1 Марта въ 6 ч. по утру.

Въ четвертый 29 Февр. въ 12 ч. по полуночи.

Родившійся 29 Февр. вечеромъ въ 6 часовъ:

Въ первый годъ 28 Фев. въ 12 ч. по полудни или
1 Марта.

Во второй 1 Мар. въ 6 ч. утр.

Въ третій 1 Мар. въ 12 ч. по полун.

Въ четвертый 29 Февр. въ 6 ч. вечера.

Изъ сего видно, что часъ рожденія ко-
порымъ опредѣляется самый день рож-
денія, каждый годъ надобно праздновать
8 часами позже, пока наконецъ высокос-
ный годъ все поравняетъ

Съ Нѣмецк. Гонорскій.

РАЗГОВОРЪ

*Между двумя мертвецами и Меркуріемъ.
Меркурій, Англинскій поединщикъ и дикій Сѣ-
веро-Американецъ.*

П о е д и н щ и к ъ.

Пока Харонъ переправится къ намъ съ другой стороны Спикса, позволь мнѣ, Меркурій, поговорить съ дикимъ Сѣверо-Американцемъ, котораго ты сюда со мною привелъ. Я никогда не видалъ такого рода людей. Какой у него свирѣпой взглядъ! — Послушай! какъ я тебя зову? ты конечно говоришь по Англински?

Д и к о й.

Да! я выучился языку сему въ ребячествѣ, проживши нѣсколько лѣтъ между Англичанами въ новомъ Іоркѣ. Но я возвратился къ Могокцамъ, храбрымъ моимъ землякамъ, прежде нежели достигнулъ совершеннаго возраста; и будучи при продажѣ рому, безчестнымъ образомъ обманушь однимъ изъ пвоихъ соопшчичей, спарался всегда послѣ того, не имѣть съ ними никакого дѣла. Однако же я сражался за нихъ вмѣстѣ съ прочими моими зе-

мянками въ послѣднюю прошивъ Французовъ войну; и убитъ находясь въ партіи для сдиранія кожи съ череповъ непріятельскихъ. Но я умеръ въ полномъ удовольствіи; ибо собратія мои одержали побѣду; и покуда меня застрѣлили, удалось мнѣ къ славы моей снять кожу съ семи муштинъ, пяти женщинъ и нѣсколькихъ младенцевъ. Въ прежнюю войну совершилъ я гораздо блистательнѣйшіе подвиги. Меня называютъ кровожаднымъ медведемъ; имя сіе дано мнѣ для означенія моей люлости и неустрашимости.

П о е д и щ и к ъ.

Мое почтеніе г. кровожадный медведь: я вашъ покорнѣйшій слуга. Меня зовутъ Оомою Пошуэломъ. Фамилія моя очень извѣстна въ Артурѣ. Я родомъ Дворянинъ, а ремесломъ каршежный игрокъ и чело-вѣкъ съ честію. Убивать людей на похвальныхъ поединкахъ мое дѣло; но я не мастеръ рѣзать женщинъ и младенцевъ.

Д и к о й.

Такъ мы воюемъ. У каждого народа свои обычаи. Но я дотадываюсь по своему свирѣпому виду и по скважинѣ, копорая

видна въ груди швоей, что ты также, какъ и я убишъ, находясь въ паріи для сдиранія кожи съ череповъ непріятельскихъ. Какъ же то могло случиться, что непріятель швой не ободралъ швоей головы ?

П о е д и н щ и к ъ.

Я убишъ на поединкѣ. Другъ мой ссудилъ меня нѣкоторою суммою денегъ. Но спустя два, или три года, подвергнулся онъ самъ крайнему убожеству, и захошѣлъ, чтобы я съ нимъ расплачился. Мы сошлись въ Тайп-Парнѣ. Противникъ мой не умѣлъ драться на шпагахъ; а я былъ искуснѣйшій фехтовальщикъ въ Англіи. Я далъ ему три, или четыре раны, но наконецъ онъ съ такимъ бѣшенствомъ на меня успремился, что привелъ меня въ замѣшательство и пронзилъ въ легкое. На другой день я умеръ, какъ человекъ съ честію, равнодушно и безъ раскаянія. Однако и онъ вскорѣ за мною послѣдуетъ, ибо лѣкарь объявилъ, что раны его смертельны. Говоряшъ, что жена его умерла съ печали, а смерть его приведетъ къ гибели все его сѣмейство состоящее изъ семерыхъ дѣтей. Такимъ образомъ я

весьма уже опомщенъ и ушѣшенъ! что до меня касается, то у меня нѣтъ жены: я всегда гнушался женидьбою: любовница моя найдетъ вѣрное средство прожить и безъ меня; а дѣти мои не оспанутся безъ призрѣнія въ воспитательномъ домѣ.

Д и к о й.

Меркурій! я не сяду въ лодку съ этимъ негодяемъ. Онъ умертвилъ своего согражданина; онъ умертвилъ своего друга! на ошрѣзъ говорю тебѣ, что не сяду въ лодку съ этимъ негодяемъ. Лучше для меня переправиться вплавъ черезъ рѣку; я плаваю, какъ ушка.

М е р к у р і й.

Переплыть черезъ Спиксъ! нѣтъ! ты нарушишь законы Плутонова царства. Спупай въ лодку и успокойся.

Д и к о й.

Не говори мнѣ о законахъ: я дикій и мнѣ они не извѣстны. Поговори о нихъ съ Англичаниномъ. Въ его опечесствѣ есть законы; но ты видишь, что онъ ихъ не уважалъ. Они бы не позволили ему умертвить своего согражданина, и припомъ

за то, что онъ потребовалъ своихъ денегъ. Я увѣренъ, что Англичане варвары; но они не могутъ быть свирѣпыми до такой степени, чтобы подобные поступки признавались у нихъ законными.

М е р к у р і й.

Ты справедливо осуждаешь Англичанина; но тебѣ ли огорчаться убійствомъ, когда ты самъ умерщвлялъ сонныхъ женщинъ и младенцевъ въ колыбели.

Д и к о й.

Я убивалъ однихъ непріятелей. Я никогда не умертвлялъ моего согражданина; никогда не умертвлялъ моего друга. — На! положи въ лодку мое покрывало; но смотри, чтобы убійца на немъ не сидѣлъ, или не припронулся къ нему. Иначе я брошу покрывало мое въ огонь, который виденъ на той сторонѣ Спикса. Прощай — я рѣшился переплыть черезъ Спиксъ.

М е р к у р і й.

Симъ прикосновеніемъ жезла моего лишаю тебя всей твоей силы. Плыви теперь, когда можешь.

Д и к о й.

О могущественный чародѣй! — Возврати мнѣ мою силу. Право я не выду изъ повиновенія.

М е р к у р і й.

Возвращаю тебѣ силу твою, но веди себя порядочно, и поступай по моимъ приказаніямъ. Въ пропивномъ случаѣ опасайся гораздо худшихъ послѣдствій.

П о е д и н щ и к ъ.

Отдай его, Меркурій, въ мои руки. Пусть онъ будетъ подъ моимъ присмотромъ. Слушай дикой негодяй! какъ ты осмѣлился презиратьъ моимъ сообществомъ? знаешь ли ты, что въ Англіи принимали меня въ лучшихъ собраніяхъ?

Д и к о й.

Знаю, что ты бездѣльникъ. Не заплатишь долгу! убить друга, который ссудилъ тебя деньгами, за то, что онъ опъ тебя ихъ пошребоваль! Прочь съ глазъ моихъ! я ушоплю тебя въ Спиксѣ.

М е р к у р і й.

Постой. Повелѣваю тебѣ, чптобы ты не дѣлалъ никакого насилія; разговаривай съ нимъ безъ сердца.

Д и к о й.

Долженъ себя слушаться. — Ну! скажи мнѣ, какое находили въ тебѣ достоинство, что принимали тебя въ хорошихъ обществахъ? Что ты умѣлъ дѣлать?

П о е д и н щ и к ъ.

Ты уже слышалъ отъ меня, что я игралъ въ каршы, сверхъ того у меня былъ хорошій столъ. Ни въ Англіи, ни во Франціи никто не ѣлъ лучше меня.

Д и к о й.

Такъ ты ѣлъ хорошо! Да ѣдалъ ли ты печонку, спегно, или плечо убишаго Француза! Вошь развѣ славное кушанье! мнѣ на моемъ вѣку разъ двадцать доспавалось лакомиться Французятиною. Я всегда держалъ хорошій столъ. Жена моя во всей Сѣверной Америкѣ почиталась искуснѣйшею въ приготовленіи Французскаго мяса. Ты, чаю, согласенъ что кушанье швое никакъ не могло сравниться съ моимъ?

П о е д и н щ и к ъ.

Я безподобно танцевалъ.

Д и к о й.

По пляши — ка со мною. Я цѣлый день въ соспоянїи плясашь; и пропляшу военный танецъ съ большою живостію, нежели кто либо изъ моихъ земляковъ. Покажи ты намъ свое искусство! Что же ты споишь, какъ сполбъ? Не ужели Меркурій ударилъ тебя своимъ жезломъ? Или ты сыпдишся показать намъ, какъ ты неловокъ и не складенъ! Естли бы позволилъ мнѣ Меркурій, то бы я тебя заставилъ пропанцовать такъ, какъ ты еще никогда не панцовалъ. Говори же, что еще знаешь ты, негодный самохваль?

П о е д и щ и к ъ.

И я долженъ все сіе переносить! О небо! что мнѣ дѣлать съ эпимъ нахаломъ? У меня нѣтъ ни шпаги, ни писполетовъ, а тѣнь его по видимому вдвое прошивъ моей сильнѣе.

М е р к у р і й.

Отвѣчай на его вопросы. Ты самъ желалъ вступишь съ нимъ въ разговоръ. Онъ не хорошо воспитанъ; но ты узнаешь отъ него нѣсколько истинъ, которыя по неволѣ долженъ будешь выслушать отъ

Радамонша. Онъ тебя спрашивалъ: что еще умѣлъ ты дѣлать, кромѣ того, что ты бѣлъ и шанцовалъ?

П о е д и н щ и к ъ.

Я весьма пріятно пѣлъ.

Д и к о й.

Ну такъ пропой же мнѣ свою надгробную, или военную пѣсню. Я тебя вызываю пѣть. — Но онъ онѣмѣлъ! онъ лжець, Меркурій. Все вралъ, что ни говорилъ; позволь мнѣ вырвать у него языкъ.

П о е д и н щ и к ъ.

Меня называешь лжецомъ! — но ахъ! я не смѣю мстить ему. Какое безчестіе для всей Пошуэловой фамиліи! Вотъ сущее мученіе!

М е р к у р і й.

Прими ошъ меня, Харонъ, сихъ двухъ дикихъ. Можешь ли глубокое невѣжество оправдать сколько нибудь Могокца въ ужасныхъ его злодѣяніяхъ; о томъ пусть Миносъ разсудитъ. Но что сказать въ пользу Англичанина? не по ли: что поединки вошли въ обычай? но сіе извиненіе ни къ чему здѣсь для него не послужитъ.

Не честь побудила его обнажить шпагу
прошивъ своего друга, но Фуріи, и — къ
нимъ должно его отправить.

Д и к о й.

Естьли должно изверга наказать, пол-
кни его ко мнѣ, Меркурій. Я великій ма-
стеръ мучить. Вотъ тебѣ, бездѣльникъ,
на первой разъ нѣсколько опъ меня пин-
ковъ.

П о с е д и н щ и к ъ.

О честь моя! бѣдная моя честь, ка-
кому подверглась ты поруганію.

(Съ Англичскаго).

III.

С М Ъ С Ъ.

(Пѣснь Италіанская).

Что вы, женщины, такое?
Мы не можемъ васъ понять,
Вы созданіе смѣшное —
Больше нѣчего сказать.

—
Милы, скромны, пихи, нѣжны,
То любезны, — а подъ часъ,
Жостки, вспыльчивы, желѣзны....
Не поймешь ей Богу васъ.

—

Что захочетъ — по съ собою
Можетъ женщина творить;
То представишь больною,
То казать здоровой видъ.

Весела — тогда крушится;
Естьлижъ почто грусть придетъ,
Не грустишь — а веселится,
И танцуетъ и поетъ!

Ежели кого полюбишь,
Говоришь: терпѣть нельзя.
Ктожъ противенъ ей, такъ будешь
Увѣрять: люблю тебя.

Что вы, женщины, такое?
Мы не можемъ васъ понять,
Вы создали смѣшное
Больше нѣчего сказать.

Вы безсильны — но надъ нами,
Вы имѣете всю власть,
Горе! съ нашими сердцами
Естьли въ сѣпи къ вамъ попасъ.

Сердце какъ свое ни спрячешь,
Вы ошпытите его,

Загорюешь и заплачешь —
Вамъ и надобно того.

Ажешь пословица спаринна,
Хоть пословица она:
Будьто бы глава мущина,
А раба ему жена!

Женщины! вы намъ улада,
Безпокойство и покой,
Наша радость и досада,
Вы нашъ адъ. — вы рай земной!

Словомъ: ваши мѣ игрушки,
Мы, мячи и кубари,
Мы рулешки, и коплюшки,
Мы рабы, а вы -- Цари!

К ъ

(При поднесеніи ей для прочтенія Ро-
мана Евелины. (*))

Позвольте поднести Романъ вамъ Евелину,
Въ которомъ ни пещерь, ни манускриптовъ нѣтъ.
Вы въ немъ увидите: картину,
Вступающей дѣвицы въ свѣтъ.

(*) Сочиненіе Мисъ - Бурней.

Какая дѣвушка прекрасна!
Съ какою доброю и ангельской душой!...
На что терять слова напрасно.
Не лучшесть выразить одной!
Ея достоинства строкой?
Сія дѣвица — образъ твой!

Б И Л Е Т Ц Ы.

1.

Доколѣ фракъ былъ новъ — дошолѣ надѣвалъ.
Доколь была мила — дошолѣ обожалъ!

2.

Ты думаешь и впрямъ, что я тебя любила?
Твой боленъ кошелекъ и я — тебя забыла.

3.

Не кляни мою измѣну,
Люди любящъ перемѣну.

Т р і о л е т ъ.

Я мнилъ: влюбиться не возможно.
Пока Алыны не видалъ.
Теперь же чувствую, что ложно
Я мнилъ влюбиться не возможно.
Влюбиться очень — очень можно,
Когда Алину кто узналъ!
Я мнилъ; влюбиться невозможно,
Пока Алины не видалъ!

Д о б о л ь н ы й.

Кончились мои желанья!
Умерла моя жена,
Сорокъ бочекъ есть вина,
Есть красопка Маланья, —
Кончились мои желанья!

П Ъ С Н Ъ

(Н ъ м е ц к а я .)

Случилось бѣдному Степану
Узрѣшь Лизету — полюбишь,
И получивши въ сердце рану
Лизетѣ эдакъ говоришь:

„Лизеша! будь на вѣкъ моею,
Хотя я бѣденъ — не богатъ;
Однакъ любишь себя съумѣю
Безъ мраморныхъ большихъ палашь.

Повѣрь, любовь не въ шѣхъ палашахъ,
Гдѣ распянувшись роскошь спитъ,
Любовь бываетъ чаще въ хапахъ,
Тамъ — гдѣ умѣренность сидитъ.“

Лизетѣ должнобъ посмѣяться
Степана бѣднаго словамъ,
Она — ну плакашь, обнимаешься,
Да и пошла съ Степаномъ въ храмъ.

Довольно хорошо пожили
Степанъ съ Лизетой годъ, другой,
Да пополькожь щастливы и были
Довольные своей судьбой.

Ихъ сильно бѣдность одолѣла,
Припомъ же парочка дѣтей...
Лизета поздно пушъ узрѣла:
Что бѣдный мужъ Степанъ у ней.

Не стало пищи, ни одежды,
Не знаютъ, какъ на свѣпѣ жишъ —
Съ дѣшми, безъ денегъ, безъ надежды,
Оспалось: подъ окномъ проситъ!!

Вошъ вамъ примѣрчикъ заблужденъ,
Картины не забудьте сей!
И не женишесь безъ имѣнья,
Чтобъ не клянупъ судьбы своей.

Мслевъ.

A. O. Ж.

Грустишь сироточка, что кровныхъ нѣтъ съ
тобой.

И я подвержень сталъ нынѣ участи такой:
Невинность! не грусти и перестань жалѣть

Сей вздохами наполнень свѣтъ,

Хоть нѣшь и матери — въ могилѣ твоей отецъ,
За то — твой опекунъ творецъ!

M. C.

Воззваніє кѣ Женищинамѣ.

Волосы сѣдѣють,

Зубы ужь падутъ —

Душеньки! прощайте:

Не могу любить !

Сорокъ лѣтъ съ десяткомъ

Я спрадалъ опъ васъ;

За любовь въ награду

Презираемъ былъ.

Врядъ ли вы найдете

Чудака, какъ я?

Душеньки! судите

Что я потерпѣлъ?

Обижали много,

Я же все люблю.

Всѣмъ я безъ различья

Угождать желалъ;

Всѣхъ я безъ разбору

Женщинъ лишь любилъ.
Обожалъ и *Машу*,
Катѣ строилъ куръ;
Чуть не заспрѣлся
Надю какъ узналъ.
По свѣту свипался
За *Павлиной* въ слѣдъ.
Вѣрочкинѣ увидѣвъ
Милой башмачокъ
Во вся я рѣхнулся,
Сашу позабылъ.
Лишь спрадалъ, помился,
А не былъ любимъ!
Ждалъ въ васъ утѣшенья,
Толку не нашель.
Въ глазки вамъ смопрѣвши
Юность прозѣвалъ;
Вкругъ васъ все бродиеши,
Къ старости прибрель!
Спохвапился поздно;
Проку нѣтъ во мнѣ.
Старъ, и лысъ, сѣдѣю —
Мнѣ ли ужъ любить!! —

Милыя! утѣштесь!
Не совсѣмъ бѣда.
Сжалъсь надъ несчастнымъ
Улыбнитесь мнѣ.

Наградите службу
Полюбивъ меня.
Я жестокъ не буду;
Я не такъ, какъ вы —
Презирать не стану,
Опвѣчать гоповъ.
Вы пожмете ручку,
Улыбнусь потчасъ,
Молвите словечко,
Поцѣлуй гоповъ.
Я хотя спаренекъ
Сердце есть во мнѣ.
Зябну, хоть въ Пешровку,
Кровь еще кипитъ.
Коль очки надѣну
Съ нѣжностью смотрю.
Не мѣшалъ бы кашель,
Прокричу: увы!
Брошусь на колѣни
Трость бы лишь была.
Волосы сѣдѣютъ,
Зубы, хоть падушъ;
Душеньки! не плачьте
Я могу любить!

Г. Кеттка.

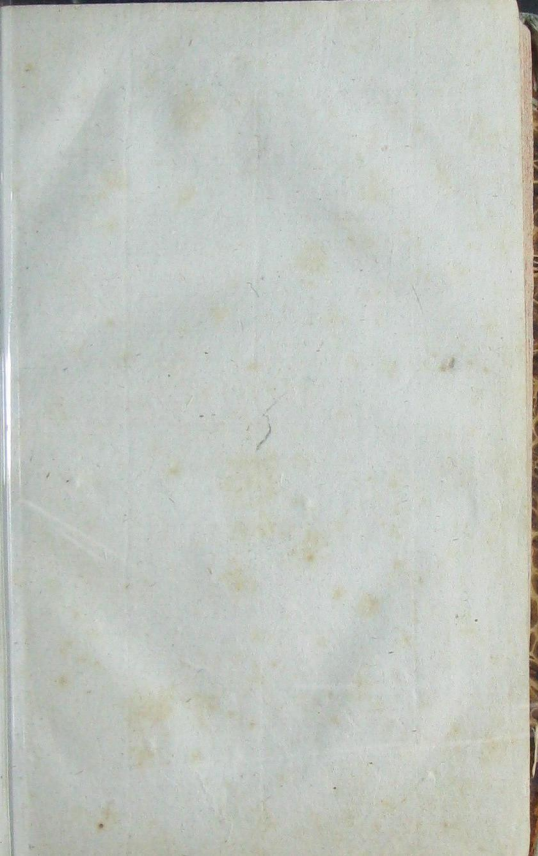
Х о р ъ П о е т о в ъ

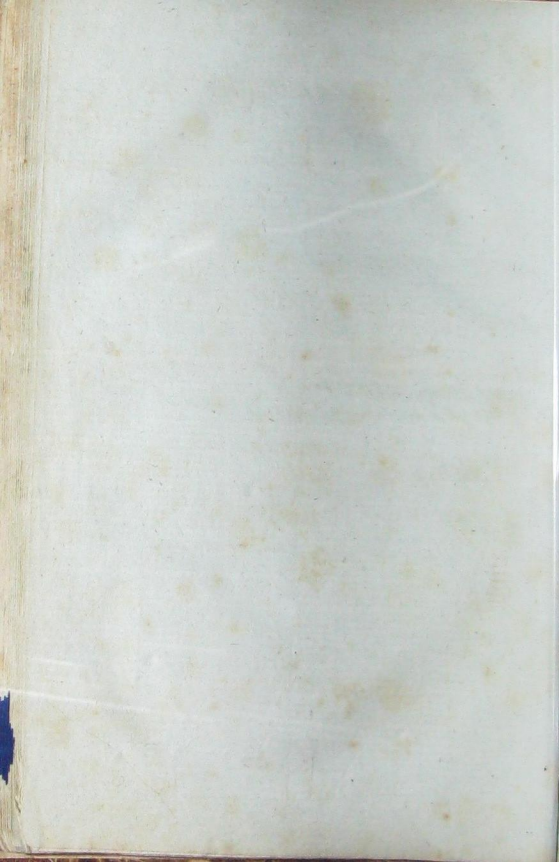
(6Ѣ первый день Нового года.)

Наша братья восхищайтесь!
Восхищайтесь — Новый Годъ!
Работашъ приготавливайтесь,
Чѣпобъ насъпачишь сотню Одъ

Этотъ день для насъ важнѣе,
Нежель ярманка купцамъ.
Мы бываемъ веселѣе,
Хабара большая намъ!

Мелечъ.

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЪ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Васи́лемъ Маслови́чемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.
И словомъ вижу я въ странѣ моей родной —
Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ ФЕВРАЛЬ.

ХАРЬКОВЪ,
Въ Университетской Типографіи;
1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ, основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатающее дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Февраля 1 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріилъ Успенскій.

I.

П О Э З І Я.

I.

*Посланіє кѣ Демокриту єв чердака бѣд-
наго стихотворца.*

Смѣю рекомендовашься
Вамъ, веселый Демокрипъ,
Вашей дружбою ласкашься,
Бѣдный Харьковскій Піипъ.
Не оставте безъ вниманья
Вы того, кпо рѣдко сыпъ,
Кпо, хопя безъ соспоянья —
Но имѣепъ апепипъ.
Руку помощи подайте,
Богъ за это наградишъ.
„Ближнимъ вашимъ помогайте.“
Такъ писаніе гласишъ.
Но не думайте, чпобъ звонкой
Спаль монепы я прөсишъ —
Я голякъ, но нада спонко
Вамъ со мною поступишъ.
Знаю часпо я діешу,

Хоть желудокъ мой ворчишь,
Но не думайте монету
Мнѣ въ подарокъ предложить.
Я хопя какъ Ирѣ убогій,
Хоть Пишъ — но пакъ я гордъ,
Какъ Философъ самый сирогій!
Иль какъ Англинскій Милордъ.
Чѣмъ могу вамъ быть полезный,
Коль угодно вамъ спросить,
Вопъ въ чемъ, Демокрипъ любезный,
Ваша помощь соспоишь:
Кончилъ рифмъ Словарь я славный,
То нельзяль васъ поспрудить
Сей Словарь большой, исправный,
Свѣшникову похвалишь.
Вы имѣете даръ слова!
Въ васъ огонь поэзы влишь! —
Уломайте Свѣшникова,
Славный сей поваръ купишь.
Я цѣною поспуплюся.
Хоть Словарь мой знаменитъ! —
Я, для пользы всѣхъ пружуся,
Тысячъ пять, и — будемъ квишь.
Вѣдь не дорого? — я скромень,
Въ барышахъ онъ можетъ быть.
Лексиконъ мой полстъ, огромень!
Всѣхъ въ сполицѣ онъ взманишь!
Къ Свѣшникову словно тучи,

Такъ Пійшы нагрядущъ,
Сыпашъ денегъ спанущъ кучи,
Всѣ въ споллицѣ запокутъ!
Секретарь, забудетъ годы,
Пропokoлы броситъ онъ,
А писать пріймется Оды,
Дастъ Французамъ въ нихъ презвонъ!
Попъ, чипашъ псалтырь престанетъ,
Взявши въ руку длинну просъ.
На эрепиковъ онъ грянетъ,
Чтoбъ не ѣли мѣа въ постъ.
А военные нахалы,
Дѣвушкамъ и бабамъ въ честь,
Пѣсенъки и Мадригалы
Безпрестанно будутъ плѣсть.
Безобразны дѣвы, дамы,
Юнымъ, нѣжнымъ красотамъ,
Полны желчью Епиграммы
Развезущъ по всѣмъ мѣстамъ.
Академикъ, двѣ Поемы
Будетъ въ мѣсяцъ выдавать,
Машемашикъ, Теоремы
Спанетъ въ рифмы подбиравъ, —
А конфетчикъ, за билеты
Перестанетъ школярамъ
На кредитъ давать конфеты —
Онъ спечетъ билеты самъ.
Словомъ всѣ: Кузнецъ, Пирожникъ,

Журналистъ , Магросъ , Портной ,
Ближникъ , Шляпникъ и Сапожникъ ,
Хлѣбникъ , Мастеръ часовой ,
Ювелиръ , Игрокъ , Сидѣлецъ ,
Франтъ , Философъ и Споляръ ,
Опкупщикъ , Законовѣдецъ ,
Медикъ , Шорникъ и Фигляръ ,
Винокуръ и Музыканты
И Цирульникъ , Крендельщикъ ,
Окулистъ , Комедіанты ,
И Актёръ и Погребщикъ
Всѣбъ Словарь мой покупали —
Свѣшниковъ , какой доходъ!!
Злапабъ рѣки припекали
Въ твоей сундукъ или камодъ!
Пѣшь имѣють всѣ охоту ,
Естьли только рифмы есть.
Всякъ , принявшись за работу ,
Вѣкъ спихи желаетъ плѣсть. —
Сколько выгодъ непремѣнныхъ
Связано съ моимъ шрудомъ:
Роешь бы — славныхъ и опмѣнныхъ
Авторовъ имѣлъ содомъ!
Я бы — поже для желудка
Трехъ гусей всегда имѣлъ ,
Былъ бы сытъ — сіе не шушка ,
Чудесабы я произвелъ!

А Россійская Держава, —
Какъ бы ты погда цвѣла!
Въ поздни вѣки громка слава
Разнеслабъ швои дѣла!! (*)

2.

Неудовольствіе Минервы на Бахуса и Венеру.

(Сатира моего вкуса.)

Всесильный Юпитерь, отецъ и Царь Боговъ,
Дабы избавишься отъ лишнихъ всѣхъ трудовъ,
Подваснымъ Божествамъ даль области раз-
личны,
И сидамъ каждаго, и склонностямъ приличны;
И словомъ: онъ весь свѣтъ божкамъ препору-
чилъ,
А самъ отъ всѣхъ заботъ спокойся — опочилъ.
Не то я говорю, что легъ онъ на постели,

(*) Издашель съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаетъ въ свой Журналъ посланіе Х. стихотворца — можетъ быть Г. Свѣшниковъ или другой какой книгопродавецъ прочитаетъ эти строки и прочитавши, нѣтъ сомнѣнія, что пожелаетъ вступишь въ торгъ съ Г. Сочинителемъ Словаря — рифмъ. Ибо (оставя шулки) подобный трудъ безполезенъ и не такъ легокъ, какъ многіе думаютъ; а слѣдовательно и нельзя имѣть его за бездѣлушку — прошу не прогибавшя Гг. Книгопродавцы! —

Но — что пустился онъ въ пучину всѣхъ веселій;

Въ различныхъ обрашняхъ любилъ, гулялъ, пилъ,
Блѣ,

Божественныхъ своихъ совѣмъ не зная дѣлъ.

А развѣ иногда для страху шучи двинуть,

Раскашомъ громъ пустить, блеснуть, перуны
кинуть. . .

Но безразсудный гнѣвъ, безвременная мечь,

Не могутъ никогда въ порядокъ свѣтъ привести.

Не будетъ никогда пуши во гнѣвѣ строгомъ. —

Сіе случилось съ Молніеноснымъ Богомъ.

Когда отъ мрачныхъ шучь очистивъ небеса,

Простеръ на шаръ земный онъ быстры очеса;

Узрѣлъ, что возстають всѣ боги другъ на друга,

И мысля всякъ, что малъ предѣлъ его округа,

Стремится распростерть свою повсюду власть,

И хочетъ похищать чужихъ удѣловъ часть;

Узрѣлъ, что жребіемъ всѣ боги не довольны,

И чпуть, что виненъ въ томъ Юпитеръ — Богъ
престольный.

Трикратно потряся сѣдою бородой

Задумался Зевесъ, и лобъ нахмурилъ свой;

Трикратно думалъ онъ, раздумывалъ трикратно;

Откуда, рекъ въ себѣ, толь мнѣніе превратно?

Юпишера — боговъ всѣхъ Бога и Царя —

Такъ дерско поносишь, всю власть его презря?

Онъ рекъ — и изъ морей всѣ поднялъ шучи
мрачны;

Онъ рекъ — и примѣнилъ въ ночь шемну день
прозрачный;

Минутно молніи, минутно громъ бросаль;
И смертныхъ, и боговъ подвластныхъ ужасаль.
Земля отъ ярости его вострепетала,
И горь своихъ верхи къ долинамъ преклоняла.
Тогда безсмертные и смертные почли,
Что часъ сей будетъ часъ послѣдній на земли.
И вдругъ по молніи, по громѣ самъ Зевесъ
Ужасныя слова сквозь тучи произнесъ:

„Да соберутся всѣ подвластные мнѣ Боги
„Предъ мой пресвѣтлый Тронъ, въ небесные
чертоги!

Возволновался весь боговъ безсмертныхъ кругъ,
И болѣ чѣмъ громъ, сей гласъ смутилъ ихъ
духъ.

Мяшутся всѣ, дрожатъ, шрепещутъ, суешатся;
Не знаютъ, какъ идиши, какъ Зевсу показаться;
Всякъ хочетъ съ переди въ строй задній увер-
нуть,

Чтобъ тамъ отъ Зевсовой погонки ускользнуть.
А особливо же богини всѣ лукавы;
Проказить такъ онѣ; а шутъ какъ будто правы,
Всѣ сами назади, а боги всѣ впередъ,
Чтобъ гнѣву Зевсову, имъ первымъ дать отчесть.
Минерва лишь одна всѣхъ будучи правѣ,
Напередѣ пошла гораздо посмѣлѣ.

Взошла — и всѣ за ней — къ Юпитеру въ чер-
тогъ,

Гдѣ важно возсѣдалъ на тронѣ грома Богъ.
Онъ кинулъ взглядъ на нихъ суровый, раздра-
женный,

И въ ярости вѣщаль сїи слова надменны:

„Какъ смѣли вы—божки—нарушивъ мой уставъ,
Вестъ брань между собой, не получивши правъ?
Или забыли вы, что небомъ и землею,
И вами, малыми божками я владѣю?“
Всѣ боги съ трепетомъ къ землѣ потупя взглядъ
Ни слова губы сжавъ предъ нимъ не говорятъ.
Минерва наконецъ молчанье разрушаетъ,
И съ откровенностью Юпитеру вѣщаетъ:
„Великій богъ боговъ! се видишь дочь свою!
Прими, родишель мой, ты жалобу мою!
Не знаю о другихъ, виновны или правы;
Но я всегда твои хранила вточь уставы,
Какую область мнѣ имѣшь ты повелѣлъ,
Не преступала я предписанный предѣлъ.
Я смертныхъ всѣхъ моею наукой просвѣщала
И части у другихъ боговъ не похищала.
Довольна—я была всѣмъ тѣмъ, что ты мнѣ далъ.
Лишь только бы меня никто необижалъ.
Но удовольствіе не долго продолжилось;
Исчезло все теперь, и все перемѣнилось. —
Ты знаешь мой отецъ, безпутнаго сына,
Рожденнаго твоею бедрою дурака,
Меня глава твоя — его родили ноги,
Что я его честнѣй, то вѣдаютъ всѣ боги.
Но этакъ глупинькой божокъ, и молодой
Своимъ неистовствомъ нарушилъ мой покой.
Бывъ дерзокъ ко всему, ко всѣмъ буянствамъ
смѣлый,
Онъ вздумалъ власть свою въ мои пренести пре-
дѣлы:
Настроилъ у меня трактировъ и шинковъ,

И всѣхъ шуда привлекъ моихъ учениковъ.
Кто съ удовольствіемъ въ наукахъ упражнялся,
Кто жертву мнѣ курилъ, кто сердцемъ покла-
нялся,

Бесѣдуя со мной кто плодъ наукъ вкушалъ,
Успѣхомъ мудрости Богиню утѣшалъ,
Услышавъ запахъ винъ, стакановъ громки звуки,
Отверглись всѣ меня, оставили науки;
На жертвенникъ вино всѣ стали возливатьъ,
И жертвы Бахусу — младому воздаватьъ.
Хотя возмется кто за книгу ненарочно,
Но въ книгѣ онъ всего не можетъ видѣть точно:
Сквозь пьяные глаза, сквозь тусклый сей лар-
нетъ,

Ни смысла не поймешь, ни словъ не разберешь. —
Но шутъ, родитель мой! не всѣ мои обиды;
Не менѣе шерплю я оныхъ отъ Киприды:
Богиня нѣжностей, ковчегъ плотскихъ спрасстей,
Безъ исключенья всѣхъ влечетъ къ себѣ людей.
И старой, и молодой, невѣжа и ученый,
И рабъ, и Господинъ, смиренный и надменный,
И воинъ, и деспотъ кшобъ ни былъ онъ ша-
ковъ,

Не можешь избѣжать Кипридиныхъ оковъ.
Но я передъ тобой за проихъ не вступаюсъ;
На то лишь жалуюсь, чего сама лишаюсъ,
Почто она сквернитъ наукъ священный храмъ,
И прелести свои повсюду сѣетъ тамъ?
Почто велишь она Эроту со спрѣлами
Играть, какъ куклами, учеными сердцами?
Пишомецъ мой бѣднякъ, увидя въ первый разъ

Призракъ ея красоть, плѣняется потчасъ;
И, мудрые глаза прикрывъ любовной сѣткой,
Волочится Сократъ за гордою кокеткой.
Какаяжъ польза въ томъ, что я учу людей,
Когда уже они во власти не моей?
Не гласы мудрости, любви лишь слышны вздохи;
Въ шинкахъ съ шинкарками танцуютъ скомо-
рохи.

То на стихахъ поетъ любовь Анакреонъ,
То нѣжному божку урокъ даетъ Назонъ;
То Сафо ядъ любви въ сердца людей вливаетъ;
Теренцій на театрѣ безпущства выставляетъ;
Тамъ безъ стыда твердишь о нѣжности Тибуллъ;
Тамъ юныхъ дѣвъ манятъ Проперцій и Катулъ;
О цѣломудрїи ни кто ужъ не помянешъ,
И честь молодыхъ дѣвицъ, какъ ала роза вянешъ.
Весь благодѣяніе нарушенъ мой уставъ;
Всѣ, всѣ въ сѣтяхъ любви, у всѣхъ испорченъ
нравъ.

Суди теперъ Отецъ, ты жалобу Паллады!
Не праведныль мои прошиву ихъ досады? «
Юпитеръ выслушавъ ея правдиву рѣчь,
Сынка Семеллина велѣлъ къ себѣ привлечь.
А Бахусъ передъ нимъ пища свои мыслѣше,
Зѣвая, говорилъ такую рѣчь въ отвѣстѣ:
„Я милосердый Богъ! ни въ чемъ не виноватъ.
Пожалуй на меня тебѣ наговорятъ.
Ты знаешь Юпитеръ, вить мы, хотя и боги,
Но какъ бывало насъ сберешъ въ свои чертоги
Садимся у тебя за круглымъ всѣмъ столомъ,

Пируемъ, пьемъ, бурлимъ, и спавимъ все въ
верхъ дномъ;

Тутъ вмѣсто Нектара вино и пиво тянемъ,
Да шакъ натянемся, что съ мѣстъ насилиу воспита-
немъ.

Бывало поднося устанетъ Ганимедъ,
Ибея бѣдная покою не найдетъ;
За то ужъ и женихъ удалой ей достался —
Но я передъ тобой не много заболтался.
Суди же по себѣ; и каждый человѣкъ
Видишь также хочеть жить въ веселіи свой вѣкъ.
Да яжъ въ регламентѣ велѣлъ по красоули,
А люди мой уставъ въ свой шолкъ перевернули:
До шѣхъ поръ селятся, до шѣхъ поръ тянутъ,
пьютъ,

Покуда кровію глаза ихъ обтекутъ,
Покуда щоки ихъ, какъ вишни побагрѣютъ;
Яль винень въ томъ, что шакъ уставъ мой раз-
зумѣютъ.

Прости въ томъ Зевсъ меня! мнѣ кажется я
пьянь;

Но не во гнѣвъ сказать, вели одинъ спаканъ
Поднесъ изъ твоего небеснаго буфету,
Изъ шѣхъ напишочковъ, какихъ у смертныхъ
нѣту.

Признаться, ты давно насъ въ небо не сзывалъ,
Давно пирушки намъ небесной не давалъ.

Себя однако же, небось, не забываешь,
Частенько съ Нектаромъ Ибею подзываешь.

Онъ что то и еще хотѣлъ было изречь;
Владычица любви его пресѣкла рѣчь;

Примѣшивъ, что Зевесъ отъ Бахусова вздора
Убавилъ нѣсколько свирѣлость гнѣвна взора,
Съ жеманствомъ передъ нимъ является она.
„Моя, речешь, еще не такова вина,
Чтобъ раздражился ты за то, Зевесъ всемогущий!
Ушѣхи всѣ мои безвинны, безпорочны.
Не ты ли самъ отъ вѣкъ быль такъ опредѣ-

лилъ,

Чтобъ смертный всякъ въ дѣлахъ богамъ подо-
бенъ былъ.

Чтобъ каждой ко всему съ боговъ снималъ при-
мѣры?

Такъ я самимъ шобой безвинна выше мѣры. . .

При томъ же я не съ тѣмъ сей огонь въ сердца
влила,

Чтобъ страсть любовная для смертныхъ зломъ
была;

Но съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать ихъ чувствитель-
ныхъ—способныхъ

Производить на свѣтъ людей себѣ подобныхъ.

Такъ виноваталь я, что умный человекъ

Не знаешь въ томъ границъ, учась во весь свой
вѣкъ?

Юпитерь помягчилъ свой голосъ величавый,

Я вижу, боги, вы, сказали, и всѣ не правы;

Такъ лучше безъ хлопотъ вы заключите миръ,

И въ знакъ того въ моемъ дому составте пиръ.

Прилично ли богамъ между собой браниться;

Вамъ смертныхъ должно бы, хоть нѣсколько
стыдиться. —

Къ Палладѣ обратясь: „А ты, любезна дщерь!

Желанія людей премудростью умѣрь,
Видь ты должна учить, чтобъ люди знали мѣру;
Тогда по твоему всѣ будутъ жить манеру.
Юпитерь не успѣлъ окончить этихъ словъ,
Готова ужъ была пирушка для боговъ,
На коей боги всѣ довольно ѣли, пили,
Съ Венерой, съ Бакусомъ, Палладу примирили.

Срз.

Б А С Н И.

3.

Откупщикъ и Харонъ.

Узрѣвши тѣнь съ огромнымъ пузомъ
Харонъ вдругъ ахнулъ и вскричалъ:
Боюсь, чтобъ съ симъ тяжелымъ грузомъ
И самъ я въ Спиксѣ не пропасть.
Откуда ты и что такое?
Скажи дебелая душа,
Ты видно что то непростое
Ты Кардиналь или Паша;
„Ктобъ ни былъ я, но вы не стойте
Объ этомъ смѣю васъ просить,
Ввалишься въ лодку мнѣ позвольте
Я долженъ въ тартаръ поспѣшить;
Скажу старику вамъ откровенно
Хочу прожектъ Плутону дать
И я надѣюсь несомнѣнно
Вашъ перевозъ на откупъ взять,

Всегда симъ планомъ занимаясь
Я въ мѣрѣ толстѣ, покоень былъ,
Богатства многаго лишаясь
О томъ при смерти не тужилъ.
Какіе знашныя доходы
Легко здѣсь можно получатьъ:
Сюда толпятся всѣ народы
И такъ со всѣхъ мы можемъ драсть!
Бриганду скажемъ мы и Галлу,
Намъ чисты деньги опочши
А Господину Камчадалу
Ясакъ мѣхами заплоти.
Теперь вы служите безъ платы
Не правдали? но у меня
Вы скоро будете богаты
И столько же почти какъ я;
Не рубище на васъ дурное
Не сей засаленный колпакъ,
Нѣтъ, будетъ платье дорогое
И пить вы станете аракъ.“
— Харонъ угрюмой, дикой, строгой,
Смякнулъ и въ первый разъ запѣлъ,
Не мудрено мужикъ убогой
Надежду къ щастью возымѣлъ.
Онъ жирной шѣни поклонился
И съ ней какъ можно скоро плылъ,
Плывя, Юпитеру молился,
Чтобъ грузъ его онъ сохранилъ.

Нахичевъ.

4.

Море и Рѣка.

Надулось Море предъ Рѣкою,
Реветь: что значите, вы Рѣки, предо мною?
Я съ важностью теку по безднамъ, по скаламъ
И съ шумомъ въ ярости стремлюся къ обла-
камъ...

— А мы, Рѣка въ отвѣтъ: не споль шумимъ
волнами,

Но нашими водами
Питается земля,
Тучающъ гордыя моря!

Нахилловъ.

5.

Ворона и Овца.

Ворона на спину Овечкѣ сѣла,
Обыкновенну пѣснь: кра, кра, она запѣла.

Терпѣнье потерявъ Овца,
Воронѣ наконецъ сказала два слова:
„Ворона, ты бы сѣсть на Пса не смѣла.“

Конечно нѣтъ,

Вороны былъ отвѣтъ:

Мнѣ стыдно было бы на старости учиться,
Какъ съ слабымъ надобно и съ сильнымъ обхо-
диться.

Мслевъ.

Конь барскій и Кляча.

Увидя барскій Конь Клячонку за сохою,
Запрыгаль и заржаль, кивая головою,
Потомъ, принявъ надменный видъ,
Предъ Клячей спаль бодриться

И началъ говорить:

Клячонка, можешь ли ты эдакъ умудриться,
Чтобы подобно мнѣ такъ ловко танцовать?

— Молчи и не мѣшай пахать,

Смиренно Кляча отвѣчала:

Не будь на свѣтѣ насъ,

Тогда у васъ

Охоша бы плясать пропала.

Ахъ сколько и межъ насъ боярскихъ есть Коней,
Что взыскивають всё съ подвласныхъ имъ —
людей,

Гордятся передъ ними,
А только и живутъ крестьянами своими.

Ястребъ и Птицеловъ.

За Голубемъ однажды Ястребъ гнался:
Но Голубъ улетѣлъ — а онъ въ силки попался.
„О пощади меня! — такъ Ястребъ закричалъ,

Когда увидѣлъ Пшицелова,
Я никогда тебѣ не причинялъ худова.“
И Глубь никогда тебя не обижалъ,
Охотникъ отвѣчалъ злодѣю
И послѣ оторвалъ ему достойно шею.

Мслевъ.

ЕПИГРАММЫ.

8.

На болѣзнь Г. Лицогина.

Сказали при смерти Лицогинъ воевода,
Вдругъ слышенъ вопль всего народа:
Всѣ злые во слезахъ: какъ жить намъ безъ него?
Всѣ добрые въ слезахъ: *слокой Господь его!!*

9.

На стрижку Дамъ.

Чему дивисья шумъ, что у мадамъ Франсезъ
Всѣ волосы въ обрѣзъ?
За то, что жизнь вела въ Гоморѣ и Содомѣ,
Обстригли волосы въ смиришельномъ ей домѣ.

Срз.

Ю.

З л о н р а в у.

О рокъ! еще ли я въ бѣдахъ не испытался?

Злонравъ мнѣ въ дружбѣ изъяснился

И душу мнѣ свою хотѣлъ онъ подарить:

То есть чуму привить!

II.

К л и т у.

Равняешь ты меня съ Жилблазомъ;

Но съ кѣмъ же я тебя сравню?

Съ Скотининымъ Тарасомъ? —

Нѣтъ! всё еще швой умъ я дорого цѣню.

Нахилмовъ.

I2.

Р ѣ д к о с т ь.

Не знаю, правду ли учоны говорятъ:

Что естбли дерево, (вошь на примѣръ Осину)

Не корень — а вершину,

Какъ должно зъ землю закопать,

Прилѣжно поливать,

То корень станеть бышь — вѣшвами;

Вершина же — корнями?

Но знаю точно, естблишь въ низъ

Поставишь головой *Быкова*.

(Хоть онъ сердись, хоть не сердись,)
А не былобъ различья никакова!

Мслвчъ.

Е П И Т А Ф І И.

13.

На гробѣ К.

Великій грамотѣй лежитъ въ гробу великомъ,
Онъ Руской слогъ, столь сильно зналъ,
Что знаніе свое, гдѣ не умѣлъ языкомъ
Руками сильно защищалъ!

Срз.

14.

Гражданскому Чиновнику.

Здѣсь погребень Приказный,
Щастливый сирѣчь плутъ;
Онъ толкъ давалъ указамъ разный —
Ему же не данъ кнутъ!

15.

Тутъ,

Лежитъ преблагородный плутъ:
Мошяга, пьяница, безбожникъ. . .
Короче: тутъ лежитъ Каршѣжникъ!

16.

Кокеткѣ.

Не попади Прохожій въ сѣшку —
Здѣсь погребли Кокетку!

НАДПИСИ.

17.

Къ портрету...

Наружность Голубина,
А внутренность змѣина!

18.

Къ портрету...

Ростъ славный, талья хороша,
А за лицо не дамъ гроша!

19.

Отрывокъ изъ Поэмы...

Друзья любезные! ведите жизнь святую; —
Повѣрьте — надобно по христіански жить;
Повѣрьте — надобно избрать стезю прямую;
Повѣрьте, что пора вамъ перестать блажить.
Былъ молодъ я и самъ, съ повѣсами водился —

То въ клубъ, то въ маскарадъ, а въ церковь —
ни ногой!

Съ попами ссорился, съ дѣвицами рѣзвился, —
Былъ юноша благой!

Чтожъ шумъ хорошаго? Внезапно смерть за-
станетъ,

Придетъ курносая, безъ жалости сразитъ;
Страхъ жизни будущей въ тебѣ загомоситъ; —

Вотъ шумъ то удалство завянетъ!

Вотъ шумъ — то пѣсенку иную запоешь

И не во снѣ, а въ явь ты грезы понесешь!

Давай ка за Святыхъ, давай Кузьму, Демьяна;

Пошлите поскорѣй ко мнѣ отца Ивана:

Читай акаѳисты и воду освяти,

Моли отецъ святыхъ — угодника Николу

И матеръ Божію; — да нѣтъ ужъ въ томъ пуши,

Навѣрное пойдешь въ горячую ты смолу!

Уже и сашана за тѣмъ къ тебѣ пришелъ. . . .

Лишь выпрыгнешъ душа изъ тѣла:

Чортъ Кохтинъ душу халѣ и бухъ её въ ко-
тель!

Терпижъ душа, коль жить ты въ свѣтѣ не-
умѣла! (*) . . .

(Съ французск:) Сумы.

(*) Издаешь благодарить почтеннаго переводчика и просить покорнѣйше и впередъ украшать журналъ его подобными шесами. М.

Бесѣда на пирушкѣ.

Любители газетъ явились у сосѣда,

Сосѣдъ семейный былъ

И хлѣбосоломъ слылъ,

А хлѣбосоль не пустить безъ обѣда:

По рюмкѣ водки съ полынемъ,

Потомъ сивушки съ ревенемъ,

(Какъ водится въ степи) обѣдать сѣли

И вотъ что ѣли:

Торячій борщъ съ кваскомъ и съ буряками

И кашицу къ борщу въ начинкѣ съ голубями,

Полядвицы, горохъ съ домашней вешчиной,

Комлеты съ свѣжею крапивою,

Индѣйку съ кислую подливой,

Плавидло съ тучною драхвой; —

А подъ конецъ, налистникъ съ бузиной,

Какъ будто блюдо дорогое,

Хотя и медовое;

Кваскомъ,

Пивкомъ

Всѣ яствы запивали,

Сливяночку, вишнёвку подавали. —

Да развѣ не было вина?

Было, — но только модны имена

Поддѣльныхъ фокусовъ торговыхъ,

Напитковъ новыхъ,

Не такъ то и здоровыхъ,

Какъ то:

Различное Шато,

Бутылочка съ Алонскимъ,
Съ Мадерой и съ Бургонскимъ.

И только лишь слуга винцо госпямъ поддастъ,
Прозрачнымъ рюмочкамъ винцо свой цвѣтъ при-
дастъ.

Довольно пили всѣ, довольно ѣли,

Довольно разкраснѣли

И вотъ ужъ встали отъ стола.!

Кто много ѣстъ, а въ двое запиваетъ,

Тотъ въ четверо болшаеъ.

Послушаемъ, о чемъ у нашихъ рѣчь зашла?

В о п р о с к и н ъ.

Вишь почта кажется пришла?

Р а с к а з о в ъ.

Пришла, да ужъ теперь газеты всѣ пустыя!

П р а в д и н ъ.

Какіе жъ люди спали злыя!

За то, чтобъ имъ прочесть о новости какой,

Хосятъ, чтобъ ближнихъ кровь лилась рѣкой!

Спросите вы у вдовъ, у матерей несчастныхъ,

Какія бѣдствія постигли ихъ въ войну!

Безъ горькихъ слезъ не вспомнятъ ту страну,

Гдѣ пали дѣти ихъ въ сраженіяхъ ужа-
сныхъ.

Свяшое дѣло миръ и тишина!

П о э т ъ.

Ты правъ, мой другъ! и пусть послѣдніе по-
шомки,

Взирая издали на наши времена,
Рекутъ: о коль дѣянья Россювъ громки!

В о л р о с к и н ъ.

Пришла мнѣ мысль одна,
Скажите, чѣмъ теперь газетчики займутся?

Р а с к а з о в ъ.

Не безпокойтеся, они найдутся,
Какое дѣло имъ, что кончилась война?
Хотябъ журналовъ тысячь двѣсти,
У нихъ не истощатся вѣсти!
Я тысячу готовъ въ закладъ отдать,
Что намъ опять достанется читать:
„Въ Доминго жолта лихорадка,
„Во Франціи въ финансахъ нѣтъ достатка,
„Въ Константинополѣ чума,
„Въ Россіи сильная зима,
„Наполеонъ сошолъ съ ума.

В о л р о с к и н ъ.

„Туссенъ съ Христофомъ помирился,
„Миранда въ Мексикѣ женился,
„Въ Мадридѣ былъ пожаръ.

Р а с к а з о в ъ.

„Потребно подтвержденье!

В о л р о с к и н ъ.

„Въ Неаполѣ землетрясенье!

Р а с к а з о в ъ.

„Впредь будетъ продолженье;
„Въ Калѣ лѣтала на воздухъ шаръ!“

В о п р о с к и н ъ.

Когдажъ случится Бонапаршу
Нечаянно взглянуть въ Ланкаршу,
А между пѣмъ ногою шевельнётся
Или м ргнётся. . . .

Сей часъ въ газеты онъ войдётся!
За тридевять земель о томъ узнають,
Гляди, въ Америкѣ и въ Индіи читають
И говорятъ: бѣда, какъ онъ уйдётся!

Р а с к а з о в ъ.

Тутъ знаки и примѣшны:

Вотъ то и то

Сей часъ взято

Изъ Фосовой газеты.

П р а в д и н ъ.

Самъ Богъ инымъ не угодить!

Толкуютъ вотъ, — а вишь не знаютъ

За что газеты охуждаютъ;

Вы знаете, за правду я сердить.

Коль истину сказать, всѣ наши журналисты,

Въ благихъ намѣреняхъ бывъ чисты,

Желають обществу полезный трудъ принести,

Но чтобы читателей привлечь, то ищутся

Къ различнымъ видамъ примѣнясь,

А вкусы всякіе вить есть. —

Я слышу звукъ — и струны шевелятся:

Поэшь! воспой намъ пѣснь, побѣдамъ Россіимъ

Въ честь.

Н о э т ъ .

Восторгомъ упоенъ, взыгравъ на звучной лирѣ,
Устами воспою чудесный подвигъ въ мірѣ;
Молю тебя, о Фебъ! на помощь мнѣ сниди,
Внуши глаголы мнѣ и мысли просвѣти!

Съ Царями запада злодѣи восполчился,
Прещенъ дышущій, онъ варварски вломился
Въ союзную страну; — какъ вихрь въ Москву
шагнуль

И тамъ пограбилъ всѣ чертоги и божницы;
Подъ спуды углубясь, онъ Царскія гробницы
Злодѣйски обнажилъ; — Москву съ земли свер-
нуль!

И се, могущій Россѣ подъяль свою десницу,
Взмахнуль! — и вдругъ исторгъ разваленну сто-
лицу!

И крѣпкой грудію сомкнувши ратной строй
Пошелъ сей исполинъ съ Европой состязаться:
Гдѣ смерть грозитъ, туда нетрепетной стопой,
Съ отважнымъ мужествомъ спѣшитъ въ бояхъ
сражаться.

Ужъ къ Ярославцу врагъ достигъ — вторгнул-
ся въ градъ,

Заряды пламенны посыпались какъ градъ,

Изрыли землю всю, и воздухъ всколебался,
Тамъ слышенъ спонъ, тамъ гуль далеко отзы-
вался

И щуплой городъ сей изъ злобныхъ рукъ семь
красть

Сквозь огонь переходя, за Россами остался!

Вѣжамъ со трепетомъ враги въ обратный
путь, —

Упреждены вездѣ, не могутъ отдохнуть;

Вѣжамъ и въ день и въ ночь, отъ грозныхъ
гдѣбъ укрыться

И встрѣшилъ ихъ въ пути студеной Аквилонъ,

Крылами мерзлыми надъ воями кружится.

Вотще съ народами бѣжитъ Наполеонъ

И при Березинѣ дерзнулъ еще сразиться:

Скрутившись съ вихремъ снѣгъ, съ орудій дымъ
густой,

Багровый солнца лучъ затмили черной мглой

И топчѣй врагъ въ рѣку дружинами валится,

Въ безлиштенныхъ лѣсахъ пространной полосой

Несмѣтны тысячи постигнуль жребій злой.

По всюду алчна смерть за ними въ слѣдъ лѣ-
тѣла,

Замерзлая земля въ крови зимой вскипѣла!

Такъ двадцать языкъ могущій Россѣ сра-
зиль

И трупы вражьи и кости распочилъ!

Тогда ихъ тѣлеса, не бывши погребенны,

Лѣжали зиму всю, какъ муміи неслѣбны;

Тогда и хищный вранъ ихъ шруповъ не вре-
дилъ

И плотоядной волкъ далеко отходилъ.

Весною наконецъ, сложивъ ихъ въ стоги, въ
стоги

И пламень такъ пожралъ тѣла народовъ мно-
гихъ.

Несытый вождь, полки безбожно погубя,
Лишь въ первое узрѣлъ нещастье близъ себя.

П р а в д и н ъ.

Проклятїя ему въ потомствѣ отдадутся
И кости желшья во гробѣ содрогнутся;
Въ одежду грустную пол-міра ояъ облекъ:
Проклатїе ему изъ рода въ родъ и ввѣкъ!

П о э т ъ.

А ТЫ, о АЛЕКСАНДРЪ! въ Царяхъ благосло-
венной!

ТЫ кротостью души гремишь въ концахъ все-
ленной,

Благими доблестями державныхъ всѣхъ заш-
милъ

И власти сильныя и зависть удивилъ;
Народы всѣ ТВОЙ путь цвѣтами устилали,
Врата торжественны Цари сооружали,
Величїе свое въ ТЕБѢ умножилъ Богъ:
Возвеселися ЦАРЬ, ТЫ міръ спасти возмогъ

П р а в д и н ъ.

И ты, мастистый вождь, безсмертный мужъ,
Кузузовъ!

Твой Геній далъ примѣръ властителя Францу-
зовъ

Во браняхъ побѣждаетъ; ты, ты его сгубилъ
И славу ложную низринулъ и испнилъ!
О подвигахъ твоихъ народы веселились,
Величїю души всѣ царства удивились,

По доблестямъ — ты сталъ героевъ всѣхъ
краса

И слава о тебѣ проникла въ небеса!

Р а с к а з о в ъ.

Шутите вы съ Наполеономъ,

Такихъ примѣровъ нѣтъ

Какіе выпустилъ онъ въ свѣтъ:

Владыкой бывъ, живёшь чужимъ онъ пансіо-
номъ! (*)

Шутите вы съ Наполеономъ.

В о л р о с к и н ъ.

А Короли? Мюратъ, Евгений и Жеромъ:

Въ десницахъ скиптръ держали,

Съ престола, — по снѣгу бѣжали

Съ церковнымъ серебромъ!

Р а с к а з о в ъ.

Хорошъ и дядюшка, отецъ духовной,

Въ смиренной ризѣ Фешъ!

Чалмой укушавъ плѣшь,

Потрясъ было престолъ церковной!

Подидка въ свой трактиръ, жаркое рѣжь,

А на страдальца Папу

Впередъ не поднимай не чисту лапу.

П р а в д н ы ъ.

Злодѣевъ, дышущихъ неправдой и войной,

Всегда постигнетъ жребій злой!

Коль многимъ бѣдствіямъ мы сами *суть* виной!

(*) Это писано въ 1814 году.

Почто прельстилися Виргиліємъ, Гомеромъ,
Что древле славили гекзаметрскимъ розміромъ
Оружіе царей, кровазую ихъ длань?
Филиповъ сынъ и Карлъ, на брань
Ступая, въ слѣдъ за ихъ примѣромъ
И славой обуявъ, съ конца въ конецъ земли!
Людскую кровь, какъ воду, пролили.

В о л р о с к и н ъ.

Расказовъ! я тебя, какъ друга, почитаю
И знаю,

Что ты, науки полюбя,
Имѣешь всѣ журналы у себя:
Измайлова, Отечествъ и Глинки,
Скажи какія естъ новинки?

Р а с к а з о в ъ.

Теперь въ Китаѣ бунтъ, въ Америкѣ война,
Въ Европѣ тишина,
Въ народахъ и царяхъ на Бога упованье,
А между шѣмъ швердятъ въ Парижѣ вычитанье.

В о л р о с к и н ъ.

За то хотятъ приобрести кредитъ
И недовольный Галль на деспота сердитъ.

Р а с к а з о в ъ.

Въ Берлинѣ дѣлаютъ сложенье,
Въ Россіи *умноженье*,
Въ Германіи *дѣленье*,
А Датчанамъ досталась *дробь*.

В о л р о с к и н ъ.

Вспомѣютъ бѣдные, пустьъ выпрутъ лобъ

И правой сторонѣ впередъ ужъ не мѣщаются...
Скажите мнѣ, о чемъ Лондонцы помышляютъ?

Р а с к а з о в ъ.

Ужъ этихъ братья никто не проведетъ!
Когда Британецъ деньги раздаетъ,
Повѣрь, съ процентомъ отберетъ!

В о п р о с к и н ъ.

Что дѣлають въ Саксоніи и въ Польшѣ?

Р а с к а з о в ъ.

Республики не будетъ больше,
А пляска долонсзъ ихъ всѣхъ переживетъ.

В о п р о с к и н ъ.

А Шведъ то, кажется, идетъ впередъ.

Р а с к а з о в ъ.

Конечно, онъ Норвегію беретъ.

В о п р о с к и н ъ.

А Турки?

Р а с к а з о в ъ:

До времени играютъ въ жмурки.

В о п р о с к и н ъ.

Наполеонцы что?

Р а с к а з о в ъ

Теперь ни что!

В о п р о с к и н ъ.

Вотъ шутъ то есть о чемъ гремѣтъ на Лирѣ!

Поддасъ онъ всѣмъ, дакому два и три,

А овому четыре!
Но не зѣвай, поэшь! смотри,
Чтобъ самъ не скушалъ въ двое!

П о э т ъ.

Госпожь я блюдо съ ѣсть, да только не пустое,
Но чтобы зрѣлая въ немъ ягодка была,
А кислой плодь какъ былъ, такъ снимуть со
стола!

Р а с к а з о в ъ.

Спокойной ночи, жаль, что кончилась пирушка!

П р а в д и н ъ.

Пожалуй не жалѣй, на свѣтѣ всея игрушка!

В. Л.

II.
ПРОЗА.

21.

Разсужденіе о любви.
(Изъ Берниса.)

Письмо къ Госпожѣ N. . . .

Вамъ угодно знать, Милостивая Государиня, что такое любовь, то есть, я долженъ изъяснить вамъ то, что вы сами внушаете. Для чего пребудете вы изъясненія своего собственнаго дѣла? Не лучше ли бы вамъ самимъ угадать мои чувствованія, нежели заставлятъ меня открывать ихъ? Однако я не откажу вамъ въ злбномъ удовольствіи, котораго вы ищете; и опчаспи какъ философъ, опчаспи какъ влюбленный, спану вопрошать свое сердце: безъ искусства и порядка спану писать то, что мнѣ скажетъ любовь. Не ожидайте что бѣ она всегда мнѣ льстила; вамъ извѣстно сколько я имѣю причинъ на нее жаловаться; но также не думайте чшобы я изъ мщенія старался скрывать приятности которыя вы споль хорошо даете чувствовать. Я предложу ея пороки и ея преимущества; и такимъ образомъ, Милостивая Государиня, найду способъ препод-

дасть вамъ наставленія и вмѣстѣ засвидѣтельствовать вамъ мою преданность.

Желаю чпобы мои размышленія достойны были васъ, меня и любви; и чпобы чрезъ сто лѣтъ и болѣе мы всѣ прое могли опять найти другъ друга.

Чпобы умѣть любить надобно имѣть сердце: однихъ чувствъ для сего мало, чувственное сложеніе направляемое умомъ, можетъ довести до любви. Мы родимся нѣжными или саслолюбивыми; природа всѣмъ сердцамъ даетъ охоту къ удовольствію, а иногда непреоборимую склонность къ любви. Одни щасливцы вмѣстѣ съ симъ щекопливымъ вкусомъ къ удовольствію получающъ тонкую разборчивость улаждающую сей вкусъ.

Но души копорыя любовь избрала къ тому чпобы любить, принуждены быстро и безъ оспановки переходитъ отъ великихъ удовольствій къ великимъ горестямъ. Волненія ихъ всегда будутъ новы и всегда чрезвычайны.

Знаете ли вы огонь принимающій всѣ виды копорые даетъ ему дуновение, возпламеняющійся и потухающій по мѣрѣ сильнаго или слабаго движенія воздуха? Онъ раздѣляется, соединяется, привле-

гаешь къ землѣ, возносятся вверхъ; но могущественное дуновение имъ управляющее, измѣняя его выды всегда возбуждаетъ его, а никогда не попускаетъ: сіе дуновение есть любовь, а огонь наши души.

Есть страны которыя любовь избрала своимъ царствомъ; чистое небо, благораспворенный воздухъ, плодоносныя и прелестныя нивы, привлекающъ любовь и кажется оспановляющъ ее. Храмъ ея вездѣ гдѣ природа прекрасна; дочь послушная и благодарная, она повсюду слѣдуетъ за своею матерью. Источникъ Воклюзскій, могила Лауры, берега Линьона суть прелестныя мѣста въ копорыхъ она обитаетъ: вѣчныя льды Норвегіи, сѣпи Сибирскія, суть ужасныя шеатры ея опустыя; они никогда не были пребываніемъ ея владычества. Провансалъ, Португалець, родятся влюбленными: Лапландецъ сначала грубъ; онъ можетъ прищипить неисповство, но не чувствовашъ нѣжность. Приятность и богатство страны безконечно много придають душамъ кротости; распвореніе воздуха имѣетъ дѣйствіе на нравы. Надобно быть нѣжну, чтобы быть любовникомъ, но живость у нѣж-

ности ничего не отнимаешь. Истинные любовники походятъ на многоводные источники которые быстры; но текутъ приятно.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе какъ говорить о любви; нѣтъ ничего рѣже какъ говорить о ней основательно. Сердце ее чувствующее, опредѣляетъ ее гораздо лучше, нежели умъ который только воображаетъ. Спросите у любовника что значить любить: чувствующая и желаетъ, скажетъ онъ вамъ двумя словами. Но глаза его, лице, все въ немъ объяснитъ вамъ сие опредѣленіе. Умной человѣкъ можетъ вамъ сказать тоже, но не только просвѣтитъ васъ. Однимъ словомъ, любовникъ говорящій о любви, заставляетъ васъ самихъ ощущать ея восторги; умной человѣкъ вамъ ихъ только описываетъ.

Я любилъ: мое молчаніе увѣдомило любимую мною о томъ что мнѣ надобно было ей сказать; я еще хотѣлъ только говорить, а она уже меня выслушала. Въ истинной любви не лзя ошибиться. Въ присутствіи существа которое насъ любитъ, возникаетъ въ насъ тайный голосъ, произвольное движеніе никогда не обманывающее. Сердца наши еще болѣе имѣютъ познанія въ любви нежели глаза наши

которыя къ прищворной наружности всегда бывають слѣпы и нечувствительны: ихъ не трогаешь ничто подложное или приуготовленное, одна спрашивается до нихъ. Съ умомъ бываетъ не то; все ему льстящее обманываетъ его и онъ часто безъ внутренняго убѣжденія увлекаетъ сердце за собою.

Кокетство обыкновенно всегда спасаетъ женщинъ отъ сильныхъ спрашекъ, а распутство почти всегда служитъ отъ оныхъ защитою мужчинамъ. Надобно думать скромно о самомъ себѣ чѣобы любить искренно; надобно имѣть благоразуміе чѣобы любить долго: большая часть женщинъ уступаютъ, а не любятъ: большее число мужчинъ наслаждаются не прилѣпаясь. Истинныхъ любовниковъ все тщеславіе соспоитъ въ томъ чѣобы плѣнить другъ друга и все ихъ удовольствіи въ наслажденіи своею побѣдою.

Любовь обыкновенная есть самая слабая изъ всѣхъ спрашекъ. Ожиданіе удовольствія поддерживаетъ ее, приближеніе онаго ослабляетъ, а исполненіе истребляетъ совершенно. Въ посредственной спрашѣ все становится угожденіемъ, пожертвованіемъ. Мы льстимъ любовницѣ,

одобряемъ ея мнѣнія, но не можемъ принимать ихъ. Слабая любовь не должна бы продолжаться болѣе дня; благоприспособность и уваженія превращаютъ ее въ мученіе.

Истинная нѣжность, испытанная склонность, склонность искренняя и взаимная владычествуетъ надъ всѣми прочими приспрастіями души: это пожаръ испребляющій ихъ до самыхъ корней; и если истинная любовь всѣхъ, спраспей и не испребляетъ, то покрайней мѣрѣ приводитъ ихъ себѣ въ рабство: она повелѣваетъ ими власною, онѣ ей повинуются безъ сопротивленія. Свѣтъ никогда не оспается въ прежнемъ видѣ въ глазахъ любовника: онъ перемѣняется вмѣстѣ съ состояніемъ его сердца. Щастливъ? все для него прелестно, все спокойно; ночь спановится въ тысячу кратъ прекраснѣе дня; мракъ ея есть очаровательная завѣса за кою утѣхи скрываются для прельщенія; ея безмолвіе спановится языкомъ самаго щастія; все оживотворяется: времена года съ новыми днями приводятъ новыя утѣхи; наконецъ вся вселенная спановится театромъ блаженства. Нещастливъ? и самыя стихіи испровергаются;

день спановишся ночью могильною; жало утѣхи жаломъ горести; нѣтъ уже сего чистаго воздуха, нѣтъ сей улыбающейся и украшенной природы; своенравіе любовницы разрушило сіе прекрасное устройство; онъ видитъ со всѣмъ другое небо и другія звѣзды.

Свѣтъ весьма малъ въ глазахъ любовника. Любовница, одежда къ ней прикасающаяся, мѣсто ее заключающее, воздухъ окружающій ее: вошъ весь свѣтъ, вошъ просиранная вселенная.

Если бы всѣ люди были любовниками, то общества состояли бы не болѣе какъ изъ двухъ человекъ, любящаго и любимой. Изъ всѣхъ узъ привязывающихъ насъ къ нашимъ семействамъ, друзьямъ, къ нашей пользѣ, славѣ, удовольствіямъ, любовь составляетъ такую цѣпь которую сильно прикрѣпляетъ къ нашему сердцу и рука любовницы управляетъ ею.

Любить значитъ не любить ничего того что было намъ любезно во время равнодушія: любить значитъ принять духъ своей любовницы и мыслить такъ какъ она, видѣть ея глазами, чувствовать ея сердцемъ; словомъ, перемѣнить свою природу и сдѣлаться тѣмъ чѣмъ она.

Спрасъть ужасная и неисловая помрачающая разсудокъ, упохребляющая его орудіемъ нашего безумія, заставляющаго его боготворить наши глупости; спрасъть благородная и великодушная возбуждающая въ насъ любовь къ славъ, усыпленное праводушіе, припулленную разборчивость. Словомъ, любовь не имѣетъ одного виду, но способна къ принятію всѣхъ ихъ. Ея добродѣтели и пороки равно ей чужды. Вода принимаетъ видъ сосуда ею наполняемаго: наши любовницы дѣлають насъ всѣмъ шѣмъ чѣмъ мы бываемъ.

Вы, призванные къ владычеству надъ народами! убѣгайте любви. Родясь повелѣвать, вы спанете рабами и если предмѣтъ васъ прельщающій не есть образъ добродѣтели, шакъ какъ онъ въ глазахъ вашихъ сдѣлался образомъ красоты, то пресполъ вашъ попрысется, можетъ быть вы будете даже погребены въ его развалинахъ.

Любовь не сотворена ни для Царей ни для народа; цари имѣють слишкомъ много обязанностей, а народъ слишкомъ много нуждъ. Любовь единственное благо котораго нельзя оцѣнить, любовь и единственное зло которому нѣтъ исцѣленія.

Изобразите его опаснымъ чудовищемъ, представьте его Богомъ благошворящимъ: и въ томъ и въ другомъ изображеніи вы ее найдете совершенно.

Полюбите женщину которая только что прекрасна: любовь ваша будетъ имѣть конецъ. Прелести, приятности шѣла ограничены; мѣра вашего любопытства будетъ мѣрою нѣжности вашей. Присоедините умъ къ симъ наружнымъ красотамъ, къ красотамъ исчезающимъ отъ наслажденія, и онѣ умножатся, разольются и каждую минуточку будутъ одушевляться. Умъ красотѣ тоже самое что цвѣтамъ упрежня росо. Но если между умомъ и приятностями откроете вы еще своенравіе, спранныости, суетности, ревности, досаду, то зажмурьте совсѣмъ глаза надъ вашими упражненіями и обязанностями; предсказываю что вамъ любить во всю жизнь. Имѣть любовницу соединяющую въ себѣ пріятности, умъ и своенравіе значить наслаждаться тремя особами вмѣсто одной.

Споръ на щопъ смуглыхъ и блѣлыхъ произошелъ отъ однихъ сластолюбцевъ; любовники не въ состояніи его разрѣшить: первые любятъ по разсужденію, послѣ-

дніе не размышляя. Не прекрасные черные и не прекрасные голубые глаза вскружають головы и смущають сердца, а тѣ которые лучше всѣхъ говорятъ языкомъ души нашей; красота нравится, а физіономія увлекаетъ.

Ревность есть пища и отравка любви. Она дѣлаетъ любовниковъ разборчивыми, а любовницъ неисповыми. Когда она кропка и умѣренна, тогда является воздержною въ жалобахъ и осторожною въ подозрѣніяхъ: будучи такимъ же ребенкомъ какъ и любовь, она ею играетъ и въ шуткахъ исправляетъ ее: въ семъ по видѣ и подъ сими чертами надлежитъ ее принимать въ нѣжную связь. Убѣгайте ея когда она съ кинжаломъ въ рукѣ устремляется поспопамъ фурій, когда она спонетъ, когда вопіетъ у могилы ея самою ископанной и смѣшиваетъ кровь свою съ кровью пролипою отъ нее самой.

Беспокойная Аспрея гораздо любезнѣе неисповой Медеи. Надобно всегда быть разборчивымъ, а не ревнивымъ; разборчивость всегда нѣжна; ревность часто бываетъ жестока.

Большая часть мужчинъ и женщинъ не право упрекають другъ друга въ невѣр-

ности. Они прежде клялись въ горячей любви, въ любви взаимно внушенной симпатіею. Измѣнивъ истиннѣйшую которую они тогда свидѣтельствовали, должны ли они удивляться что здѣлались вѣроломными въ любви? Въ свѣтѣ мало любящъ, а только забавляющъ. Говорить въ немъ о любви безъ шутокъ, значило бы подвергнуть себя посмѣянію. Однако же въ глазахъ истинной честности любовникъ и любовница невѣрные равно презрительны. Перестать любить по непостоянству есть погрѣшность естественная; измѣнить любезной всегда есть порокъ любовника.

МЫСЛИ.

Во младенчествѣ нужно, чтобы женщины охраняли родители, въ молодости мужъ, въ старости дѣти; ибо женщина никогда не должна имѣть свободы.

Винну-Сарма.

Юность, великое богатство, высокая порода и неопытность, каждое въ особенности, есть источникъ разоренія. Какой же будетъ жребій того злощастнаго смертнаго, въ коемъ всѣ онѣ будутъ соединены?

Онъ же.

Всѣ жалуются на слабую память, но
никто не жалуется на слабый умъ.

Люди ни на что не бываютъ такъ ще-
дры, какъ на совѣты.

Щипать себя умнѣе другихъ, есть
вѣрное средство быть обманутымъ.

Сохранять здоровье строгою воздер-
жанностію есть самая скучная болѣзнь.

Роше-фукко.

Дворъ безъ женщинъ поже, что годъ
безъ Весны и Весна безъ розъ.

Францискъ I. ф. К.

Самолюбіе есть Богъ женщинъ.

Сенюръ.

Коль умъ небесный огонь, печь наша голова,
Чтожь наши знанія? солома и дрова.

Нахилловъ.

На что ты хочешь знать, завтра,
или еще чрезъ нѣсколько лѣтъ, должно
тебѣ расстаться съ жизнію? Благодарю
судьбу за то, что она скрыла отъ тебя
последній часъ твой. День пройдетъ, ты
все еще можешь надѣяться; годъ прой-
детъ, все еще можешь не опчаяваться,
но если бы ты зналъ свой роковой часъ,
не спалъ ли бы ты робко щипая дни свои
безпрестанно помишься?

Гонорскій (въ Духѣ Горация и Тибулла).

III.

С М Ъ С Ъ.

(Пѣснь Французская.)

I.

Я слышу, что Донскіе
За Рейномъ Козаки,
Дай Богъ! въ Парижъ имъ самый
Начась хотъ заглянуть!

Пусть стануть жечь здѣсь дома
И между тѣмъ потъ домъ,
Въ которомъ обитаетъ
Любви моей предмѣтъ.

Я вѣпра бы скорѣе
И молніи быстрѣй,
Влетѣлъ въ окно Жанеты
И вынесъ бы ее!

А естлибъ захотѣли
Красавицъ полонить,
Я взялъ бы саблю въ руку
И предъ Жанетой сталъ.

Хотъ говорятъ: Поемы
Красавицамъ не щить,
Молчите Петимѣтры. . .
Не вы ли щить красѣ?

Пусть руку отрубили,
Еще другая есть,
Когдабъ и сей лишили,
Схватилъ бы въ зубы мечъ!

Сражался бы дополѣ,
Доколѣ голова,
О радость! — не упала
Къ Жанешинымъ ногамъ!

Она тогдабъ узнала
Какъ я ее любилъ —
Быть можеть — плакать стала,
Нѣтъ, много для меня!

Хотя бы двѣ слезинки
На трупъ мой пролила,
Я былъ бы симъ доволенъ
И съ лихвой награжденъ!

Нѣтъ — милая Жанеша!
Прошу одной слезы,
Дабы мнѣ не остаться
Передъ тобой въ долгу.

Я больше жить не буду,
Чѣмъ долгъ мнѣ заплатить?
Въ землѣ зарытый буду. . .
Быть плутомъ не хочу.

2.

Эпиграмма Харьковскому Демокриту.

Для друга тайны нѣтъ, ему душа открыта,
Вотъ дружеской совѣтъ какъ время сокращать:
Совѣтую тебѣ Журналы всѣ читать,
Не тронь лишь Демокрита.

3.

Комплиментъ Харьковскому Демокриту.

Явился новый Демокритъ,
Который прежнему ни въ чемъ не уступаетъ
И также чудеса творитъ:
Тотъ сонъ производилъ, а этотъ сна лишаетъ. (*)

4.

Нешастіе и Нешастіе.

Нешастіе большое,
Когда есть апетитъ,
Да не за что купить.
Но тотъ несчастливъ вдвое,
Имѣетъ кто чѣмъ жить,
Да брюхо не варить.

Мслвчъ.

(*) Издашель замѣчаетъ Г. написавшему такъ хорошо Эпиграмму на Х. Д. и Г. польстившему споль шонко Х. Д. что ежелибы вздумали они присылать свои піесы въ Журналь его, то Х. Д. взялъ бы верхъ надъ всѣми подобными изданіями.

Л и з а.

(П ѣ с е н к а.)

О Лиза, рай души моей!
Мое едино утѣшенье!
О Лиза, въ власти все твоей —
Прервать — продлишь — мое мученье. —

Захочешь — веселья потчасъ;
Желаешь — и страдаю,
О женщины! кто знаетъ васъ, —
А я не постигаю! —

Смѣшныя мѣра мудрецы!
На что вамъ заходить далеко?
На что вамъ тамъ сводить концы,
Людское гдѣ не видитъ око? —

На что вамъ трогать Небеса,
Громъ, молнію и бури?
Вотъ Лиза вамъ — моя краса,
Заняшь, балагуры!

Извольте вы мнѣ описать
Бя прелестнѣйшіе взгляды, —
И мнѣ причину рассказать:
За чѣмъ терплю отъ нихъ досады?

За чѣмъ отъ сихъ же самыхъ глазъ —
Являющихъ мнѣ муку,
Въ минушу — веселья сто разъ? —
Сію мнѣ объясните штуку!! —

Я вижу, трудень мой вопросъ, —
Вступикъ вы спали отъ Лизеты,
Повѣсили свой красный носъ; —
То какъ вамъ разбирать планеты? —

О Лиза! рай души моей,
Мудрѣйшихъ — преткновенье!
Ты — цѣль одна мнѣ въ жизни сей —
И мой удѣлъ — прельщенье!! —

6.

Въ Альбомѣ А. И. М.

Вы дали мнѣ Альбомъ,
Чтобъ на писать въ немъ строчку;
Я къ вамъ почтеніемъ влекомъ,
Одну поставлю точку.

Мслевъ.

7.

Къ А. Д. С.

Помыслюль я о чемъ — ты мысли прерываешь,
Промолвлюли я что — ты первая въ словахъ...
О образъ ангельскій! по что меня терзаешь?
Ужель я осуждёнъ жизнь кончить во слезахъ?

*2

Сокровище души! жизнь сердца... Ангель міра!
О Саша! кѣмъ дышу и для кого живу!
Скажи, какая власшь, скажи, какая сила
Влечетъ меня къ тебѣ во снѣ и на яву?...

Какъ то назвать въ тебѣ, чемъ шакъ я восхи-
щаюсь,
Чемъ очарованъ я, какъ Вышнимъ Существомъ..
На что смотря... всегда нѣмѣю, изумляюсь...
А сердце говоритъ: пади предъ божествомъ!
Федоръ Зеленскій.

8.

Н е х о ч у.

Люди добрые! винюся,
Вѣрьте, право не шучу.
Передъ всѣми признаюся,
Что жениться я *хочу*.

Женщинъ много въ бѣломъ свѣтѣ,
Я потчасъ жену сыщу.
Маша! ты одна въ предмѣтѣ;
Согласишьсяль? — *не хочу*.

Покраснѣлъ; — не я виною,
Къ *Лизѣ* грасы подпущу:
Будь моею ты женою —
Лиза, Ангель! — *не хочу*.

Вошь какая мнѣ причина!
Но ужъ я не замолчу.
Купидончикъ! — *Катерина!!* —
Дай мнѣ ручку! — *не хачу.*

Мнѣ робѣшь вишь не пригоже,
Вошь вамъ всѣмъ я оплачу.
Подойду смѣлѣй къ *Надѣжѣ*:
Вошь вамъ сердце! — — *не хачу.*

Ахъ! какая доля слезна!
Я робѣю и — грущу.
Пашинька хошь ты любезна.
„Ощаспливи — *не хачу.*

Нѣтъ жены! а время тратчу;
Дай-ка муки сокращу.
Передъ *Соничкой* заплачу — —
„Ахъ! рѣшишсяль? — *не хачу.*

Нѣтъ удачи! — участь люта!
Я насмѣшкамъ опомщу.
Вошь красоточка *Анюта*;
Будь моею! — *не хачу.*

Тѣфу ты пропасть! признаюся,
Я сержуся и ворчу.
Дай-ка къ *Сашѣ* подвернуся —
„Сжался *Саша*! — *не хачу.*

Знать моя несчастна доля!
По пустому всё ищу — —
Ба! — но вотъ блондинка Оля
Неудбноль? — не хочу.

—
Милы женщины, внимайте,
Всѣмъ я громко вамъ кричу:
„За меня скорѣй идите. — —
Всѣ кричатъ лишь: — не хочу!

—
Нѣтъ удачи! всякъ хохочетъ: —
Такъ и я за хохочу
Коль никто идти не хочетъ,
Такъ и я ужъ не хочу!

Г. Квитка.

9

*Рѣшеніе Аполлона на несправоту жалобъ
по врачевству.*

Ахъ! Аполлонъ, — врачей въ Украинѣ не стало;
Несчастный смертныхъ родъ падетъ отъ коно-
валовъ!....

Постой спрдаательный рифмачъ,
Не вой, несправедливъ твой плачь;
Смякни. — Кто? что? гдѣ? какъ? шутъ дѣй-
ство, шутъ причина.
Вѣдь къ коноваламъ лишь относится скотина,
А человѣкъ идетъ по класности къ врачу.
Сказаль бы и ясибй, да многихъ огорчу.

С.

Е П И Т А Ф І Я.

Бугозилу.

Здѣсь Бугозиль зарыпъ приятелей стараньемъ.
Убить лѣченіемъ, а во все не хвораньемъ. —

С.

Посланіе.

Читалъ я, дорогой Вернеть, твои стихи.
Они, какъ мысль твоя, свободны и легки;
То нѣжны, то остры, для перемѣны важны;

А индѣ даже и отважны:

Какіе любить Вкуса Богъ,

Къ которой и вдохнулъ тебѣ одинъ ихъ могъ.

И такъ съ Поезіей прощаешься напрасно,

Когда поешь еще прекрасно.

Что значать сорокъ лѣтъ?

У Музы имъ счоту нѣтъ.

Къ чему считать печально годы,

Любимцу Грацій и природы?

Отставъ опъ нихъ, чѣмъ жизнь наполнить ты?

Что можешь замѣнить ихъ слакїя мечты?

Увы! въ ней будутъ пустоты!

Какая спрасъ достъйна въ мїрѣ,

Того, кто могъ играть на лирѣ?

Алчба ли почестей, презрѣннаго ль сребра? . . .

Вернеть! не оставляй здѣсь лучшаго добра.

Половской пустыинникъ.

15 октября 1809 года.

12.

Въ Альбомѣ

Что на писать въ Альбомъ Лизетѣ?
Ее милѣ нѣтъ на свѣтѣ!

13.

Алмазы и Стразы

(Истинное происшествіе)

Любезный Дмитрій, ты напрасно
Надѣль съ брильянтами кафтанъ.
Тебѣ по вечерамъ ходить не безопасно
Сказаль такъ Дмитрію Степанъ. (*)
Не безпокойся братъ — вишь Дмитрій
Не простъ, а самъ довольно хитрый,
Объ этомъ онъ ужъ разсуждалъ,
И превратилъ брильянтъ въ хрусталь!
Сіе подслушавши Евгеній,
Укоего проворный Геній,
Димитрію такъ говорилъ:
Не хорошо ты поступилъ.
Добро, пускай бы за Алмазы
Тебя убили — такъ и быль —
А то смѣшно, какъ ужъ — за стразы;
Да не велятъ на свѣтѣ жить!

(*) Даже имена нарочно тѣ самыя оставлены.

14.

Къ Простинькѣ.

Напрасно Простинька имѣешь ты сомнѣнье,

Что я престалъ любить!

Ахъ! нѣтъ любви моей ничто не охладитъ.

Я буду вѣкъ любить! мой другъ — твое имя!

Мслвчъ

15.

П Ъ С Н Я.

Первыя чувства любви.

Сидя въ уединенъи,
Крушуся я тоской;
И день и ночь мученъи
Смущаютъ мой покой.

То вздохи и стenanья
Всю грудь мою тѣснятъ;
То слёзы отъ рыданья
Лице мое кропятъ.

Что сдѣлалось со мною,
Сама не знаю я?
Какою злой стрѣлою
Пронзенна грудь моя?

За чѣмъ вертится часто
Эрастъ въ моемъ умѣ?
За чѣмъ всегда Эраста
Я вижу и во снѣ?

За чѣмъ сердечко бьется,
За чѣмъ вся кровь горитъ,
Когда онъ мнѣ коснется,
Иль рѣчи говорить?

За чѣмъ всегда желаю,
Чтобъ думалъ онъ о мнѣ?
За чѣмъ воспоминаю
Съ нимъ бытъ на единѣ?

Хотѣлабъ изъясниться,
Сама не знаю въ чемъ; —
Ни слово не годится,
Что въ сердцѣ есть моемъ.

Не это ли зовется
Любовью у людей?
Такъ пусть же сердце бьется
Для милова сильнѣй!

Пусть люди такъ саякъ судятъ
И въ грѣхъ сочтутъ любить;
Но вѣчно не принудятъ
Эраста позабыть.

И грусти и мученья
Для милаго сносить
Есть сердцу утѣшенье, —
Отрада слезы лишь.

Хотя бы рокъ злощастной
Мнѣ всѣ бѣды навлекъ,
Однажды ставши страстной,
Я страстной буду вѣкъ.

Срз.

Конецъ первой части.

Нѣсколько словъ къ читателямъ.

Издапелю изъявили нѣкоторыя изъ читателей его журнала свое удивленіе, въ разсужденіи помѣщенія нѣкоторыхъ спашей, которые не относятся собственно къ Демокришу.

Ошибка издапеля состоишь въ томъ, что онъ не означилъ сихъ спашей, какъ у него въ объявленіи было сказано.

И такъ, для избѣжанія подобныхъ случаевъ онъ долженъ сказать и то, что *веселый Демокришъ* не всегда долженъ быть *зубоскаломъ*; веселіе не всегда изображается громкимъ хохотомъ, часто одна улыбка, разливающаяся по довольному лицу, живописуетъ душевную радость; и потому онъ надѣется что нѣкоторыя спашьи въ сей книжкѣ и въ послѣдующихъ, по содержанію пріятныя только — а не забавныя, не будущъ, признаны (даже слишкомъ строгими судіями) за спашьи разнородныя.

Оглавленіе 1й части.

	Стран.
1. Опъ издашеля - -	3
2. Основаніе Харькова - -	5
3. Пѣснь Лужѣ - -	15
4. Орелъ и Спрѣлокъ (баснь) - -	17
5. Дубъ и Свинья - -	18
6. Ласпочка и Колоколь - -	19
7. Книгопродавецъ и Слонь - -	—
8. Испорченный Соловей (эпиграмма)	22
9. На худыхъ стихопворцевъ - -	23
10. Клеонъ - -	—
11. Федулъ - -	—
12. Увѣренносшь - -	—
13. Арисшь - -	24
14. А. Н. Нахимову (эпишафія)	—
15. Секретарю - -	—
16. Мопсу - -	25
17. Ладинькѣ - -	—
18. Лукерьѣ - -	—
19. Каррикашура - -	—
20. Меланхоликъ на кладбищѣ - -	29
21. Пѣснь Ирою - -	34
22. Упѣшеніе родившимся 29 Февраля	37
23. Разговоръ между двумя мершве- цами и Меркуріемъ - -	44

II.

Смѣсь.

	Стран.
24. Гѣснь Ипаліанская	53
25. Къ	55
26. Билешцы	56
27. Тріолешъ	—
28. Довольный	57
29. Пѣснь (Нѣмецкая)	—
30. А. О. Ж.	59
31. Воззваніе къ Женщинамъ	—
32. Хоръ Поешовъ	62
33. Посланіе къ Демокрипу	63
34. Неудовольствіе Минервы на Бахуса и Венеру	67
35. Откупщикъ и Харонъ. (Баснь)	75
36. Море и Рѣка	77
37. Ворона и Овца	—
38. Конь барскій и Кляча	78
39. Ястребъ и Ппицеловъ	—
40. На болѣзнь Г. Лицогина (эпиграмма)	79
41. На сприжку Дамъ	—
42. Злонраву	80
43. Клипу	—
44. Рѣдкосіѣ	—
45. На гробъ К. (эпишафія)	81
46. Гражданскому чиновнику	—
47. Картежнику	—

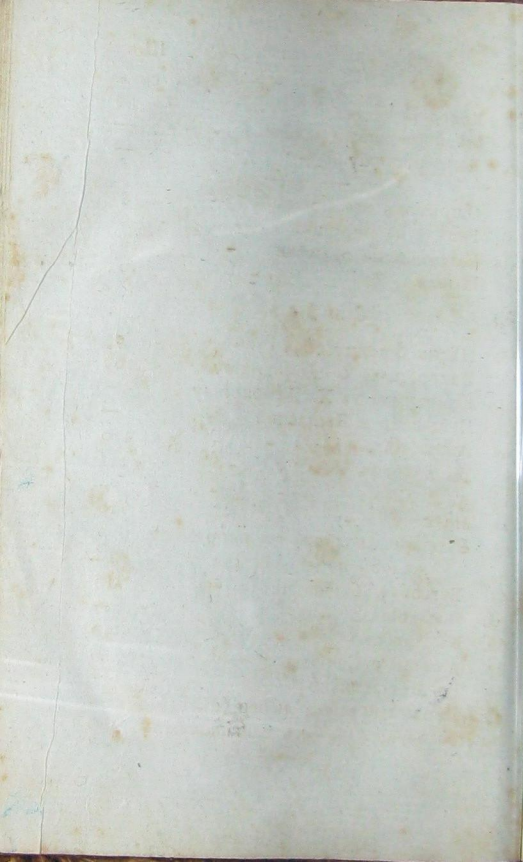
III.

Сыран.

3.	Ковешкѣ	-	-	-	82
4.	Къ портрету (надпись)	-	-	-	—
5.	Къ портрету	-	-	-	—
1.	Отрывокъ изъ Поемы. . .	-	-	-	82
2.	Бесѣда на пирушкѣ	-	-	-	84
3.	Разсужденіе о любви	-	-	-	95
4.	Мысли	-	-	-	105

С м ѣ с ѣ.

1.	Пѣснь Французская	-	-	-	107
2.	Эпиграмма X. Демокрипу	-	-	-	109
3.	Комплиментъ X. Демокрипу	-	-	-	—
4.	Нещастіе и Нещастіе	-	-	-	—
5.	Лиза (пѣсенка)	-	-	-	110
6.	Въ Альбомѣ	-	-	-	111
7.	А. Д. С.	-	-	-	—
8.	Не хочу	-	-	-	112
9.	Рѣшеніе Аполлона на неправоту жалобъ по врачевству	-	-	-	114
10.	Бугозилу (эпиграфия)	-	-	-	115
11.	Посланіе	-	-	-	—
12.	Въ Альбомѣ	-	-	-	116
13.	Алмазы и Спразы	-	-	-	—
14.	Къ Проспинькѣ	-	-	-	117
15.	Первыя чувства любви (пѣснь)	-	-	-	—
16.	Нѣсколько словъ къ чипапелямъ	-	-	-	120

ХАРЬКОВСКИЙ ДЕМОКРИТЪ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.

И словомъ вижу я въ странѣ моей родной —
Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ МАРТЪ.

Х А Р Ъ К О В Ъ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ, основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатать оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Марша 3 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.

I.

П О Э З І Я.

I.

У Т А И Д А.

(*Комическая Поэма.*)

Содержаніе первой пѣсни.

Зашѣй и Марья не имѣютъ дѣшей — ихъ горестъ — fortuna
пуна благопріятствуетъ Зашѣю сыскать средство къ полу-
ченію дѣшей — радость Зашѣя и Марьи, произшедшая отъ
его — рожденіе сына и дочери.

Прощайте Музы, Аполлонъ,
И докучать вамъ перестану,
Предъ бабушку Ягу предстану
И позабуду Геликонъ.

Уже сѣдлаю сивку — бурку,
Не съ тѣмъ, чтобъ ѣхать на Парнасъ,
Я ѣду въ бабину канурку
Ея волшебный слышать гласъ.
О бабушка Яга сѣдая!

Своимъ вниманьемъ удостой,
Бандуру ветхую настрой
Воспѣшь чудеснаго Утая.
Да пусть сравнится онъ съ Бовою
И пусть Полкана превзойдетъ,

Позволь *Яга*, сему герою
Пройти чрезъ цѣлый бѣлый свѣтъ.
А ежели ему случится
И умереть иной порой,
Волшебною твоей водой
Пускай опять онъ воскресится.
И такъ, *Яга*, съ симъ договоромъ
Начну я сказку говорить,
Подъ бдительнымъ твоимъ надзоромъ
Я стану чудеса творить.
Однакъ не обращай вниманья
На то, что часто мой спешокъ
Имѣть не будетъ сочетанья —
И будетъ для ушей жестокъ.
Златой я Бабы не прикащикъ,
Не стихотворецъ — но разкащикъ,
Яга, твоихъ чудесныхъ дѣлъ! —
Я такъ *бандурилъ*, какъ умѣлъ.
Надѣюсь будетъ всякъ доволенъ,
Кто сказочку мою прочтетъ,
Безсонницей не будетъ болѣнъ,
А потъ часъ крѣпкимъ сномъ уснетъ.
Въ лѣсу густомъ была избушка,

А въ ней

Жилъ дѣдъ *Затѣй*,

Да *Марья*, добрая старушка.
Затѣй съ старухой ладно жили,
Довольны и богаты были,
Имѣли много куръ, коровъ,
Собакъ, индѣекъ и козовъ,
Лошадку, утокъ и гусей,

Но не имѣли лишъ дѣшей —
И въ мрачной отъ того печали
Остатокъ жизни провожали.
И цѣлый день и цѣлу ночь
Съ старухой дѣдъ въ большой кручинѣ;
Имѣть старуха хочеть дочь,
А дѣдъ все думаетъ о сынѣ.
Затѣй затѣйникъ былъ удалой
И прозванъ отъ того Затѣй,
Однако былъ въ надеждѣ малой
Имѣть съ старухою дѣшей.

Онъ долго думалъ и трудился
И какъ хитръ ни былъ, ни удалъ,
И жъ онъ пихтѣлъ, крехтѣлъ, морщился,
Но не имѣлъ чего желалъ,
И до сихъ поръ все былобъ вшунѣ,
Когда бы не значай фортуна,

Играя въ жмурки,
Не зацѣпить его канурки.
Извѣстно всѣмъ, когда кто съ сею
Сведеть знакомство госпожею,
Говъ, что ни вздумалъ, все шворить.
Пришлалъ охота рушить грады?
Онъ грады рушить и валить,
Безъ всякой жалости, пощады.
Иль вздумалъ быть царемъ вселенной?
Вѣнцемъ онъ мигомъ украшенный

И государь государей,
Затѣй

Но царства не былъ лакомъ
И о вѣнцѣ не помышлялъ.

Онъ бытъ съ рогапымъ, круглымъ знакомъ
За щастіе не полагалъ.

Сей дѣдъ имѣлъ довольно толку
И былъ своей избушкѣ радъ,
Имѣлъ желалъ ребятокъ двойку,
А не вѣнца и не палашъ.
Форшуна хоть слѣпа,

Глупа,
Кого однакожь обласкаетъ,
Тотъ все имѣетъ, что желаетъ.

Затѣй

Имѣлъ желалъ дѣтей
И средство ихъ имѣлъ находишь,
Вдругъ странна мысль ему приходитъ,
Чтобъ уподобиться насѣдкѣ.

И изъ ушинаго яйца

Имѣлъ птенца!

Мысль эту Марья объявляетъ,
Ее цѣлуетъ, обнимаетъ,
Короче: въ радости такой,
Въ какой

Бываетъ Секретарь
Иль всякой вообще подъячій,
Когда получить будто въ даръ,
Какъ говорятъ, кусокъ горячій.
Дѣдъ съ Марьей, послѣ цѣлованій
И послѣ долгихъ обниманій,
Яицъ ушныхъ принесли,
Не пару — чуть-ли не десятокъ,
Вотъ какъ они имѣлъ ребятокъ
Желали! и потомъ снесли.

Снесли!

О какъ легко сѣе мы слово,
О какъ легко произнесли!
Какъ будто все уже гошово.
Хоть сказка скоро говоритъся,
Да въ сказкѣ скоро не вершится,
Какъ сѣлъ на яйца, потерпи,
Ночь, двѣ и больше не поспи,
Претерпѣвай различну муку,
Досаду, голодъ, жаръ и скуку,
Сиди на мѣстѣ, распощѣй
И шевельнуться не посмѣй.

Ужъ день сидятъ мои Герои,
Сидятъ и ночь и день другой,
Но нѣтъ надежды никакой,
Какъ словно Грекамъ подлѣ Трои.
Проходятъ девять ужъ ночей
И столькожъ дней,
Но нѣтъ дѣтей.

Десята наступила ночь,
Яйцо подъ Марьей разрѣшилось,
Ея желанье совершилось
И Марья получила дочь.
У женщинъ видно больше жару,
У женщинъ видно больше пару,
Чѣмъ въ нашей братьи у мужчинъ.
И вотъ причина, что не сынъ,
А вышла дочь на свѣтъ скорѣе;
Вы, женщины, мужчинъ жарчѣе.

Прошло паръ нѣсколько часовъ,
Прошли не наши, а такіе

Часы огромные — какіе
Находятся у должниковъ,
А можешь бышь и ешихъ шире;
Но нѣтъ! я вамъ гошовъ божишься,
Сіи часы съ часами ихъ
Никакъ не могушь уравнишься.
Ихъ часъ бываетъ дней въ четыре,
Въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ цѣлой годъ. . . .
Но лучше — ка зажать намъ ротъ
И къ симъ часамъ неприкасаться,
Должникъ бываетъ лихъ,
Еще онъ вздумаетъ за нихъ
Прицѣпку сдѣлать и ругаться.
Читатели, прошу, простите,
Впередъ не стану отступать
И, естли слушать вы хотите,
Опять начну я продолжать.
Мы всѣ имѣемъ недостатки,
У всякаго есть свой порокъ:
Подъячій братъ охотникъ взяжки,
Философъ любитъ винный сокъ,
Пѣвецъ Ушая отступленья,
Педантъ безъ умолку кричать,
Иной чужія сочиненья
На свой манеръ переставлять,
Льстецъ радъ предъ бариномъ большимъ
Хоть въ шри погибели согнуться,
Когдажъ ученыхъ два столкнутся,
То въ цѣлыхъ не ошатайся имъ:
На вѣрное что подерутся. . . .
Но нѣтъ! довольно отступать,

Я слишкомъ далеко отбился,
Ужь можешь быть, — кто можешь знать —
И дѣдъ Замѣй нашъ разрѣшился.
Онъ бѣдный потерялъ шерпѣнье,
Яйцо съ досады раздавилъ
И эшимъ самымъ ѹскорилъ
Сынка любезнаго *Рожденье!!*

Мслечъ.

2.

И Н Т Е Р Е С Ъ.

(С а т и р а.)

Ученые умы! позвольте мнѣ узнатьъ,
Доколь вы будете намъ книги издавать?
Доколь будете, запершись въ кабинетѣ,
Черниломъ убѣлять тѣму сущую на свѣтѣ?
Ужь и безъ васъ давно всѣ люди говорятъ,
Кто праведенъ, тошъ правъ — кто грѣшенъ, ви-
новашъ,
Вы жъ естѣли смыслише, такъ покажите сред-
ство,
Какъ можно избѣжать на свѣтѣ живши бѣдства?
А естѣ ли и сего нельзя ужъ вамъ сказать,
То хоть скажите намъ, кто злу всему естѣ
машъ?

Законы слабые, одинъ насъ увѣряешь,
Прилифры вредные, другой предполагаешь,
Но третій возразивъ съ досадой вопіешь,
Отъ *роскоши* всё зло произошло на свѣтѣ —

Поклонъ мой симъ умамъ и мыслямъ ихъ вѣр-
нѣйшимъ,

Поклонъ всѣмъ авторамъ Викаріямъ первѣйшимъ.

Я твердо вѣрую и присягну сей часъ,

Что книги ихъ нигдѣ не учать худу насъ,

Но кто читая ихъ ужъ плохо нынѣ видитъ,

Тотъ не ужель мужей великихъ тѣхъ обидитъ,

Что и свою имъ мысль приложитъ для суда?

Спроситъся, кажется, не есть еще бѣда;

Одинъ лишь Аруэшь себя той спесью славиль,

Что посторонніе умы въ умы не сшавиль,

А я такъ думаю, что тѣмъ не погрѣшу,

Когда умнѣй себя о чемъ ни есть спрошу?

А имянно, вошь что мой умъ не постигаетъ,

Не *интересъ* ли зло на свѣтѣ все раждаетъ?

Не онъ ли главная причина есть тому,

Что безъ грѣха прожить не можно никому?

Самъ дьяволъ, гдѣ ко злу все средство поше-
ряетъ,

Въ пособіе его всегда употребляетъ.

Припомните, когда ходилъ онъ за Христомъ

И царство показалъ богатое перстомъ,

Употреблялъ свои всѣ хитры покушенья,

Чтобъ сына Божія довести до искушенья,

То милость обѣщаль, то милости просиль

И наконецъ съ стыдомъ во адъ отосланъ былъ;

Припомните, какъ вся тогда геенска сила

Подпоры болѣе ни въ чемъ не находила,

Но злой вишь Вельзевулъ и тутъ не позабылъ,

Что *интересъ* еще ему на помощь былъ:

Прибѣгнуль къ сладкому сему для смертныхъ
яду

И къ кознямъ новыя доставилъ средства аду.
Въ чемъ самъ духъ хитростей успѣть никакъ
не могъ,

Увы! въ томъ интересъ пошъ часъ ему помочь.
Прельщенъ Іуда имъ и преданъ богъ на муки,
О интересъ! твои его убили руки. —

Но остановимся о томъ мы продолжатъ,
Чего безъ ужаса не лзя воображатъ
Разсмотримъ лучше связь дѣлъ намъ людей по-
добныхъ,

Разумныхъ, дураковъ, святыхъ и преподобныхъ.
Разсмотримъ пахаря, у коего всѣ дни
Въ предмѣстѣ съ тернѣемъ загоны лишь одни:
За чемъ онъ трудится? за тѣмъ ли, чтобы ора-
ломъ

Чинъ выпашъ себѣ и выпши Генераломъ?
Иль силится чрезъ то добиться ко кресту,
Имѣя круглой годъ лице свое въ пошъ?
Иль хочетъ онъ святымъ содѣлаться отъ плуга?
Иль лестно для него названье царска друга?
Нѣтъ! онъ охотою и въ старосты нейдѣтъ;
Такъ чтожъ причиною такихъ его работъ?
Первѣйшая, чтобы ѣсть, другая, денегъ болѣ
Желается ему достать чрезъ плугъ и поле.
О интересъ! и шутъ ты поже интересъ;
Твой видно и въ пыли блескъ яркой не исчезъ;
Но пусть то хорошо, что ты къ трудамъ охо-
тишь,

Да чемъ же послѣ намъ за тѣ шруды за пло-
тишь?

Привычкой къ жадности, привычкой къ грабежу
И что то истинна я твердо докажу.

Боится, на примѣръ, въ посты ѣсть пахарь съ
сокомъ

И масломъ щи подбить щитаешь онъ порокомъ;

Боится выбранишь кумы своей куму

И хлѣбъ собакѣ дать, что нищій клалъ въ суму;

Боится крестъ стереть написанный въ кре-
щенъе,

Боится ворона убить въ своемъ селенъи;

Боится курицы, что пѣла пѣтухомъ

И голубей стрѣлять щитаешь онъ грѣхомъ;

Охотнѣе готовъ съ своимъ растаться домомъ,

Чѣмъ погасить пожаръ, заженный въ ономъ гро-
момъ;

Боится мѣльниковъ, боится ворожей,

Боится мертвецовъ, боится расаней;

Короче, онъ всего боится — уступаетъ,

Гдѣ только интересъ его не воружаетъ,

А для него готовъ и вдовѣй лугъ скосить

И въ полѣ сироту копною задѣлать;

Готовъ за снопы одинъ вонзить сосѣду вилы:

Вотъ какъ и набожнымъ душамъ прибытки милы!

Разсмотримъ и купца, кошорый и гроша

Съ тѣмъ въ руки не возметъ, не здѣлавъ ба-
рыша,

Что рыба безъ воды, растѣнїе безъ влаги,

Хвастунъ безъ языка, подъячій безъ бумаги,

То точно и купецъ безъ интереса есть:

Онъ божество его и жизнь его и честь.

Отъ полюса пройти до полюса другога
 Не полѣнится онъ для барыша большова;
 А вѣра и законъ ни что суть для него,
 Коль нѣтъ ему отъ нихъ прибышку ничего.
 Купецъ для барыша не только къ аду ближе,
 Но и за адъ еще готовъ спуститься ниже
 И естлибъ въ шартарѣ публиковать подрядъ,
 То точно бы онъ тамъ былъ торговаться радъ.
 Попробуйте открыть вдругъ предъ его гла-
 зами

И рай, небесный домъ и биржу съ кораблями
 И посмотрите, что скорѣй его займётъ,
 Жилище ли святыѣхъ или торгъ и оборотъ?
 Единъ богъ безъ грѣха, вопъ что, вздохнувъ,
 онъ скажетъ

И въ залъ купеческой вести себя прикажетъ.
 Тамъ смоляной матрозъ и шкипетръ съ кол-
 басой

Пріятнѣй для него, чѣмъ Авраамъ свяшой:
 На что о будущемъ такъ рано заниматься?
 Въ могилахъ, скажетъ онъ, успѣемъ належахся.
 Разсмотримъ барина, которой вопіетъ,
 Что Ной по грамотѣ отцу его есть дѣдъ,
 Что предокъ былъ его при штурмѣ Брихона.
 А потому и гербъ его съ мечемъ корона,
 Что за отечество, за вѣру и любовь
 Готовъ охотно онъ пролить до капли кровь:
 Разсмотримъ мы его по ближе и по тонѣ,
 Что есть отличнаго въ кичливой сей персонѣ?
 То правда, что онъ есть въ отечествѣ потъ
 членъ,

На коемъ главной руль правленья укрѣплень,
Вѣшрь съ поля безъ него такъ сильно въ парусъ
дунеть,

Что весь гражданской грузъ шомъ часъ на ка-
мень сунеть,

И чтобы чернь была въ связи какъ дворъ одинъ,
Необходимъ въ шакомъ дворѣ есть дворянинъ.

Многоразличныя правленья суть машины,

Имѣють колеса, валы, зубцы, пружины,

Что всё хомъ государь и мудро соорудиль,

Но нуженъ человекъ, чтобы въ срокъ ихъ заво-
диль,

А иначе шомъ часъ всё двигаться престанеть,

И гиря и законъ лежатъ безъ дѣйства станеть.

А кто шомъ человекъ? не нужно толковать,

Ни какъ его зовуть, нигдѣ его сыскать,

Извѣстны всѣмъ его и имя и порода,

Извѣстны, но увь! въ семьи не безъ урода:

Коварной интересъ и эту чисту кровь

Умѣеть очернить черезъ свою любовь.

Не рѣдко офицеръ, имѣя алчность къ злату,

Не полной выдаетъ паёкъ муки солдату,

И шамъ уже, гдѣ всё извѣщено лопъ въ лопъ,

Старается найти на перезяхъ походы.

Не рѣдко комендантъ, дарами обольщенной,

Безъ совѣсти здаеть редуль, ему врученной.

Не рѣдко Генераль, для равной же вини,

Перемѣняеть ходъ щастливия войны.

И бывъ неустрашимъ среди каршечъ летящихъ,

Робѣеть и бѣжитъ отъ талеровъ блестящихъ.

Увь! отечество, увь! и ты законъ,

Не слышимы вы тамъ, гдѣ слышенъ денегъ
звонъ.

Но это лишь въ войнѣ, то чтожь увидимъ далѣ,
Когда явимся мы въ судѣйской мирной залѣ?

Тамъ алчной Секретарь, не дѣломъ ушружденъ,
А мздой виновника великой убѣжденъ.

Ворочаетъ листы, перебираетъ числа,
Стараясь въ нихъ найти указа разны смыслы,

Дабы чрезъ то не онъ законы исполнялъ,
А дѣлалъ то законъ, что Секретарь сказалъ.

Короче объяснить, сей извергъ государства
Законъ чтетъ за царя безъ подданныхъ и цар-
ства,

И имъ, какъ мышьякомъ, и лѣчитъ и мертвитъ,

Смотря то потому, какъ интересъ велитъ.

А выбранной судья дворянскими балами,

Не занимается казенными дѣлами,

Сидитъ и думаетъ, какой бы взять предлогъ,

Чтобъ и его въ пять цифръ длиною былъ итогъ;

Сидитъ — но Секретарь, замѣтя планъ су-
дѣйской,

Подходитъ съ важностью, яко посоль Индѣй-
ской,

И говоритъ ему: обрядъ не есть законъ,

И такъ я думаю, что время выйти вонъ,

Понеже сбившіесь просители, какъ туча,

Желають выхода, присудствіемъ наскуча;

Законыжъ вамъ велятъ и дома то читать,

О чемъ намѣрены въ судѣ вы разсуждать,

И не за тѣмъ они насъ здѣсь опредѣлили,

Дабы мы, явля судъ, безъ пропитанья были.

Въ присягѣ мы клялись, чтобъ съ вѣрностью
служить,
Но въ ней не сказано, чтобъ намъ ни ѣсть, ни
пить.

Жиды и не служа, но Руско достоянье,
Въ аренду взявъ, себѣ имѣють пропитанье,
А правды сыщику на что о томъ тужить,
Что нѣтъ лишній ноль къ итогу приложить.
Спросите лишь о томъ проворную персону,
То есть Секретаря — яко ключа закону,
А съ нимъ, распоряда предбудущій итогъ,
Поможетъ точно вамъ въ желаніи самъ Богъ.
Дѣлите въ молчаніи. . . и дашеля оправить
Есть поожь, что грѣшника въ погрѣшности ис-
править,

А кто на то подастъ въ присудствіе извѣтъ,
Тотъ безъ сомнѣнія въ острогѣ пропадетъ.
Указъ о ябѣдѣ довольно средствъ доставилъ,
Чтобъ всякой судія, служа, свой щотъ соста-
вилъ,

И такъ, держитесь лишь меня во всѣхъ дѣлахъ,
Совѣтъ мой право вамъ, на щотъ итога, благъ.
Вошь какъ хранители закона поступають,
Вошь дворянина какъ прибытки повреждаютъ
Разсмотримшежь шеперь и пастырей церквей,
Которымъ поручень ключъ царствія дверей:
Фонъ Визина слуга ихъ правда ужъ тревожилъ,
Но только совѣсть ихъ нимаго не умножилъ;
Осталось у нихъ, и по сіе число,
Одно и поожь въ рукахъ для паствы ремесло,
То есть: они людьми, какъ куклами, играютъ

И, міру миръ моля, міръ съ миромъ обдирають:

.
.
.
.
.
.
.
.

Чтожь? то ли дѣлають имъ велѣль Творецъ небесъ?

Отнюдь не то, семужъ причиной интересъ;
А безъ того, на чтожь учителямъ спасенья
Первонцы доводишь свои до утѣсненья
И экипажъ имѣть такой величины,
Коль двери райскія въ аршинъ лишь ширины?
А что имъ покупать подъ бронзою камоды,
Когда на небесахъ на нихъ совсѣмъ нѣтъ моды?
И хитрые замки на что къ нимъ прибирають,
Коль въ небѣ и воровъ не лзя предполагать?
О золь всѣхъ оберъ зло! поносной интересъ!
Робой адъ движится, тобою крѣпокъ бѣсь,
Ты, будучи царемъ надъ шаршарской геэнной,
Пороки распустиль надъ цѣлою вселенной.

3.

О Д А

На миръ Европы, превращенная въ
баснь. (*)

Тупъ поздно бѣдный волкъ примѣшилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ;

Л о м.

Оставимъ, Муза, басни, сказки,
Опложимъ дудку и гудокъ;
Попросимъ-ка у Феба ласки
И купимъ лиру на часокъ,
Кленовую, не дорогую:
Гдѣ денегъ взять на золотую?
Нѣшь, золотая не по насъ;
Она громка, съ ней бѣдъ настроишь,
Кого нибудь обезпокоишь,
Тогда толчка намъ дастъ Парнасъ.

*

Припомъ же, ежели случится
И худо на простой сыграть,
Ни кто сомной не побранился,
Всѣ скажутъ: „онъ невиноватъ:
Не можно ждать пріятна тона
Отъ лиры, сдѣланной изъ клѣна.“
А ежели жъ удастся намъ
Сыграть хотя немножко плавно,
Всѣ скажутъ: славно, славно, славно;
Тогда честь нашимъ головамъ.

*

(*) Напечатана въ первый разъ въ началѣ 1815 года.

И такъ ты, Муза, потрудися,
Воды Кастальской принеси, —
Предъ Фебово лице явися,
Благословенья попроси.
А я пойду за лирой въ лавку,
Двухъ мальчиковъ: Филипку, Савку,
Спрямглавъ я къ Рифмину пошлю.
Быть можешь рифмъ словарь исправный
Уже окончилъ Рифминъ славный:
Такъ я себѣ его куплю.

*

И здѣсь всѣмъ нужнымъ запасуся,
Остану перьевъ и чернилъ,
Въ свой темный погребъ опущуся
И принесу вина бутылъ.
Чтобъ вкусъ Кастальской премѣнился,
Чтобъ напитокъ рѣзвый превратился,
Смѣшаю воду я съ виномъ,
И выпивъ все — ужъ по-то Оду
Въ честь брякну Рускому народу:
Эй! не ударю въ грязь лицомъ. —

*

Ужъ принесла воды мнѣ Муза,
А я давно вина принёсъ:
Смѣшаемъ, выпьемъ и — Француза
Пускай колошитъ храбрый Россъ.
Корѣ строй мнѣ, Муза, Лиру,
Чтобы воспѣшь миръ данный міру...

„Какъ, какъ? — ты хочешь миръ воспѣть?
Такъ Муза мнѣ въ отвѣтъ сказала —
И въ изумленьи продолжала:
„Въ тебѣ ума конечно нѣтъ.“

*

„Тебѣ ли миръ сей славословить,
„Тебѣ ли, съ чадной головой,
„Когда Исторья не находишь,
„Кому бы трудъ вручить такой?
„Тебѣ ль — (о дерзостно желанье!)
„Тебѣ ль воспѣть сѣ дѣянье?
„Когда и творческимъ умамъ
„Дано сему лишь удивляться,
„То какъ же за сѣ приняться
„Тебѣ подобнымъ головамъ? . . .

*

„Смотри: Державинъ, Горчаковы
„И Дмипріевъ и Карамзинъ,
„Капнистъ, Жуковскій, Мерзляковы;
„Всѣ, всѣ молчатъ; — и ни одинъ
„На лирѣ мира не бряцаетъ;
„То какъ смѣшно, когда желаетъ
„Его М. жалкій пѣтъ!
„Не будь въ намѣреньи семь швердымъ,
„Не мучь ушей ты людямъ добрымъ,
„Надъ Одой перестань пошѣтъ!“ —

*

Изволишь правду, Муза, баить;
Хотя за лиру денегъ жалъ,
Но чтобъ себя не обезславить,
Не лучшель бросить эту шаль? —
Примуся лучше я за дудку
И вмѣсто грозной Оды — въ шумку
Я людямъ басеньку скажу.
Я рѣчью убѣжденъ твоею,
Разставшись съ лирою моею,
Тебѣ послушность окажу.

И такъ, Читатели почтенны,
Я оставляю лирный шонь;
Когда вы имъ не утомлены,
Скажу вамъ басню про Огонь.
Но что бы гладко было, плавно,
Я буду наблюдать исправно
Мной въ Одѣ начатый размѣръ.
Такъ баснь писать бы негодилось,
Но что же дѣлать? такъ случилось,
Перемѣишь нельзя шеперь.

Подъ старымъ, дряхлымъ Черноклёномъ
Въ лѣсу забытъ былъ огонёкъ:
Онъ чуть лишь плѣлъ и съ жалкимъ стономъ
Прервать збирался жизни шокъ.
Но вѣтеръ вздумалъ разыгратъся,
Сшаль на кулачки съ кленомъ драхся:

Онъ дѣда сильно такъ тузилъ
Въ бока и ребра, въ грудь и рожу,
Что съ черноклена содралъ кожу,
Да сукъ въ добавокъ опломилъ.

*

Сей сукъ по щастью иль нещастью
И вмѣстѣ съ кожей иль корой,
Спаль лѣсу цѣлому напастью.
Сей сукъ, для лѣса роковой,
На огонёкъ съ корой свалился:
Огонь въ минушу оживился,
Забылъ супяга умирать,
Онъ думалъ, какъ бы поскорѣе
Да разгорѣться по сильнѣе
И дрыхлый черноклень сожрать.

*

Ужъ черноклень нещастный пышетъ,
Треещишь и испускаетъ дымъ:
Огонь мой глухъ — его не слышишь,
Онъ, какъ бы, думаешь, къ другимъ
Пожаловать деревьямъ въ гости.
Вдругъ началъ прыгать въ адекой злости,
То шумъ, то шамъ, то вонь-гдѣ, здѣсь:
Зажжетъ то липу, ясень, лозу,
То ольху, дубъ иль вязъ, берёзу...
Короче жжеть онъ цѣлый лѣсъ.

*

Тутъ дерзостямъ его препоны
Не находилось ни какой,
Онъ сжегъ деревьевъ миліоны!
И путь потомъ направилъ свой
На села, городки и грады,
Всё изтребляя безъ пощады.
Ахъ сколько пщицъ, скота, звѣрей
Отъ пламени его пропало
И сколько чрезъ него не стало
Крестьянъ, мѣщанъ, Дворянъ, Князей!

Онъ въ лютомъ буйствѣ всю вселенну
Хотѣлъ во пламень обратитьъ,
Преобразить ее въ Геенну;
Къ рѣкѣ онъ вздумалъ подступить.
„Смирись, рѣкѣ, сказалъ надменно,
„Или погибнешь непременно;
„Тебя по свойски проучу.
„Лишь только пастъ мою разину,
„Тебя разстрою, опрокину,
„Въ ничтожество преобращу.

„А есѣли мнѣ явишь покорностьъ,
„Наложишь на себя яремъ:
„Во мнѣ всегда найдешь готовностьъ
„Пещись о щастіи твоємъ.“
— „Оставь, огонь! слова надушы,
„Такъ говоришь лишь только шушы,

„Словамъ такимъ цѣны здѣсь нѣтъ;
„Рѣчей шакихъ здѣсь не боясь,
„Опъ сердца спануть имъ смѣяшся.“
Рѣка сказала такъ въ отвѣтъ.

*

Огонь съ рѣкою шуть связался,
Онъ такъ ужасно грѣлъ рѣку,
Такъ быстро на нее бросался,
Что сдѣлалъ рану ей въ боку.
Вступилъ въ рѣчные онъ предѣлы
И въ сердце сталъ пускать ей стрѣлы.
Узнавъ сосѣди вѣсть сию,
Воспрепешавши изумлялись —
И съ малодушіемъ собирались
Запречь въ яремъ главу свою.

*

— Но были ль чудеса такіа
И кто, скажите мнѣ, видалъ,
Что бы глубокія, большія
И быстры рѣки огонь сжигалъ?
Рѣка скопивши воды черны
И раздѣлясь на многи волны,
Надувъ обширный свой хребетъ,
Муштитъ, шумитъ, реветъ, буншуетъ,
Валитъ — въ огонь съ презрѣньемъ плюетъ
И что огонь? — его ужъ нѣтъ!

*

Рѣка нашъ АЛЕКСАНДРЪ — отрада!
Но ктожъ надменный сей огонь?
„Несытое исчадье ада,
„Чудовище — Наполеонъ!
Которой *Бонькою* зовется,
На Эльбѣ мучится, прясется,
Что не сгубилъ людской весь родъ,
Бѣснуется, не спитъ, скрежещетъ,
На всѣхъ косые взоры мечетъ. . . .
„Такъ наказуетъ злыхъ Господь!

Мслечъ.

БАСНИ.

4.

Проловъдъ и Басня.

Валишь народъ, валишь толпою,
Встрѣчается народъ съ богатой Госпожою,
Блещитъ на баринѣ нарядъ,
Гордится бариня нарядомъ,
Ни съ кѣмъ себя не ставитъ въ рядъ
И удостоитъ чернь своимъ не хочеть взгля-
домъ.

И подлинно! ужъ есть похвастать чѣмъ:

Украшена всѣмъ тѣмъ,

Что только нынѣ

Въ своемъ старинномъ магазинѣ

Могла для ней Мадамъ Ритпорика сыскать.

Уборъ такой мнѣ врядъ ли описатьъ;
На головѣ не чепчикъ, — хрѣя,
Въ фигурахъ плашье все, фигурыжъ эти всѣ,
Повѣрьте мнѣ,
Работы мастерскія;
Ихъ выдумалъ какой-то Грекъ,
Искуснѣйшій въ семь дѣлъ человѣкъ.
Въ рукахъ, на мѣсто опахала,
Пукъ троповъ модница держала
И гордо Проповѣдь на фижмахъ выступала.
На встрѣчу дамѣ изъ села,
За чѣмъ то, басенка брела:
Одѣта не по барски,
А просто по крестьянски,
Но такъ къ лицу, что мило поглядѣть:
Желалъ бы, кажется, съ ней жить и умереть.
Тутъ всѣ простилися съ нарядной Госпожою,
Котора столько ихъ заставила зѣвать,
Всѣ къ басенкѣ спѣшатъ,
Ея прелестною любясь простотою.

Нахичевъ.

5.

Голубь и Воронъ.

Мальчишка грязію на Голубя бросалъ
И перья бѣлыя ему онъ замаралъ.
Сіе увидѣвши, сказалъ ему такъ Воронъ,
Злой радости, восторга полонъ:

Теперь ты Голубокъ, какъ всѣ Вороны, чоронь! —
Но съ тѣмъ различіемъ — былъ Голубка ош-
вѣтъ:

Вы черны за всегда — умоюсь я, и — нѣтъ! —

Не добродѣтель ли намъ Голубъ представляетъ,
Которую марасть злорѣче желаетъ?

6.

Волкъ въ пастушьемъ нарядѣ.

Лишь только скрылся дневный свѣтъ,

Задумалъ ужинъ Волкъ имѣть:

Въ пастушье платье нарядился,

Широкой шляпою прикрылся,

Досталъ и посохъ и свирѣль,

На лапы задни лапши вздѣлъ,

Повѣсилъ на плечо баклагу,

Къ овцамъ изъ лѣсу далъ онъ тягу.

И что же? вотъ ужъ онъ и тамъ,

И, какъ прилично всѣмъ вора́мъ,

На всѣ сторонки озира́лся;

Узнавъ, что три собаки спятъ,

Пастухъ съ пастушкой разоспался,

Онъ стадомъ могъ распоряжаться;

Такъ нѣтъ, еще шукари́тъ нада,

И чемъ овецъ бы глупыхъ вѣсть,

Онъ вздумалъ разговоръ завести,

Чтобъ кой-что распросить у стада.

Но только лишь разинуль ротъ. . . .
 Какъ вдругъ: *Бухнѣ, Разбой, Отлѣтъ,*
 Проснулись и — схватили Волка;
 Въ нарядѣ онъ бѣжать не могъ,
 А между тѣмъ пастухъ Николка
 Свалилъ его дубиной съ ногъ!

★ ★
 ★

Къ сей басенкѣ — нравоученья
 Я не намѣренъ приложить.
 У Ломоносова прощенья
 Хочу предъ всѣми попросить:
 Россійскій Пиндаръ Ломоносовъ!
 Хвала и слава славныхъ Россовъ,
 Великій, громкій нашъ пѣвецъ,
 Учитель нашъ и образецъ!
 Проси, что смѣлъ я напроказить
 И баснь прекрасную твою
 Украсть и такъ обезобразить!
 Прости провинность мнѣ сію. —
 Я баснь твою укралъ для щоту,
 Къ моимъ одной не достаешь;
 Своя мысль въ голову нейдетъ,
 Хотя я довольно пролилъ поту, —
 И послѣ выбившись изъ силъ,
 Осмѣлился — (смѣльчакъ!) рѣшиться,
 За баснь твою чшобъ ухваться. . .
 Что въ точности и учинилъ. —

Мслевъ.

Наполеоновы Шахматы.

Расставивъ шашки по порядку,
Хотѣлъ Наполеонъ играть,
Чтобы въ холодную Камчатку
Шахъ Рускому и всѣмъ вонъ изъ Европы дать.
Придвигиваль онъ шашки стройно

И шель къ Москвѣ спокойно:
Хоть, правда, у него подъ часъ
То *пѣшки*, то *коней*, то *лушки* отбирали,
Однако же Москву ему на жертву дали
И къ выгодѣ для насъ.

Но тамъ, когда его порядочно припѣрли,
И Рускіе къ нему дорогу попрошѣрли
И вдругъ, перемѣнивъ игру,
Сказали: *шахъ Царю!*

Вотъ онъ и зашахаль шажищемъ великанскимъ,
По областямъ Германскимъ

И наконецъ дошелъ къ своимъ,
И цѣла Руская игра во слѣдъ за нимъ:
Козацкіе кони, съ своими сѣдоками
Дарили въ слѣдъ его щелчками —

Инь искры отъ копытъ летятъ!
Отвсюду на него запрешины свистятъ;
Тамъ *лушки* Рускія дорогу прокладываютъ,
Тамъ *пѣшки* *пѣшекъ* съ ногъ сшибаютъ.

Оглянется — бѣда кругомъ!
Всѣ *шашки* у него, то взяты, то валятся,
А новыхъ нѣтъ, какъ нѣтъ: съ грибами не ро-
дятся!

„Давай-ка, думаешь, шахнуть было мнѣ въ
домъ:

Авось — либо еще отшуда и удастся,

Такимижъ съ Рускими *шахами* поквитаешься.

Шахнулъ — но и отшуда *шахъ*!

Взглянулъ — *игра* его разщипана вся въ прахъ! —

Съ тѣхъ поръ ему вездѣ за *шахомъ шахъ* да-
вали,

Покамѣстъ въ *уголокъ* загнали;

Тутъ молвили: пора окончить намъ *игру*,

И — *мать Царю*!

Орестъ Соловь.

8.

Рифмачъ и Смерть.

Одинъ Рифмачъ имѣлъ квартиру у кладбища:
Онъ часто зришемъ былъ славныхъ похоронъ;
Такія зрѣлища всѣмъ Рифмотворцамъ пища,
Есть случай помѣстить имъ въ одѣ ревъ и
стонъ

И рева своего въ замѣну,
Подъ случай, получить хорошенькую цѣну;
Такъ какъ имъ бѣднымъ не ревѣшь,
Коль могутъ выплакать они себѣ обѣдъ?

Въ обѣденну однажды пору
Имѣлъ мой Рифмошкачъ прекрасный апетитъ,
Но хлѣба нѣтъ куска и не за что купить!
Но вдругъ является его внимательному взору

Умерша дѣвушка богатаго отца,
Которую, для радости пѣвца,
Несли на кладбище — на гору.
Рифмачъ въ восторгѣ! — (будетъ сытъ!)

Стремглавъ ко гробу онъ бѣжитъ.

Экспромту слезный произноситъ

И въ немъ Смерть люту такъ поносишь:

„Цвѣла и — нѣтъ!“

„Вотъ жизнь и Смерть!“

„О Смерть! — лишь надо мной ты наругаешься
можешь,

„Но ни жены моей ты, ни дѣтей не сгложешь —

„Клянусь тебѣ, что я въ семь мѣсѣ не же-
нюсь!“...

— „Ты правъ, я надъ женой твоей не посмѣюсь;

„Куды тебѣ женишься? —

„Кто эдакимъ вралемъ прельстится?

Такъ Смерть поэта прервала:

„Но надъ дѣтьми — (хотя и не спа-
раюсь,)

„Твоими я давно ругаюсь!“

Дѣтьми она его швореня назвала.

Мслевъ.

ЕПИГРАММЫ.

9.

Панегиристу А.... И....

Бывало грѣшныхъ насъ ты всё морилъ стихами,
Теперь — ужъ небесамъ скучаешь похвалами;
Я чаю, слушая хвалу себѣ твою,
Святой зѣваетъ и въ раю.

10.

Когда на станъ ея взираешь
Иль пѣнье слушаешь ея
Или рѣчамъ ея внимаешь, —
Всё, всё прельщаетъ въ ней тебя;
Когдажъ въ лице ея заглянешь, —
То отъ нее ты бѣгать станешь.

II.

Перемѣна платья.

Какъ плашье дѣйствуетъ, Сударыня, на васъ:
Вчерась вы въ бѣленькомъ любите меня божи-
лись,
Сего дня въ темное, къ несчастью, нарядились,
И вошь другому вы клянетесь столькожъ разъ!

*Крету, которой называлъ свою любов-
ницу Діаню.*

За что Діаной величаешь
Красавицу, тебѣ которая мила?
Діана мѣтила въ оленихъ, самъ ты знаешь;
А милая твоя нацѣлила въ осла!

Орестъ Сомовъ.

Р а й.

Какой ты лакомка, Адамъ,
За яблоко всѣхъ насъ обидѣлъ!
Когда бы жилъ тогда *Абрамъ*,
Такъ свѣтъ бы рай доселѣ видѣлъ.
А естълибъ, другъ мой, винограды
Были искушеньемъ вмѣсто древа?
— „Тогда пропалъ бы райскій садъ. . . .“
Такъ правы, братъ, Адамъ и Ева.“

Мслвчъ.

14.

Кучеру.

Тирру, стой, прохожій, погоди:
Я кучеръ — сиживаль всегда наперед;
Когда же прокаталь здоровье, умъ и силу,
Смерть гаркнула: „ну, ну! вышагивай въ мо-
гилу!

Поди!

Орестъ Соловъ.

15.

Педанту Силъ.

Въ сїю могилу
Педанта положили Силу,
Которой помѣщаль въ себѣ 500 наукъ,
Но голову имѣль пустую, какъ сундукъ.

16.

Турецкому Султану.

Положено здѣсь тѣло Магомета,
Который былъ страшилищемъ для свѣта:
Судьбы непостижима вервь!
Теперь его съѣдаетъ червь.

17.

Пастуху Гончаренку.

Сей мужъ былъ паспырь Люботинскій (*):
Онъ пасъ свиней,
И умъ имѣя свинскій,
Былъ щасливъ въ жизни сей!

18.

Гнѣтъ въ рогожѣ Климы:
Богъ съ нимъ!

Мслвчъ.

19.

*Изъясненіе въ любви одного приказ-
наго (**).*

О ты, всѣхъ прелестей палата
И Президентъ души моей!
Твой взоръ — указъ мнѣ изъ Сенапа,
Понеже въ волѣ я швоей.

(*) Люботинъ село Валковскаго уѣзда.

(**) Сія пѣска давно очень сочинена и ходитъ по рукамъ. Какъ жаль, что Сочинитель оной неизвѣстенъ! Беру смѣлость помѣститъ ее въ Х. Д. и надѣюсь, что она понравится моимъ читателямъ. Прим: Из:

Твоей прелъщень я красотою,
Спѣшу въ секвестръ себя отдатьъ,
Меня ты можешь за собою
Безъ пошлнмъ, справокъ, отказать.

Въ Архивѣ я когда бываю
Иль въ Канцелярію спѣшу:
Повсюду образъ твой встрѣчаю,
Въ побытъ я бумагъ ищу.

Клянусь по чести предъ зеркаломъ,
Что предъ тобою суцѣй вздоръ
И самъ Сенаторъ въ платьѣ аломъ,
Въ мундирѣ шитомъ Прокуроръ.

На вѣкъ твоей я преданъ власти,
Въ журналъ любви меня впиши,
Прочши *экстрактъ* нѣжнѣйшей страсти
И вылиси пламенной души.

Взгляни хоть разъ одинъ умильно
Въ *кантору* сердца моего:
Оно трепещетъ, бьется сильно
И ждетъ отвѣта твоего.

Твои мнѣ разговоры сладки,
Я подъ *присягой* говорю:
Они прѣятнѣй мнѣ, чѣмъ взятки
Бездушному Секретарю!

Примижь любви моей *прошенье*,
Я предъ тобою *бью* — *чело*мъ:
Скрѣли о мнѣ опредѣленье
Своей улыбкой, какъ перомъ.

И такъ какъ бы процессъ безгласный
Судьбу мою возобнови;
Я буду истецъ самый страстный
Вышеописанной любви.

Коль мѣсто то, которымъ льщуся,
Въ твоемъ я сердцѣ получу,
Сидѣть въ совѣтѣ откажуся,
Министромъ быть не захочу.

Но коль себя — всѣхъ золь въ добавокъ,
Въ твоей Герольди буду зрѣть:
Мнѣ легче безъ суда и справокъ
На лобномъ мѣстѣ умереть.

Неизвѣстный.

II.
П Р О З А.

20.

Письмо изъ Европы
Хана Джеалгира къ Дервишу горы
Удлубегской ().*

Корень благополучія да прозябнеть на пущи жизни твоей и свяшость твою да процвѣтеть во вѣки, подобно словамъ Алкорана, великолѣпный служитель Бога Магометова! Благословеніе твое да упривитъ стопы странника удаленнаго отъ лучезарныхъ вратъ востока, котораго уста не могутъ уже вдыхать райскаго бальзаму твоихъ поученій, котораго взоры блуждаютъ на предмѣтахъ чуждыхъ его сердцу, и уши поражаются звуками незнакомыми, невѣдомыми въ опечесствѣ правовѣрныхъ. Уже шесть мѣсяцовъ я странствую за предѣлами моря; душа моя ищетъ бесѣды твоей, но неизмѣримое пространство заключаетъ ее въ пуспотѣ и безмолвіи. Ея чувствованія всегда къ тебѣ обращающіяся, подобно какъ подсолнечникъ къ предводителю свѣтилъ небесныхъ, ея мысли покоренныя жезлу тво-

(*) Переводъ съ Арабскаго.

ей премудрости, да воспріиметь сей листъ который Ангель Хранитель да управитъ невредимъ къ жилищу священнаго учителя истинной Вѣры. Нѣтъ, отецъ мой! я не перемѣнился, я пошъ же каковъ, цѣлуя прахъ швоихъ ногъ, принималъ драгоцѣнное благословеніе руки швоей; каковъ спарался успокоить нѣжную попечительность швою и спрахъ, дабы удаденіе и забвеніе не соврашили души моей съ пути благочестія угошованнаго швоими совѣтами. Новость предмѣшовъ видимой иною спраны не можетъ поколебать моей привязанности къ благословеннымъ мѣстамъ гдѣ я родился; взоры мои наблюдають не ослѣпляясь; сердце мое чувствуетъ не заблуждаясь; я никогда не опрекусь опдашь справедливости иноплеменникамъ, но въ душѣ моей горитъ неугасимый огонь любви къ опечеству; я благодарю Небо благоволившее назначить мнѣ рожденіе въ мѣстахъ гдѣ процвѣло древо истинны и благочестія.

Правда, здѣсь все ново, все удивительно для опдаленнаго жителя береговъ Тигра и Ефрата. Прошекая чрезъ сіе великое разнообразіе спранъ и народовъ, онъ почиаетъ себя, подобно Пророку, переносящимся чрезъ семь небесъ и со-

зерцающимъ то о чемъ земля ниже по-
нятія ему не представляла. Прости мнѣ,
опецъ мой! сіе выраженіе слишкомъ ле-
сное для Европы. Если истинная вѣра
избрала жилищемъ своимъ щасливья
спраны востока, если Природа распочи-
ла на нихъ свои сокровища, то увѣримся
по крайнѣй мѣрѣ что милосердное Небо и
самымъ невѣрнымъ не отказываетъ въ
дарахъ своей благости. Видя тѣмъ нече-
стїя ихъ ослабляющую, я живо чувствую
превосходство моего опечесства; но я пу-
шешествую для того чтобы обогатить
разумъ мой новыми знаніями, сердце мое
ощущеніями и воспоминаніями улаждаю-
щими часы печали и дни старости. И то
и другое представляетъ мнѣ Европа. Не-
уполимая жажда моя къ ученію находитъ
неисчерпаемое сокровище въ разнообраз-
ныхъ и удивительныхъ успѣхахъ сдѣ-
ланныхъ ея жителями въ неизмѣримомъ
пространствѣ наукъ; въ наблюденіи ихъ
нравовъ, обычаевъ и обхожденія душа моя
ищетъ новаго ключа къ тайнамъ че-
ловѣческаго сердца; самое то что мнѣ
кажется странно или смѣшно, доспа-
вляетъ моему разуму пищу новостію сво-
ихъ впечатлѣній.

Всеобщій миръ царствующій нынѣ въ семь краю свѣта, дѣлаеиъ путешествованіе мое удобнымъ и занимательнымъ. Недавно всѣ сіи народы спенали среди ужасовъ долговременной и всеобщей брани. Человѣкъ, по мнѣнію однихъ великій, по словамъ другихъ чудовище, но какъ бы то ни было, единственнѣйшій, ужасный человѣкъ, въ продолженіи двадцати лѣтъ пошрясалъ престолы ихъ Царей и хотѣлъ утвердить свое владычество на развалинахъ порядка и благоденствія народовъ. Всевышній низринувъ его наконецъ въ бездну ничтожества, котораго бы ему, для блага смертныхъ, не должно было оставаться. Нынѣ всѣ они предаются общей и справедливой радости, подобно удѣлѣвшимъ оиъ страшнаго изверженія огнедышущей горы, благодарящимъ Небо и обнимаящимся въ чувствѣ спасенія своего на прупахъ своихъ братій. Щастливы будутъ, если несправедливость, зависть и корыстолюбіе не заспаваютъ ихъ вскорѣ забыть ужасныхъ слѣдствій раздора, и презрѣть блага приобрѣтеннаго шолікими опытами и злключеніями!

Смяшенія обуревавшія Европу, сдѣлали великія перемѣны въ отношеніяхъ

племень ея населяющихъ. Обрѣвши наконецъ путь избавленія отъ бури угрожавшей имъ разрушеніемъ, они постановили новый порядокъ вещей который почитаютъ залогомъ будущей своей безопасности, и желаютъ сдѣлать непреложнымъ и непоколебимымъ. Одинъ изъ сихъ народовъ котораго имя, за сѣю лѣтъ предъ симъ, не было включено въ общемъ союзѣ племень Христіанскихъ, нынѣ восходитъ на вершину славы и могущества. Многочисленность жителей и неизмѣримое пространство его владѣній дають ему неоспоримое первенство на швердой землѣ. Страшное его сосѣдство прилегаетъ къ границамъ двухъ великихъ Имперій право-вѣрнаго племени, которыя Всемогущій Алла да избавитъ отъ бѣдствія подвергнувшись нѣкогда постыдному игу невѣрныхъ!

Другой обитающій на великомъ островѣ къ западу, присвоилъ себѣ неизмѣримое владычество морей и неизсякаемый источникъ всемірной торговли. Морская его сила, могущество и богатство извѣстны и намъ отдаленнымъ жителямъ береговъ Персидскаго залива. Его владѣнія защищаемыя непреодолимою оградой мо-

я и флота превосходящаго силою сво-
ю всѣ флоты прочихъ державъ вмѣ-
стѣ, въ продолженіе кровопролитной бра-
ни оспались одни неприкосновенными отъ
военныхъ опустошеній. Зависть копорую
я примѣпилъ къ нему во всѣхъ видѣнныхъ
мною спранахъ, и припомъ согласная спра-
ведливость какъ бы невольно отдаваемая
его Правительству, законамъ, учрежде-
ніямъ и благосостоянію его, удостовѣ-
ряюшъ меня что сей народъ копорого
спечество для меня еще неизвѣстно,
ипъ изъ всѣхъ ихъ мудрейшій и щасли-
вѣйшій.

Многіе изъ сихъ народовъ еще неиз-
вѣстны мнѣ; однако сколь ни великія оп-
ытны находятся между ними, но различіе
измѣрное отдѣляющее ихъ отъ моихъ
сопечественниковъ, представляетъ мнѣ
ихъ всѣхъ однимъ народомъ. Языки ихъ
равно непонятные для непривыкшаго мо-
его уха, необыкновенное очертаніе лица,
ихъхожденіе еще болѣе странное, поселя-
етъ въ душѣ моей нѣкакое чувство си-
ршства и уединенія. Одежда короткая и
вакая, представляетъ ихъ неприученному
въ ней взору моему въ какомъ то унизи-
тельномъ для челоѣка видѣ. Европейецъ

спараются сколько возможно обрисовать природныя формы своего шѣла; онъ, кажется, завидуешь шѣмъ безсловеснымъ тварямъ которыхъ Всещедрый, милосердую къ ихъ неспособности и бѣдности, надѣлилъ природными покровами отъ снужи или зноя. Всего удивительнѣе чпо чѣмъ болѣе подвигаюсь къ полуночи, шѣмъ сильнѣе кажется мнѣ владычество сей спраспи *къ наготѣ*; я могъ бы заключить чпо достигши до края Сѣвера нашелъ бы наконецъ человѣка въ томъ первобытномъ шѣлесномъ состояніи котораго грѣхопаденіе лишило нашего прародителя!

Вижу чпо и мой видъ, языкъ и поступки, не мѣнѣе возбуждаютъ любопытство и удивленіе жителей сихъ странъ. Однако не могу жаловаться на какой либо знакъ отвращенія или пренебреженія котораго бы имѣлъ причину опасаться чужестранецъ, вѣроу и нравами столь противоположный жителямъ посѣщаемой имъ страны. Напротивъ того кажется что здѣсь иностранцу присвоены еще большія права нежели единоземцу; по крайнѣй мѣрѣ признаюсь, что я пользуясь шѣмъ чего Европеецъ едва ли бы могъ ожидать въ нашемъ опечествѣ. Магомешанинъ свя-

по хранить правило предписанное Пророкомъ : онъ предложитъ невѣрному пищу и одежду ; онъ укроетъ его отъ бури , успокоитъ отъ усталости . Но прямодушіе его слишкомъ , можетъ быть , велико , чтобы скрыть отвращеніе которое онъ питаетъ къ несчастному послѣдователю заблужденія . Здѣсь ты не услышишь ни одного слова , не замѣнишь ни одного знака могущаго возбудить мысль о разліи вѣры и мнѣній . Здѣсь каждый встрѣчаетъ тебя съ улыбкою , изъавляетъ готовность услужить тебѣ , спарается гадать твою мысль и желаніе . Я знаю что сіе расположеніе къ услугамъ есть ничто иное какъ , въ нижшихъ , любовь къ прибытку , а въ высшихъ , склонность къ лицемерію которое они поспавляютъ себѣ въ честь ; знаю сколь трудно найти друга въ сихъ народахъ корыстолюбивыхъ и щеславныхъ . Но какая мнѣ до того нужда ? Вотъ вамъ золото , презрѣныя чада корыстолюбія ! Я не за тѣмъ оставилъ богатый край востока чтобы искать у васъ приумноженія моему богатству . Я не за тѣмъ распался съ еродниками и со всѣмъ что мнѣ драгоцѣнно и священно , чтобы искать сладостей

Дружбы и любви въ обиталищѣ невѣрія. Другъ истинный есть чудо во всѣхъ странахъ, и особенный залогъ благоволенія небесъ. Я доволенъ и благодарю Европу, если обхожденіе ея жителей (какія бы ни были его причины) доставляетъ мнѣ еще нѣкоторыя пріятности жизни, тогда когда сердце мое поминся въ удаленіи отъ всего что ему любезно.

Но просвѣти меня, учитель! ибо мысль моя смятенная сомнѣніемъ, не находитъ прибѣжища кромѣ твоей премудрости. Прекрасныя созданія опредѣленные Природою раздѣлять съ нами и улаживать жизнь нашу, осуждены ли самимъ Всевышнимъ на покорность и неволю которымъ подвергла ихъ Азія, или имѣютъ природное право на свободу предоставленную имъ въ Европѣ? Здѣсь женщины представляются мнѣ нѣкимъ высшимъ существомъ занимающимъ средину между мужчиною и Богомъ. Мужчина знающій почитаетъ обязанностію уступить мѣсто женщинѣ нижшаго состоянія; не наблюденіе сего правила есть знакъ невѣжества и варварства. Ахъ! я не могу не видѣть сколько пріятностей распочаетъ обхожденіе съ симъ милымъ поломъ изъ

жизнь Европейцевъ, какъ самыя права ему уступленныя служатъ испочинкомъ безчисленныхъ утѣхъ для обоихъ половъ. Здѣсь взаимное желаніе нравиться заглаживаетъ различіе состояній и чиновъ, иногда даже и лѣтъ. Здѣсь общее признаніе женскаго преимущества водворяетъ болѣе равенства между мужчинами. Здѣсь и самая любовь, принимая болѣе разнообразія, изощряетъ жало утѣхи своей; обоюдныя напряженія страстей равныхъ силами и средствами, дѣлаютъ побѣду шруднѣе и привлекательнѣе. Наконецъ побѣдитель къ блаженству имъ вкушаемому, присоединяетъ и сладкую увѣренность что получилъ его силою личнаго достоинства.

Нѣтъ! я исповѣдую: я, обладающій чудесами Черкассіи и Грузіи, никогда не вкушалъ сего щастія котораго не лишень, можетъ быть, послѣдній изъ Европейцевъ. Власть моя неограниченна въ моемъ Сералѣ; воля моя есть законъ и мои страсти никогда не знали преградъ сопротивленія. Но вкушалъ ли я блаженство совершенное? вкушалъ ли небесную отплату видѣвъ нелицемѣрное воздаяніе сердца за мою нѣжность, упиваться мыслию что я одинъ составляю щастіе пред-

мѣша любви моей. Могу ли быть увѣреннымъ что если бы власъ не удерживала его въ моихъ объятіяхъ, то я не былъ бы имъ забытъ, отвергнутъ, презрѣнъ? Что я говорю? Увѣренъ ли я что случай и вѣроломство не предали уже меня поруганію, въ то время когда я предаюсь надеждѣ и безопасности? Презрѣнные чада подлости и рабства, едва достойные имени человѣческаго, которыми я ввѣрилъ сокровища моего благополучія, могутъ ли быть достойными поручками моей безопасности? Можетъ быть въ сію минуту!... Праведное Небо! если злодѣй непременно долженъ оскорбить меня, то по крайнѣй мѣрѣ не лиши меня оправды омытъ руки въ ненавистной крови его!

Самыя тѣ пороки которыхъ владычество повсемѣстно, Европа облекла въ одежду столь же особенную какъ и одежда ея жителей. Здѣсь ты не увидишь ненавистной суровости, скопскаго пренебреженія, опличающихъ гордость большей части нашихъ Хановъ и Емировъ, и столь чуждыхъ душъ моей взлелѣянной млекою швоей добродѣтели, о мудрейшій изъ человѣковъ! Покрайнѣй мѣрѣ сія слабость предоспавлена здѣсь однимъ

жалкимъ тварямъ которыя возникнувъ изъ праха или грязи, сами удивляюшся высотѣ ими занимаемой. Порода и доспашокъ изобрѣли другія средства опдѣлить себя отъ черни и низшихъ состояній: свободная простота, видъ самодовольствія и безопасности, крайняя учтивость внушающая почтительное опдаленіе, опличающъ того кому рожденіе дало исключительное право на почѣсть и уваженіе. Онъ не почитаетъ за нужное бить въ набатъ своихъ преимуществъ: видъ его, обожденіе и поступки непринужденныя и ясные, возвѣщаютъ сами собою что сіи преимущества суть природное его достоинство и не ослѣпляютъ его. Ахъ! если пороки неразлучны съ общежитіемъ, то не должно ли желать покрайней мѣрѣ чтобы вездѣ хотя легкая маска скрывала ихъ нелюдскость отъ взоровъ оскорбляемаго человѣчества, и улаждала несчастіе того что дѣлается ихъ жертвою.

Но пиранны владычествующіе неограниченно въ душахъ Европейцевъ, суть самолюбіе и тщеславіе. Самолюбіе и тщеславіе ихъ боги которыми они жертвуютъ совѣстью и совѣстію и самымъ шѣмъ Божьимъ которымъ вѣру уста ихъ исповѣду-

юшъ. Нѣкогда равенство было страстію ихъ предковъ пребывавшихъ въ варварствѣ; дикая гордоспъ ихъ не позволяла имъ признавать власпи превыше собспвенной своей воли. Уступя необходимости гражданскаго благоустройсва, попомокъ ихъ покорилъ волю свою законамъ власпи-пеля, но желаніе равенства успремилъ на то чпобы никому не уступитъ въ почести и богатствѣ или, лучше сказать, въ роскоши. Богатство еспъ независимый даръ форшуны здѣсь какъ и вездѣ, но Европеецъ не хочетъ чпобы богатѣйшій его превзошелъ его въ роскоши и блестящей наружности. Здѣсь все обращено на то чпобы блистать и удивлять. Здѣсь видя большую часть распочипелей, не думай поставитъ ихъ наряду съ пѣ-ми копорые въ нашемъ опечествѣ не превосходяптъ ихъ своимъ распоченіемъ; пы бы обманулся. Благодаря справедливоспи поняшій и чиспошѣ нравовъ Музульманскихъ, наша роскошь еспъ дщеръ избылія; достойно и праведно чпобы пошъ кому судьба дала въ удѣлъ избытокъ и богатство употреблялъ ихъ на услажде-ніе своихъ чувствъ и на вспомошество-ваніе ближнимъ. Здѣсь же распочающій

щеть не наслаждаться, но превзойти
другого или поравняться съ нимъ; еще
болѣе того, онъ лишаетъ себя необхо-
димаго чтобы блеснуть излишествомъ.
Здѣсь ты увидишь господъ которые со-
держатъ толпу музыкантовъ не имѣю-
щихъ одежды, кромѣ какъ во время отпра-
вленія своей должности; и такихъ кото-
рые даютъ пиршества въ щотъ Государ-
ственныхъ подапей, и такихъ которые
возводятъ у себя плоды Персіи и Киная,
ужинаютъ одною картофелью. Здѣсь
нужды до того что происходитъ
внутренности семейства, шасливо ли
о въ настоящемъ, безопасно ли на пред-
дущее время. Минута требуетъ блеску:
или наружность удовлетворена по цѣль
исполнена. А щотъ кому фортуна дала
испачочные способы удовлетворять и
необходимости и внѣшности, слѣдуетъ
идти безстрашно путемъ удовольствія,
видитъ тысячи своихъ соперниковъ пре-
терпѣвающихъ кораблекрушеніе. Безу-
мые! они подобны тѣмъ искусственнымъ
кознямъ которые дерзко усупремляясь, ка-
чаться, хошятъ достигнуть селенія звѣздъ,
съ шумомъ издыхая въ пущахъ возду-
ха, возбуждаютъ смѣхъ и веселіе зрите-

лей. Здѣсь еще увидишь записнаго домо-
спроишеля неплащащаго своихъ долговъ;
здѣсь увидишь наконецъ провозглашеннаго
въ вѣдомостяхъ благошворителя который,
обогащая подлую наложницу, лишаетъ свое
семейство родительскаго достоянія. Ты
видишь премудрый Державинъ! знакома ли
добродѣтель въ семъ краю, добродѣтель,
дщерь неба и подруга швоя, состоящая
въ томъ чтобы помогать бѣднымъ, уни-
жать гордость невѣрныхъ, а паче свою
собственную, хранишь постъ и молитву,
и съ восхожденіемъ и захожденіемъ солн-
ца каждый день омываешь чистою водою
скверны плѣла и души.

По сей причинѣ слово добродѣтель
во все не употребительно въ здѣшнемъ
обществѣ; за то честь есть любимое
слово Европейскихъ языковъ, честь замѣ-
няешь ее здѣсь совершенно. Эпо также
исчадіе равенства, также желаніе казаться
инымъ нежели тѣмъ, кпо, что есть, наглое
требованіе подлаго не слыть подлымъ, пре-
ступника прѣступникомъ. И они обожа-
ютъ свою честь! Научи меня, безгрѣш-
ный! нужна ли защита сего привидѣнія
тому кпо исполняетъ велѣнія Божія, и
чистъ въ своей совѣсти, нужно ли ему

нѣніе людей, и добродѣтель, если бы и была
ми омрачена, не должна ли нѣкогда воз-
являть вѣщимъ свѣтомъ? По крайнѣй мѣрѣ
не вижу еще никакихъ добродѣтельныхъ
дѣйствій понятія о чести; я вижу пор-
азительство порока вызывающаго къ чести, ко-
гда безсильная правда не въ состояніи до-
казать очевиднаго пресупленія; я вижу
что законъ медленный и дряхлый, часто
спрашивается приступитъ къ изслѣдованію
пресупленія, дабы не оскорбить щеко-
ливаго чувства чести; вижу и благосло-
вяю нравы Музульманскіе гдѣ правитель,
полюю врученной опъ Вышняго Царямъ
незредѣльной властіи и меча правосудія,
копираетъ ногами всѣ изобрѣшенія лукав-
ства, и посѣкаетъ зло въ его корнѣ.

Тяжкое бѣдствіе угрожаетъ оскорби-
телю чести: его ожидаютъ приписанія
победы или личное мщеніе обиженнаго. Сіе
послѣднее кажется мнѣ согласнѣе съ здра-
вымъ разумомъ; ибо непріятели съ ору-
жіемъ въ рукахъ призываютъ рѣшше-
нью вражды своей праведное небо и не-
предложное предопредѣленіе судьбы: (если
только суетныя распри чести достойны
вниманія Всевышняго). Но лукавство Евро-
пейское изобрѣло способъ безнаказанно

поражать и сіе ужасное чудовище нарицаемое *честію*. Мстительность въ оковахъ зашрудненія естъ масть ухищренія и низости; пакъ называемый *ласквиль* естъ ея вѣрнѣйшее орудіе: бумага неопкрывающая имени сочинителя, проливаетъ въ публику всѣ порицанія и укоризны копорья досада или клевета могутъ изблевать на обезоруженнаго врага. Легкость и соблазнительность сего пути къ ошмщенію, часто прошивному справедливости, заставила законы принять мѣры къ искорененію сего зла: въ случаѣ неизвѣстности сочинителя, бумага представляющая его лице, всенародно сожигается рукою палача. Но средство сіе очевидно не достаточно къ укрощенію рѣшительнаго преступника, а еще мѣнѣе къ удовлетворенію обиженнаго. Большею частію порода и истинное величіе поставляютъ себя выше обиды, и пренебрегая оною, не упоминая сего безполезнаго удовлетворенія; и опытъ удостовѣрилъ что молчаніе естъ лучшее средство укротить злословіе.

Я оканчиваю письмо. Свѣтъ моего разума и опецъ помышленій моихъ! я приношу тебѣ жертву чувствованій и на-

блюденій внушенныхъ чистою вѣрою въ
швое ученіе, и желаніемъ озарить себя
вящимъ свѣтомъ своего знанія; удостой
уладить мой духъ отъ свѣта швоей пре-
мудрости, покажи мнѣ путь избѣгнутьъ
отъ челюстей заблужденія, и управляй
склонностями и движеніями души моей,
какъ Всевышній управляетъ свѣтилами
небесными. Я достигъ до средоточія Евро-
пы, во владѣнія Короля Прусскаго; не знаю
еще въ которую сторону обращаю мой
путь; не знаю скоро ли предстанетъ слу-
чай еще бесѣдовать съ тобою. Мысль
моя будетъ всегда парить къ странѣ во-
стока откуда сіяетъ ко мнѣ свѣтлая звѣз-
да правоты.

III.

С М Ъ С Ъ.

I.

(Пѣсня Лапландская.)

Скачи, любезный Лось! скорѣе,
Леши къ подругѣ дорогой:
Еще скорѣй, еще быстрѣе,
Любезный, милый Лосикъ мой!

Леши — ты знаешь путь далѣкѣй
Къ сударкѣ радости моей; —
Да будь проворнѣе, жестокѣй!
И ногъ быстрѣйшихъ не жалѣй.

Когда бы было въ власти нашей,
То ябъ на эши тучи сѣлъ
Которы идутъ къ юртѣ вашей,
И въ мигъ къ тебѣ бы прилетѣлъ!

Ахъ! крѣпче цѣпи что железной?
Кто цѣпь железу перерветъ? —
Подобно, отъ моей любезной
Никто меня не оторветъ!

Вотъ скоро, скоро, къ ней прибуду:
Тогда во весь я крикну ропъ,
Когда голубку видѣть буду
Гуляющую вблизи болошь. —

Скачи, любезный Лось! скорѣе,
Лети, къ подругѣ дорогой,
Еще скорѣй, еще быстрѣе,
Любезный, милый Лосикъ мой!

Лети — теперь ужъ недалёко,
Къ сударкѣ радости моей!
Не поступай со мной жестоко,
И ногъ быстрѣйшихъ не жалеи!

Мслвчъ.

2.

ЭКСПРОМПТЪ.

Е. В. К-вой

(въ день ея Ангела.)

Угрюмый Царь суровыхъ непогодъ,
Присяжный врагъ весенней нѣги,
Хотѣлъ было опять рядить Природу въ снѣги,
И спрятавъ ручейки подъ лёдъ; —
Но вспомня что съ симъ днемъ твой праздникъ
приближался,

Неволею Эоль впервые разсмѣялся,
Разгладя пасмурно чело;
И — снова солнышко взошло!

О. Сомовъ.

3.

К ѵ В е р т е р у.

Тебѣ подобно я страдаю,
О бѣдный Вертеръ! опъ любви,
Тебѣ подобно ощущаю
Я пламень гибельной въ крови!

Ты мучился — и я страдаю;
Ты скучень былъ — и я грущу;
Ты слезы лиль — и я рыдаю,
Какъ ты, пустынныхъ мѣстъ ищу.

Жестокій Гименъ раздѣляетъ
Шарлоту нѣжную съ побой,
Богатство, знатность разлучаетъ
Мою любезную со мной!

* *

4.

Въ Альбомѣ одной дѣвицы.

(Подъ рисункомъ на коемъ изображена Богиня
щастія, спящая у дверей шалашика.)

Спокойство въ хижинахъ! питомцы Музы меч-
тають,

И счастье у вѣротъ шалашика кладутъ.

Здѣсь счастье и покой въ чертогахъ обитають —
Съ шобой — вездѣ они живутъ!

О. Соловь.

5.

А к р о с т и х ъ.

Какъ роза нѣжная, весеннею порою
Алѣя, взоръ къ приятностямъ манишь,
Такъ Хлоя милая своею красотою
Являясь, всѣхъ сердца любовью пламенитъ!

* *

6.

*Н а д г р о б ѣ е
Философа Демокрита.*

Оставимъ знакъ и мы предбудущимъ потом-
камъ:

Да знаютъ нѣкогда по гробовымъ обломкамъ
Что я на эшомъ свѣтѣ жилъ,

Что въ немъ я больше весель былъ,
Что значить: меньше огорчался,
И живши — цѣли доискался!

7.

(Пѣснь Надовесская.)

Встану я до восхода солнца,
На высокѣй стану холмъ,
Чтобъ узрѣть какъ прогоняешь
Черны тучи новый свѣтъ.
А какъ Солнце закашится,
О Луна! даруй мнѣ свѣтъ,
Чтобы могъ я безопасно,
Опягченный дичиной,
Возвратиться въ мой шалашикъ,
Дѣточекъ обнять, жену,
Съ ними дичины покушать,
И на мягкихъ листьяхъ лечь.

Мслевъ.

8.

Упреки ума — сердцу.

— Ты рвешься, другъ? — Ахъ больно
Терпишь невинно клеветы. . . .
— За чѣмъ такъ много доброты?
— За чѣмъ такъ пламенны твои мечты?

- На что ты *Ангела* воспѣло красоты?
- На что поставило въ стихахъ А. Д. С. ты? (*)
- За чемъ въ рѣчахъ твоихъ столь вѣрныя черты?

— Короче: для чего не прочтѣ, — а ты,
Такъ поступаешь вольно?....

Довольно!

Зеленскій.

9.

Р е ц е л т ъ.

(Какъ дѣлать уксусъ 4 хъ разбойниковъ.)

(Съ французскаго.)

Возьми большой копель съ полудою безъ крана,
Брось *Нея* и *Даву*, да храбраго *Бертурана*,
Прибавь Полиціи Министра *Савари*,
И долго на огнѣ составь ты сей вари,
Охолодя его, симъ средствомъ ты дойдешь —
И уксусъ четырехъ разбойниковъ найдешь.

С.

(*) Это для шѣхъ, которые упрекають меня будто бы спи-
хи къ А. Д. С. напечатанные во второмъ Но. X. Д.
относясь къ извѣстной особѣ. . . . которой я не-
имѣю чести знать. И такъ долгомъ považаю тор-
жественно подтвердити что стихи мои написаны осо-
бѣ. . . . иногородной. З.

И Издашель для сего единственно помѣщаетъ эту
справку. М.

10.

Г. Квиткѣ

въ отвѣтъ на его *не хачу*.

Квитка! хочешь удивиться?
Слушай! — право не шучу:
Коль желаешь ты жениться,
За тебя иди *хачу*.

*

Ты меня со всѣмъ не знаешь:
Што шутъ нужды? — не бѣда.
Черезъ годъ меня спознаешь;
Въ свѣтѣ такъ живутъ всегда.

*

Бракъ вишь *Польскому* подобень:
Кто попался — съ тѣмъ иди.
Коль не ловокъ, не угодень —
Вотъ опхлопнушь. . . . погоди!

*

За мужъ я давно желаю;
Мнѣ придцатая весна,
Не въ дурныхъ себя щитаю,
Зубы всѣ, лицомъ красна.

*

Стройной станъ и ростъ годится,
Волось дологъ — темнорусъ,
Я умѣю нарядиться,
Къ лицу шалью завернусь.

*

По Нѣмецки разумѣю,
En français je parle très-bien,
Я въ компаньи не нѣмѣю,
Пѣть готова цѣлой день.

*

Есть *бурмицкаго* двѣ нитки,
Фермоаръ — и перстенёкъ,
Но за то ужъ ни кибишки:
Всё прибралъ къ себѣ зятёкъ.

*

Есть *бородокъ* сотня съ лишкомъ,
Денжуры лишь *тридцать* лять,
Деревенька есть съ домишкомъ:
Славно можно поживатьъ.

*

Лишь во снѣ я молчалива
И скромна, тиха, добра,
Но проснусь — бѣда: — бранчива,
Цѣлой день шумлю съ упра.

*

Стало я во всемъ какъ должно,
И невѣста хоть куда!
Одного лишь скрышь не можно.
Да не очень и бѣда:

*

Коль женой своею буду,
Не взыщи! мой другъ на мнѣ:
Ужъ старинки не забуду,
Коль опхлопнуть, такъ. . . . Adieu!

*

Вотъ условье — ну! рѣшайся!
И суріозно — не шучу.
Опиши себя, не тайся;
Вѣрно вскрикнемъ мы: хаху. (*)

а. на,

(Не въ Слободской Губерніи.)

II

Каламбуръ.

Люблю я знать,
Да не всегда,
А иногда
И знать,
Не дай Богъ знать!

.

(*) Издашеле, (поблагодаря прежде опкровенную Незнакомку за доставленіе сей піесы) смѣлъ увѣрить ее что Г. К. вѣрно не будешь такъ неучивъ чшобъ опривула ея прозьбу.

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЪ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.

И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -
Журналовъ тысячу, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ АПРѢЛЬ.

ХАРЬКОВЪ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харь-
ковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ
основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочи-
неніе Профессора Ивана Срезневскаго, печаташь
оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатан-
ніи, до выпуска въ Публику, представлены
были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экзе-
мпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Де-
партаментъ Министерства Просвѣщенія, два
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіоте-
ки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи
Наукъ. Марта 23 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.

І.

П О Э З І Я.

І.

У Т А И Д А.

(Колическая Поэма.)

Содержаніе второй пѣсни.

Призываніе восторга — радость Марьи — печаль Зашѣя — онъ никакъ не можетъ выдумать именъ для дѣшей своихъ — Марья ихъ называетъ — обыкновенное занятіе Зашѣя и Марьи — разсужденіе о женщинахъ — ростъ Ушая и Ушки — сила Ушая.

О краткіе часы восторга, изступленій,
Въ которы началъ я Ушая воспѣвать!
И ты, крылатый Геній!
Коль могъ тебя вмѣщать,
Вѣщайте мнѣ когда чердакъ мой посѣтите,
Когда вторую пѣснь окончите, скажите?
Я долго боленъ былъ, и весь изнемогая,
Позабывалъ себя, не забывалъ Утая!
Въ большемъ бреду, жару его воспоминалъ,
И только для него на свѣтѣ бытъ желалъ.
Не только для него, еще есть двѣ причины,
Для коихъ не желалъ въ болѣзни я кончины;
Причина первая: еще хотѣлось жить!

Подземный узкій домъ не могъ прїямень быть;
Вторая: былъ школяръ, и для того боялся,
Дабы я школяромъ на вѣки не остался.
Не ужъ ли для того былъ долженъ видѣть свѣтъ,
Чтобы въ восемнадцать лѣтъ, въ школярствѣ
умереть!

Я, кажется, рождень для благородной цѣли,
Чтобъ въ мїрѣ семь играшь на лирѣ и свирѣли,
И для того хочу подолѣе пожить
Но полно попусту такъ долго говорить,
Чтобы читатель мой не вышелъ изъ терпѣнья,
Не началъ бы меня бранить за разсужденья;
А я съ читателемъ ругаться не хочу,
Въ его угодность замолчу.

Мои читатели мнѣ украшенье, слава,
Такъ долженъ ли я имъ за это досаждать?

Нѣтъ, нѣтъ, любезный *Савва!*

Въ угодность я твою не буду разсуждать,
И шестистопными, *аршинными* стихами,
Не стану швой языкъ и слухъ отягощать,

Клянуся крашками строками

Тебя плѣнять и услаждать! (*)

(*) Нѣтъ зла безъ добра! Не будь я тогда боленъ, — то
вторая пѣснь Ушай не имѣла бы приступа; а гдѣ
нѣтъ приступа, тамъ нѣтъ и окончанія. И шакъ, Госпо-
жа Горячка! я вамъ очень обязанъ за ваше тогдаш-
нее милосливое посѣщеніе. Вы причина бышю вто-
рой пѣсни, слѣдовательно и послѣдующимъ; а посему и
Харьковскому Демокристу; — ибо Ушай былъ
вѣрнымъ запасомъ и основаніемъ, на которомъ вздумалъ
я воздвигнуть сіе Изданіе. Можешь быть кто,

Когда затѣй охолодился,
И жаръ его когда потухъ,
Онъ въ важны мысли углубился,
Къ воспоргамъ Марьинымъ былъ глухъ.
И Марья какъ ужъ ни кричала,
Чего не дѣлала она?
Плясала, топала, скакала,
Вотъ какъ прямая Сатана!
То дочку чмокнешъ, то къ Затѣю,
То мигомъ къ сыну подбѣжишь,
Чуть, чуть себѣ не сломить шею,

изъ чипателей хочешъ здѣсь прибавить, что Гж. Горячка есть также и причина шеперешней его зѣвошы; а посему и хорошаго сна: всё таки добро, ибо кто хорошо спитъ, тотъ наслаждается первѣйшимъ благомъ сего Мира, ш: е: здоровьемъ; а кто хорошо и много спитъ, тотъ еще имѣетъ всё право на будущую награду! по словамъ извѣснаго Латинскаго (а посему и справедливаго) силлогизма: Qui bene bibit только первое предложеніе должно превратить въ Qui legit D.... что и составишь слѣдующій, во всей формѣ Аристотелевской силлогизмъ:

Qui legit De....

Bene dormit,

Qui bene dormit, non peccat,

Qui non peccat, sanctus est;

Ergo, qui legit De.... sanctus est.

И такъ, Господа! ежели хотите быть блаженными, такъ разбирайте Демокрита!....

Ни какъ на мѣсшѣ не сидить,
Ревешъ отъ радости, мяучить,

Пищить,
Визжить,
Кричить,

Ну, словомъ, чортъ старуху мучить!
Зашѣй же всё молчить, молчить,
То лобъ почешешь, то скривишься,
И кто не знаетъ, заключишь:
Рѣшить *проблему* онъ трудится.
Но не въ проблемѣ дѣло было,
На что ему проблемы знать?
Но вотъ его что суетило:
Не зналъ, какъ дѣточекъ называть.
Сергѣй, Уласъ, Кирбитъ, Лаврентій,
Демьянъ, Стеланъ, Трофимъ, Самсонъ,
Лука, Фома, Давидъ, Аксентій,
Михайло, Прохоръ, Спирidonъ,
Лукерья, Анна, Евдокія,
Марьяна, Мавра, Тимофей,
Федора, Фекла, Прасковія,
Кулина, Марья, Дорофей,
Петръ, Павелъ, Александръ, Василій,
Ромакъ, Никита, Алистратъ,
Ефимъ, Игнатъ, Кузьма, Перфилій,
Пантелемонъ, Егоръ, Панкратъ...
Всѣ, словомъ, свящцы до листочка
Дѣдъ бѣдный тихо прошепталъ,
Однакъ для дочки и сыночка
Онъ выбрать имени не зналъ.
„За чѣмъ ты, старый дѣдъ! косишься,

Затѣю Марья говоритъ,
О чемъ, кручинишься, морщишься?
Перемѣни медвѣжѣй видъ,
Вотъ дѣлочки! любуйся ими,
Маленько съ ними поиграй....
— Прошу тебя, рѣчьми такими,
Старуха, мнѣ не досаждай.
Не даромъ говорятъ: старухи
Куды охочи до вранья,
И пренесносны лепетухи.
По слушай, старая! меня:
За чѣмъ кривлюся, есть причина,
За чѣмъ не весель, тоже есть:
Не тыль для дочери и сына,
Не ты ли имя можешь сплестъ?
На это Марья такъ сказала:
Я имя дочкѣ ужъ дала,
Не думала, не хлопотала,
А *Уткой* просто назвала.
— Дочь *Уткой* назвала! ты права:
Дочь изъ упинаго яйца,
Тебѣ старуха! честь и слава,
Да какъ назвать бы молодца?
Давай, старуха! попытаемъ,
Чась добрый, можетъ приберемъ;
Да какъ бы намъ его?.... *Утаемъ*,
Родимой батька! назовемъ.

Тутъ дѣдъ Затѣй отъ умиленья
Старуху началъ обнимать:
Какіяжъ дѣлалъ онъ движенья!
Нельзя никакъ ихъ описать,

Ни рассказать,

А развѣ въ сказочкѣ солгать.

Но мы вранья писать не любимъ,

Одну лишь правду говоримъ,

И въ сотню разъ умнѣе будемъ,

Когда объ этомъ умолчимъ.

Прошло дни два, — и три, — четыре,
А можетъ быть и десять дней:

Утихъ Затѣй,

И всё въ его утихло мірѣ.

Затѣй по прежнему въ кануркѣ

Отъ утра до ночи сидѣлъ,

Коль скучно было, кушалъ булки,

А булокъ нѣтъ — хлѣбъ чорный ѣлъ.

Старуха же всё то творила,

Что добра мать въ дому творить:

Прилѣжно за дѣтьми ходила,

Старалася, чтобъ мужъ былъ сытъ,

Чтобъ было чисто всё, опрятно,

Во всёмъ хозяйство наблюдать:

О какъ должно быть тамъ пріятно,

Гдѣ добрая такая мать!

Тамъ нѣтъ ни сваръ, ни ссоръ, ни драки,

Любовь лишь тамъ и тишина,

Тамъ не грызутся, какъ собаки,

Гдѣ добрая живетъ жена.

Хомя такія рѣдки жоны,

Но можно ихъ еще сыскать:

Онѣ блестятъ сквозь миліоны,

Легко ихъ можно распознать.

Равно легко и ошибиться,

Шумиху золотомъ почестъ,
 Она какъ золото яснился,
 Однако золото ли есть?....
 Но полно! я опять съ дороги
 Большой въ проселочну иду,
 Измучу только этимъ ноги,
 А больше проку не найду.
 И такъ оставимъ жонъ — къ Ушаю,
 Къ его сестрицѣ завернемъ,
 Чудесь мы множество найдемъ,
 По крайнѣй мѣрѣ такъ я чаю.
 И впрямь, пока болталъ пустое,
 Мои Герои подросли,
 И чушь ли, чушь ли не были
 Они повыше гуся въ двое.
 Утай въ особенности росъ,
 И въ каждый часъ въ такую мѣру,
 На сколько вздергиваетъ носъ
 Надушенный хватикъ Бекокосъ
 (Что даже превышаетъ вѣру!):
 Здѣсь кой-что нада бы сказать
 О носѣ семъ, смотрящемъ въ гору,
 Но чѣмъ не всё ужъ отступать,
 Скажу объ немъ въ другую пору.
 Сестра же *Утка* подрастала
 Не такъ, какъ братья ея *Утай*;
 Но въ день шестой такая спала,
 Хоть подъ вѣнецъ ее давай!
 Ахъ не завидна ли, дѣвицы!
 Такая участь *Утки* сей:
 Статна, невѣста, краснолица,

Притомъ недѣли нѣту ей?
 Всѣ дѣвушки конечно знаютъ,
 Что здѣсь бы я еще сказалъ,
 Когда бы ихъ не почишалъ:
 Мущины сами пусть гадаютъ.
 Она казалась лѣтъ въ пятнадцать,
 И ростъ престала наконецъ,
 Не росъ и братъ, и былъ лѣтъ въ двадцать,
 И впрямь прехватскій молодець!
 Глаза — какъ огнь въ ночи свѣтили,
 Ногой — гдѣ ступитъ, тамъ шрещитъ,
 Предъ нимъ столѣтні дубы, хилы:
 Онъ ихъ мизинцемъ повалитъ!
 Херсонъ, Бова и Ерусланы,
 И всѣ Царевичи Иваны,
 И даже Муромецъ Илья,
 Предъ нимъ въ точь были то, что я!

Тобой вторую пѣснь кончаю,
 Богиня костяна нога!
 Тебя молю, къ тебѣ взываю,
 Сѣдая бабушка Яга!
 Снабди, всеильная! совѣтомъ,
 Руководи младымъ пѣвцомъ,
 Чтобъ мой Герой предъ цѣлымъ свѣтомъ
 Въ грязь не ударился лицомъ.

Мслвчъ.

Умолкни все! — внимай, вселенна!
 А ты, о Лира вдохновенна!
 Звучи, — бряцай, греми, воспой:
 Не шигра кровью обагрена —
 Героевъ слава будь презрѣнна,
 Чшо рушатъ нашъ и всѣхъ покой!

*

Когожъ мой духъ хвалить желаетъ,
 Кого онъ выше поставляетъ,
 Чѣмъ виязы, богатыри,
 Кому онъ зиждетъ олтари?
 Не божестволь какое Неба
 Ты воспоешь, питомецъ Феба?

*

Да торжествуетъ нынѣ свѣтъ!
 Подъ пѣснь скачите, элементы!
 Пляшите, Харьковски Студенты! (*)
 То мой пріятель и сосѣдъ.
 Его, его я воспѣваю —
 Въ числѣ созвѣздій помѣщаю!

*

(*) Сочинитель былъ тогда при Университетѣ и разумѣеть
 здѣсь одного Студента.

Хоть много ты творилъ чудесъ,
Но ты съ своею кожей львиной,
Съ тяжелой, грозною дубиной —
Предъ нимъ ничто, мой Геркулесъ!
Ничто предъ нимъ Персей, Язонъ:
Временъ краса и диво онъ.

*

Какой же подвигъ онъ свершилъ?
Онъ устрашилъ и борщъ, и кашу,
И Вакхову священну чашу,
Прехрабро съ пуншемъ проглотилъ!
А больше тѣмъ восхитилъ Музу,
Что мѣшко попадаетъ въ лузу!

*

С.....! здравствуй на всегда!
Геройствуй съ кашей безъ вреда,
Да будешь юный Вакхъ съ лобюю,
Да узришь Грацій ты съ собою!
Се мой къ тебѣ усердья гласъ,
Ты съѣшь его, какъ ананасъ.

1805 года. *Нахилмовъ.*

О Граціи. (*)

Почтенны Господа Словесна Факультета
О милой Граціи ждуть отъ меня отвѣта:
Божественный Платонъ,
Беати, Мендельзонъ

И Сульцеръ, Монтескье, и Гагедорнъ, и Тома,
Писали толстые о сей Богинѣ томы,
Писали — но моглили они ее отккрыть?
Я въ этомъ случаѣ скажу, какъ Симонидъ:
„Чѣмъ больше думаю о Граціи любезной,
Тѣмъ больше вижу я, что трудъ мой бесполез-
ной.“

О Грація! тебя лишь можно ощущать
Но дерзновеніе тебя опредѣлять!
Чѣмъ, чѣмъ Филологи тебя не величали?
Тебѣ всѣ имена пріятны приписали:
Любезность, простота
И скромность, миловидность,
Плѣнительность и чистота,
Простосердечіе, невинность....

И словомъ тысячу именъ имѣла ты,
И въ видѣ прелестія, и въ видѣ остроумія,
Очаровательнымъ глазамъ ты ихъ являлась,
Однако и поднесъ загадкою осталась.
Въ твореньяхъ многихъ ты пѣвцовъ
Свой шронъ имѣешь изъ цвѣтовъ,

(*) Это одинъ изъ чепырехъ писменныхъ вопросовъ, данныхъ мнѣ по случаю экзамена.....

Надъ коимъ ты витаешь,
Но ясно никому себя не открываешь.

Довольно голову ломашь:

Я рѣчь о Граціи въ осьми строкахъ скончаю,

Я дочерью ее Минервы называю,

Она Анакреонту — мать,

Горація — подруга,

Тибуллова — сужруга,

Назонъ — двоюродный ей братъ,

Гомеръ ей дядя и Виргилій,

Волтеръ ей свать,

А Тредьяковскій нашъ Василій

Для ней любѣйшій шахъ и мать!!

Мслевъ.

Б А С Н И.

4.

Юпитеръ и Немоныри.

О просвѣщеніи Юпитера просили
Немоныри, хощя во тѣмъ щастливо жили:
Смѣясь Юпитеръ шварямъ симъ,
Топчасъ исполнилъ ихъ прошенье:
Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
Сказавъ: Немоныри! вотъ ваше просвѣщенье.

Нахилевъ.

Саксонскій Мужикъ.

Карль Готтфридъ Робертъ Ефраимъ :
 Сѣи бы имена дать можно четверымъ,
 Но шакъ одинъ мужикъ Саксонскій назывался;
 Однажды съ сыномъ и съ женой,
 Въ день праздничный — зимой,
 Онъ басни Геллерта читалъ и восхищался!
 Въ иныхъ онъ басенкахъ смѣялся,
 Въ другихъ же находилъ полезнѣйшій урокъ:
 Женѣ — чтобы имѣть короче язычокъ,
 Ребятамъ — матери, отцу повиноваться,
 А для себя — въ корысть и въ скупость не
 вдаваться.

Вотъ какъ Саксонски мужики
 Воскресны дни проводятъ!
 И, какъ Москаликъ, въ кабаки
 Не ходятъ, —
 Чтобы шамъ буянить, горло драсть,
 Свое здоровье потерять.

Мслевъ.

Пчолка. ()*

Пчолка маленька лѣшала
Со цвѣточка на цвѣпокъ,
И съ жужжаніемъ вбирала
Въ свой желудокъ сладкій сокъ.

Пчолка! ты не осторожна
(Такъ Лизета говоритъ),
Цвѣпъ сосать не всякой должно:
Ядъ въ иныхъ цвѣтахъ сокрытъ.

Это я довольно знаю
(Пчолкинъ Лизѣ былъ отвѣтъ),
Ядъ въ цвѣтахъ я оставляю,
А себѣ — беру лишь медъ.

Мслвчъ.

Воззваніе къ Конямъ одного Коня.

Друзья, товарищи! доколѣ —
Носить вы будете яремъ?
Жить у разбойника въ неволѣ,
И слушаться его во всемъ?

(*) Изъ Глейма.

Не ужь ли будутъ насъ во вѣки
Постыдно угнѣпять жестоки челоуѣки? "
Въ конюшни барской такъ молодой ржалъ бодрой
Конь:

Къ свободѣ лошадей хотѣлъ подвигнуть онъ.
„Забудемъ рабство мы, свободу воспоминаемъ,
Въ дремучіе лѣса, въ пространны степи гря-
немъ,

И тамъ по прежнему, въ блаженной тишинѣ,
Какъ въ вѣкъ златой, пастись однѣ,
И жить, какъ предки наши, будемъ!
Забудемъ хищниковъ, тиранство ихъ забудемъ!
Покажемъ свѣту мы достойнѣйшій примѣръ,
Отъ власти варварской какъ должно освобож-
даемся!

Тогда, конечно, каждый звѣрь
Начнетъ обороняться,
И вольность древню сохраняя,
Почтетъ всей славою почтеннаго Коня:
Явите, лошади! достойными себя!...

Чѣмъ хуже мы людей? — скажите,
Иль можетъ быть мы ихъ слабѣй?
Нѣтъ, мы ихъ въ сошеро сильнѣй. —
Такъ чтожь, товарищи! вы спите?...
Не ужь ли можете спокойно вы смотрѣть,
Какъ васъ съ презрѣніемъ запрягаютъ,
Какъ мучать васъ, и какъ стегаютъ?
Довольно, лошади! нѣтъ, нѣтъ! —
Нѣтъ больше силъ къ терпѣнью!
Свобода! нашъ сигналъ къ сраженію....
Не уже ли еще кричаю я принужденъ,

Что вольность лучше нежелъ лѣнь? —

За дѣло правое пусть льются крови рѣки —

Да здравствуютъ кони и гибнутъ человѣки! —

Симъ кончилъ рѣчь второй сей Цицеронъ,

И съ благородствомъ каждый Конь

Свобода! закричалъ и началъ рвать удила...

Тутъ не могло ничто противиться ихъ силѣ,

Имъ возвращень ихъ вѣкъ злашой,

Блаженство и покой!

*

Злодѣй, въ сей баснѣ — Галль, а лошади суть —

Нѣмцы,

Младой же, бодрой Конь

Германскій Цицеронъ, (*)

Котораго послушались Соземцы.

Мслвчъ.

ЕПИГРАММЫ.

8.

Б о л т у н у.

Великій слышу громъ, Егоръ! изъ твоихъ устъ,

Шумишь какъ барабанъ; но такъ же ты и пусть!

*

(*) Раупакъ. Смотъ: славное его воззваніе къ Германцамъ.

9.

С н о в и д ѣ н і е.

Какую я во снѣ зрѣлъ страшную мечту!
Что будто бы я мерщвъ, зрю въ домѣ суету,
Спенанье, вопль и плачь!
Лишь двое прыгають — ктожъ? — Попъ, да
Врачъ!

— * —

Ю.

Несвѣроятный слухъ.

Что слышу? говорятъ, что разны сочиненья,
Какъ то: рецензію и длинны разсужденья.

Готовяшь для тисненья!

Помилуйте! ужель печатныхъ мало вракъ,
Въ которыхъ продають на площади табакъ.

Нахимовъ.

— II. —

Къ Мѣновщикамъ на столахъ.

Насмѣшники! на что публично, средѣ базара,
Вы перья съ деньгами кладете въ знакъ товара?

Р. С.

Предсказаніе.

(По случаю тѣсной дружбы Р. Пола. . .
съ Нѣмецк: Пасторомъ.)

Съ медвѣдемъ станешь быкъ ходить обнявшись
братски,

И съ ястребомъ начнетъ лобзаться голубокъ,
„Ахъ! здравствуй, кумушка!“ овечкѣ скажешь
волкъ,

Съ улыбкой райскою, безъ прежней злобы адской.
Настанетъ пишина на сушѣ и моряхъ,
Любви возникнешъ храмъ — вездѣ, во всѣхъ
сердцахъ,

И словомъ, скоро къ намъ златый вѣкъ возвра-
тится,

Коль могъ съ Пасторомъ Попъ жить *вмѣстѣ* и
дружиться!

Нахимовъ.

Е П И Т А Ф И И.

13.

Н о в в а н с к о м у.

Прохожій! кончена Новванскаго судьбина:
Проживши шестьдесятъ онъ лѣтъ,
Въ другой переселился свѣтъ;
А здѣсь оставилъ дочь, да сына. (*)

14.

М л а д е н ц у.

Въ могилѣ сей цвѣтами украшенной,
Младенецъ! почивай:
Ты *малостью* швоей спасенной —
Тебѣ награда рай!

Мслочь.

15.

М н ѣ.

Что сдѣлалъ я, какъ въ мѣрѣ жилъ? —
Лѣтъ сорокъ шло бренное влачилъ,

(*) Ежели чинашелямъ не покажется сіе надгробіе, не я вино-
вашъ; а дочь Г. Новванскаго, она просила меня, чшобъ
именно помѣспити, что отецъ ея прожилъ 60 лѣтъ, я
оставилъ дочь и сына.

Прекрасныхъ пятьдесятъ (*) любилъ,
Но ни одной я не былъ милъ!
И умеръ отъ того. Меня въ могилу положила
Отецъ Памфиль.

Г. К.

16.

Описаніе славнаго парика И. И. Р.

Парикъ сей рѣдкой, дорогой,
Имѣетъ вѣсу четверть пуда,
Онъ сдѣланъ хитрою рукой
Изъ нѣжныхъ волосковъ Верблюда;
Запылокъ, брови и виски,
Большой парикъ сей покрываетъ,
Какъ печь, плѣшь въ службу нагрѣваетъ
И жметъ ее такъ, какъ пшеницу.
Придѣланъ къ парику широкій,
Французскій назади пучокъ,
А на срединѣ превысокій
И пышный вѣется *à la coq*.
Но что еще милѣй и краше
Всего, о немъ что молвить вамъ:
Огромны пукли въ три ешажа
Нависнули по сторонамъ!
Къ тому жъ, напередѣ устроены
Послѣдней моды лавержеть:

(*) Вѣрно со справкою моего любовнаго архива.

Онъ удивленія достоинъ!
Симъ кончу парика портретъ.

Нахилмовъ.

Піесы Рускаго Солдата.

17.

Посланіе Марса къ Аполлону.

Въ Олимпѣ мой содругъ почтенной,
Возлюбленной о Зевсѣ братъ!
Сойди съ горы своей священной,
И мнѣ позволъ себя обнять.
Ты богъ наукъ — а я богъ брани,
Ты краснословъ — а я солдатъ,
Въ твоихъ рукахъ перо — а у меня мечъ въ
длани; —
Но не смотря на то, мы всё родня съ тобой.
Хотя ты съ Музами бесѣдуешь спокойно,
Когда я въ ночь не сплю, а днемъ пускаюсь въ
бой;
Но честь тебѣ воздать достойно,
И лавръ твоей — знаешь Зевсъ — не лучше
моего? —

Довольно ужъ того

(И мнѣ не стыдно въ томъ признаться),
Что безъ сыновъ твоихъ не могъ бы я сра-
жаться.

Да къ спашъ! вошь одинъ,
Брадатой Эскулапъ, твой сынъ,

И на квартирахъ и на службѣ
 Всегда, по старой нашей дружбѣ,
 Стараешься мнѣ помогать;
 Однакъ, чтобъ слишкомъ не солгать,
 Признаюсь, многіе какъ Эскулапъ одѣты,
 Но сомнѣваюся, законныиъ всѣ дѣти?
 Оставляя всё — съ тѣхъ поръ, какъ мы, въ по-
 слѣдній разъ,
 Разстались съ тобой, — когда всемогущій гласъ
 Судьбы созвалъ боговъ, чтобъ они въ совѣтѣ
 Рѣшили участь двухъ великихъ царствъ на
 свѣтѣ,
 Кто долженъ пасть иль Россѣ, иль дерзновен-
 ный Галлъ:
 На Руской сторонѣ Юпитеръ первой спалъ
 И Россу громъ ошдалъ.
 Минерва близъ Царя возсѣла на престолѣ,
 Чтобъ нивы утучнить пошла Церера въ поле,
 Нептунъ же общалъ, со стороны своей,
 Бережъ *россійскихъ кораблей*,
 Подрядчикомъ бытъ Бахусъ взялся,
 А ты — пошолъ героевъ пѣтъ,
 Я въ службу къ Рускимъ записался;
 Но знаешь ты и знаешь свѣтъ,
 Что мы давно съ Венерой въ дружбѣ:
 Ей захотѣлось тожъ служишь въ Россійской
 службѣ;
 И такъ, рѣшилася разумножать народъ,
 А послѣ мнѣ моргнула
 И на ушко шепнула,
 Что если Рускіе герои черезъ годъ

Съ побѣдою назадъ здоровы возвращаются,
Красавицы для нихъ десятками рождаются.
Ревнивой и хромой Вулканъ, ея супругъ,
Которой былъ всегда Сармашамъ вѣрный другъ,
Увидя, что они держались Корсиканца,
Оставивши родныхъ, избрали иностранца,
Рѣшился Галламъ помогать; —
Но пробудился вдругъ Сармать,
Воспаль! — геройску вспомнилъ славу,
Отъ коей имена произошли Славянь,
Обнялъ, какъ братьевъ, Россіянь.
Тогда Вулканъ что насъ терпѣть не могъ до-
полѣ,

Намъ стрѣлы сталъ ковать, хотя и по неволѣ.
Но думаешь — что насъ оставилъ Купидонъ?
Нѣтъ, — много помогаль намъ на кварширахъ
онъ!

Юнона гордая, — та спала повисухой;
Цибелла, будучи старухой,
Зарокъ дала молебны пѣть,
Чтобъ Руской могъ успѣхъ имѣть. —
Эрмій курьеромъ подрядился;
Одинъ Плутонъ тогда спыдился,
Что Рускимъ онъ еще ничемъ не услужилъ;
Однакъ подумавши, тряхнулъ сѣдой главою,
Сказаль: не шутяшь вишь съ войною!
И Элисейскія пошире разтворилъ.
Увы! — старикъ нашъ не ошибся
И, кажется, изъ всѣхъ намъ больше прислужился.
Теперь, когда боговъ соборъ
Для службы Россіянь оставили свой дворъ,

Одна безумная, кровавая Беллона
Востала за Наполеона. —

Извѣстенъ всѣмъ конецъ войны,
И многіе твои сыны

Воспѣли гимнъ Царю и храброму народу,
На память вѣчную предбудущему роду.

А мнѣ, признаться въ томъ, войны наскучилъ
громъ:

За моремъ хорошо, а всё милѣе домъ,
И я пришелъ теперь на зимнія квартиры
Твоей послушать сладкой лиры.

Обнимемся, мой братъ! — ты шихъ, сидишь въ
дому,

Но худо безъ тебя мнѣ въ полѣ одному:
Не мужество одно, не мощныя лишь руки
Къ побѣдѣ, болѣе способствуютъ науки.

Мой братъ! — ты въ сей спокойной часъ
Приготовляй къ побѣдамъ насъ ;

Замѣнимъ, между тѣмъ войну, вѣнцы кровавы,
На миршѣ, на любви, на братскія забавы —

Извѣстенъ всѣмъ давно съ Венерой мой союзъ,
Но къ Граціямъ пришли въ компанію и Музы. —

Р. С.

18.

Свиданіе Марса съ Венерою.

Изъ походовъ трудныхъ — дальнихъ

Возвращался богъ войны,

Сердце билось въ героѣ, —

О Венерѣ думалъ онъ:
„Скороль я въ Олимпъ прѣйду? —
Скоро ли увижу ту,
Съ кѣмъ бывало въ часъ покоя
Громъ войны я забывалъ?
(Хоть украдкой отъ Вулкана,
Тѣмъ щастливѣе я былъ!)
Въ дальнихъ я земляхъ походомъ
Былъ и видѣлъ красоты,
Но тѣ красоты земныя,
А то мать любви — красота.“
Такъ Герой въ пути мечтаетъ —
Конь лепитъ подъ нимъ спрѣлой,
Всадникъ бодцемъ подстрекаетъ:
Вотъ прѣхалъ ужъ домой.
Марсъ отъ радости препенетъ,
Съ помятаго вскочилъ коня,
Всходитъ скорыми шагами
На широкое крыльцо;
Онъ въ палату входитъ Зевса,
Гдѣ собраніе боговъ,
И къ престолу Громовержца
Смѣло подступя — отдалъ
Первое почтеніе Зевсу —
По поклону всѣмъ богамъ. —
Ищетъ взорами Венеру:
„Гдѣ богиня красоты?
Гдѣ предметъ моихъ желаній?
Гдѣ утѣхъ и щастья край?“
Тутъ Эрмій съ лукавымъ взглядомъ,
Покачавши головой,

Показалъ ему Венеру. —

Марсъ поспѣшно подскочилъ,

Но — увидѣвши старуху —

Богъ войны осполбенѣлъ,

Ахнулъ громко — ротъ разинулъ —

Три шага ступилъ назадъ. —

Всѣ богини засмѣялись,

Боги начали чихать —

Самъ Юпитерь усмѣхнулся

И герою такъ сказалъ:

„Что съ тобой за перемѣна?

Не ужели средь войны

Трепеталъ ты такъ отъ страха?“ —

„О Юпитерь! пощади

Отъ насмѣшекъ въ часъ ужасной,“

Марсъ, стеная, отвѣчалъ,

„Съ адомъ лучше мнѣ сразиться,

Чѣмъ увидѣть, что теперь. —

То, что было ангелъ свѣта,

Что ты сдѣлалась теперь!“ —

Тутъ Венера, взявшись въ боки,

Подступила, изкривясь:

„Что за дерзость?“ — закричала, —

„Что ты смѣешь говорить? —

Таль награда за утѣхи,

Что со мною ты вкушалъ? —

Еслибъ я и постарѣла,

Развѣ ты помолодѣлъ?“ —

— „О Венера! (если можно

Такъ тебя еще назвать)

Я вишь воинъ — я мужчина:

Какъ же можно укорять,
Что бѣлизны и румянца
Нѣтъ на Марсовомъ лицѣ? —
Еслибъ мудрая Минерва
Похудѣла отъ трудовъ,
Еслибъ добрая Церера
Загорѣла отъ жаровъ,
Еслибъ гордая Юнона,
Презря красоту лица,
Въ чувствахъ царскихъ и высокихъ
Находила красоты:
Мудрость — пользу почитая,
Я колѣнабъ преклонилъ,
И любви утратя сладость,
Меньше бы несчастливъ былъ.
У тебя-жъ, скажи безстрастно,
Что осталось теперь? —
— „Ахъ, злодѣй! — тебѣль шакъ смѣло
Предо мною говорить? —
Боги! — знаете вы сами —
Какъ обидѣль онъ меня:
Въ часъ, когда судьба велѣла
Марсу Россовъ защищать,
Сей измѣнникъ — ночью смѣло,
Даже Грацій не спросясь,
Въ перемъ мой пришелъ шихонько: —
(Я въ слезахъ тогда была)
Тихимъ шагомъ и печальнымъ
Онъ подходитъ ко одру, —
Голосомъ умильнымъ, страстнымъ,
Онъ прощается со мной. —

II,
П Р О З А.

20.

Ужаленіе пчелы
и л и
первой поцѣлуй.
(Съ Нѣмецкаго.)

Осѣняемый жасминовою бесѣдкою и окруженный благовоніемъ цвѣтовъ оной, сидѣлъ я нѣкогда между Аманшою и Филлидою. Мы радовались веснѣ, и глаза наши насыщались прелестями цвѣтущей юности. Вдругъ пчелка въ легкомъ полетѣ зажузжала около кудрей Филиды, и ахъ! паспущка была ужалена прежде, нежели могла осмотрѣться.

„О бровь моя! вскричала она: милая подруга! о какъ больно! будто опъ пысячи уязвленій. Ахъ! уже пухнеетъ бровь моя. Какою же буду я казаться!“....

„Не воздыхай, сказала Аманпа, и оперла слезы на щекахъ ея; смотри! уязвленіе легко; бѣдное насѣкомое жалишь по невинности своей, не вѣдая что такъ много вредить.

Вотъ я вынула уже ядовитое жало, а помощію волшебной силы чарованія, немногими таинственными приговорками, мгновенно упишу боль твою. Знай: одна Нимфа научила меня таинству сему, и я, въ благодарность за то, жертвую ей каждую весну корзиною наилучшихъ и любимѣйшихъ цвѣтовъ моихъ.“

Нѣжно прикоснулась она розовыми устами до брови дѣвицы Филлиды; потомъ съ важностію прошептала невнятную чаровательную приговорку, и, чудо изъ чудесъ! — силою ли волшебнаго шептанія или дѣйствіемъ прекрасныхъ, плѣнительныхъ губъ — короче сказать, мученіе пашушки окончилось мгновенно. — Радость и сладостное упоеніе опять окружили чело любезнѣйшей невинности. —

Что я чувствовалъ тогда? — Въ безмолвномъ испуленіи пияясь любовнымъ пламенемъ, давно уже пославлялъ я все счастье мое насыщаться прекраснымъ взоромъ Аманты и слышать пріятный голосъ ея, раздающійся подобно звуку тихо журчащаго ручья; но теперь страсти мои заговорили смѣлѣе, возбудилось желаніе, никогда еще неощущаемое. „Прекрасныя губы! говорилъ я самъ себѣ, о

розы! о румянецъ! о если бы беспре-
шанно увиваясь около нихъ прильнушь
къ нимъ навсегда и сокровенно вдыхаешь
сладость любви. — Ахъ! кто бы не оп-
далъ за такую цѣну прекраснаго Мая
жизни своей!“

Любовь богата хитростями, а въ пы-
лу страстей даже и самой робкой чело-
вѣкъ дѣлается смѣлымъ. Я не долго вы-
мышлялъ, и невинной обманъ былъ уже го-
шовъ.

„О губы мои! возопилъ я, какое ад-
ское мученіе! онѣ горятъ, горятъ несно-
снымъ пламенемъ! о проклятое насѣко-
мое! Уже весь ротъ пухнетъ! — ахъ
Аманта! — Но ты не проспишь мнѣ сего,
ты по дѣвичей спыдливости поспѣшь убѣ-
жишь, лишь только ты услышишь. — О
проклятое насѣкомое! какая же нестер-
пимая боль! мои губы горятъ, горятъ у-
жаснымъ пламенемъ! — Милая паспушка!
не осердись: я долженъ, долженъ про-
сись, ибо кто не любитъ жизни своей?
Скажи, не помогаетъ ли это легкое сред-
ство доброй Нимфы также и юно-
шамъ? — А ежели оное можешь пособить,
то спаси, милая! отъ боли моей, ахъ! мо-
жешь быть отъ смерти, меня. У ногъ

пвоихъ молю о милосердіи: не пожер-
пвуй мечтательной спыдливости жизнию
моею.“ —

Дѣвица усмѣхнулась: робко смопрѣла
она по на Филлиду, по на просителя, ко-
торой уже съ полною надеждою, прижи-
мая губы свои къ лебединой рукѣ ея, ощу-
щаль предвкушеніе изцѣленія.

„При случаѣ,
говорила она покраснѣвшись, Нифма уча
меня сказывала, при случаѣ можешь ты
и юношу изцѣлишь опѣ пчелинаго жала;
но шолько бы юноша сей былъ такой, ко-
торой никогда еще не забавлялся въ су-
мерки съ пастушкою, такой юноша, ко-
торой бы не всюду болпалъ о подаркахъ,
даваемыхъ богинями дѣвушкамъ; да и по
немногихъ юношей, ахъ! одного шолько,
если можно, должна ты изцѣлишь. Но
и сему одному должна ты рѣдко и въ
спайнѣ благодѣшельствовашъ чаровашель-
нымъ вспомошествованіемъ швоимъ. При-
манчивость и сила его исчезающъ, когда
многіе воспользуются онымъ!“

За симъ съ ангельскою пріятностію
дѣвушка наклонилась ко мнѣ. — Боги! ча-
ялъ ли я, чшобы невинной обманъ, чшобы
пылкая въ испупленіи ошущенная мину-

ша могла навсегда похитить весь покой сердца моего? — Каково было мнѣ при сей райской мечтѣ, когда она съ нѣжно-стію прикоснулась ко мнѣ, уста прижались къ устамъ? — О! сего никакой языкъ никогда не выразишь! Она шептала чаровашельную приговорку, которая потрясшись въ груди ея исходила воздыханіемъ; — но ахъ! чѣмъ болѣе роса любви опъ ея поцѣлуя проникала въ душу мою, тѣмъ неуполимѣе было желаніе мое.

„Не уже ли еще болишь?“ —

„О дѣвица! швое чудодѣйство велико! Когда губы швои прильнуны къ моимъ, тогда изцѣленіе разливаеця по всему составу моему; когда же оныя опнимешь опъ моихъ, ахъ! тогда боль опяшь возвращается.“ — Проспакъ я, выпросиль у дѣвушки еще при поцѣлуя и при шептанія! Аманта! шы меня удивительно перемѣнила! Только опъ пчелинаго уязвленія хопѣла шы изцѣлить меня, ахъ! и поцѣлуями швоими жестоко произвела глубокую рану въ серцѣ моемъ.

И. Мѣѣ.

О обычаяхъ.

Люди придерживаются своихъ обычаевъ болѣе нежели нравовъ, болѣе нежели законовъ, и часто болѣе нежели вѣры своей.

Обычаи народа составляютъ часть его нравовъ, съ тѣмъ за всегда различіемъ, что нравы сопряжены съ главными правилами, всѣмъ извѣстными и уважаемыми, и не иначе могутъ измѣниться, какъ развѣ народъ сдѣлается лучшимъ или худшимъ. Напротивъ того перемѣна въ обыкновеніяхъ, которыя всегда бывають мѣстныя и коихъ происхожденіе часто бываетъ неизвѣстно или удерживается только по народнымъ преданіямъ, можетъ ни малаго не имѣть участія въ судьбѣ того же самаго народа, и никакой не дѣлаетъ перемѣны въ его благосостояніи.

Пусть зарываютъ мертвыхъ, какъ нынѣ, или пусть сжигаютъ ихъ, какъ прежде: это такіе обычаи, перемѣна коихъ мало окажетъ вліянія на судьбу народа, который позволилъ себѣ оную; но самый сей народъ упадаетъ и развра-

щается, когда перестанетъ уважать гробницы.

Пусть ѣдятъ лежа на кровати, какъ древніе, или сидя на стулѣ, какъ наши современники: это также равно, какъ для здоровья, такъ и для нравственности; но привычка къ пресыщенію и пьянству равномѣрно противна добрымъ нравамъ и здоровью.

Если какой нибудь обычай древень, хорошо обдуманъ и повсюду успановлень, то никакъ нельзя оставить его, не бывъ подверженнымъ прослыть за Циника или за челоѡѡка чужестраннаго въ собственной своей отчизнѣ. Таковы, напр. обыкновенія носить прауръ по усопшимъ, благодарить пѣхъ, кои насъ одоужаютъ, привѣтствовать друзей, посылать взаимныя поздравленія съ наступленіемъ новаго года и не говорить грубо съ родителями и старшими.

Неблагоразумно даже опровергать слишкомъ открыто скоропреходящія успановленія моды. Живучи въ свѣтѣ, должно жить, одѣваться и говорить какъ и всѣ прочіе. „Мудрый, говоритъ Фоншенель по-позволяетъ себя одѣвать своему портному.“ Одѣваясь по Армянски посреди Пари-

жа, Ж. Ж. Руссо хотѣлъ сдѣлаться замѣ-
тнымъ, и успѣлъ только въ томъ, что
все надъ нимъ смѣялись.

Многіе подобно Ж. Ж. Руссо думали
отличиться, пренебрегая общепринятыя
обыкновенія, или пропиваясь общимъ мнѣ-
ніемъ. Сего рода мятежничество можетъ
имѣть успѣхъ, когда оно выдерживается
съ великимъ разумомъ. Въ противномъ
случаѣ оно извлекаетъ улыбку сожалѣнія,
возбудивъ напередъ минувшее удивленіе.

„Иной, говоритъ Дюкло, признает-
ся за дурака потому только, что хо-
тѣлъ утверждать противное. Никогда не
мстятъ въ половину, бывъ обмануты
его увѣреніями.“ Но уважая обычаи своей
земли, не должно думать, что обычаи
другой земли смѣшны или достойны пре-
зрѣнія. Умѣренность въ такомъ случаѣ
есть первая ступень уваженія общес-
веннаго.

„Если кто нибудь думаетъ, гово-
ритъ еще Фонтенель, что нельзя ни
одѣваться, ни привѣтствовать, ни го-
ворить иначе, какъ по модѣ его отчизны;
то мой совѣтъ, чтобы онъ путеше-
ствовалъ.“

Прежде Французской народъ былъ изъ всѣхъ народовъ самой ропотѣйливой и насмѣшливой, попому что онъ менѣе другихъ путешествовалъ. Его обычаи казались ему одни доспойными похвалы, одни, которыми можно превозноситься.

Въ семъ случаѣ Греки не лучше Французовъ разсуждали. Все, что было не по Гречески, казалось имъ варварскимъ.

Съ одной спороны суетность, а съ другой невѣжество, дѣлають насъ несправедливыми и злыми порицателями: чловѣкъ наилучше воспитанный есть также и самый снисходительный.

Когда всѣ дѣла управлялись острѣемъ меча, тогда оскорбленная честь алкала крови, и за нее сражались. Сей обычай былъ варварской, но должно было сообразоваться съ онымъ.

Нынѣ дѣла рѣшашся острою ума, другъ друга подсмѣивають; и сей обычай забавнѣе, но не вездѣ терпимъ.

Когда обѣдывали въ два часа, то ужинали въдесять. Вечеринки были тогда пріятнѣйшею вещію въ свѣтѣ. Сей обычай былъ самой Французской.

Съ того времени, какъ начали обѣдать въ шесть часовъ, перестали ужина-

нашь и смѣяться: но веселоспѣ возвращаются съ ужинами.

Есть обыкновенія, кои перяются во мракъ времени и коихъ произхожденіе и причину напрасно было бы изыскивать. Таковъ есть обычай привѣтствовать снятіемъ шляпы. Какое отношеніе между почтеніемъ и не покрывною головою? Восточные народы въ подобномъ случаѣ довольствуются положеніемъ руки на чело.

Есть и другіе, кои кажутся бытъ отринуты здравымъ смысломъ: таковъ есть обычай давать преимущество правой рукѣ предъ лѣвою. Кромѣ того, что обѣ руки равномѣрно намъ даны природою, справедливо еще и то, что мы щееаемъ нѣчто, не употребляя оныхъ безразлично: ибо та рука, которая меньше служилъ, становится лѣнливѣе и слабѣе.

Есть еще обыкновенія, которыя съ перваго взгляду кажутся намъ странными, несправедливыми и пиранническими; но коихъ мудрость легко познается по разсудительнѣйшемъ изслѣдованіи и когда мы принимаемъ трудъ изыскать произхожденіе оныхъ во нравахъ того времени, въ какое они установлены.

Таковъ, между прочими, обычай, за-
спавляющій мужа бывъ отвѣтчикомъ и
жертвою худаго поведенія своей жены.
Сей обычай, бывшій причиною толковыхъ
жалобъ въ судилищахъ, толкаго числа
дурныхъ шутокъ въ зрѣлищахъ и тол-
ковыхъ злословій въ обществѣ, не есть
предразсудокъ, какъ о томъ говорятъ;
это послѣдствіе, произходящее вмѣстѣ
отъ силы естественной, которою При-
рода одарила мужчину для защищенія и
покровительства противу внѣшнихъ на-
паденій соупутницы его жизни и матери-
дѣтей его; и отъ силы нравственной, како-
вою гражданскіе законы уполномочивають
главу семейства управлять своимъ до-
момъ, удерживать жену въ нѣдрахъ своего
семейства и осерегать ее отъ опасно-
сти, могущей произойти отъ собствен-
ной ея слабости, такъ какъ и отъ сѣ-
шей, разспавляемыхъ для нее щесла-
віемъ, жеманствомъ, праздностію и ху-
дымъ примѣромъ; научать ее находить
сладостнѣйшія удовольствія въ исполне-
ніи своихъ обязанностей. Мужъ, не радя-
щій о женѣ своей, легко можетъ лишиться
оной. Сія потеря навлекаетъ ему без-

честіе, а сіе безчестіе есть праведное наказаніе за его нерадивость.

Въ Драммѣ *Нанина*, Баронша говоришь Графу Ольбану:

„Топъ глупъ, кто надъ обычаемъ смѣется. —

Графъ отвѣчаетъ ей брюзгливо:

— „Для мудрыхъ никакой обычай не ведется.“ —

Конечно сей отвѣтъ не разуменъ, но Вольперъ, будучи ревностнымъ сподобникомъ системы, предполагавшей переплавить все старинное общество, никогда не принималъ на себя труда изслѣдованъ съ важностію послѣдствій предпріятія, которое увлекало его, со многими другими, къ разрушенію всѣхъ обычаевъ.

Ничто такъ не соблазнительно въ книгахъ, какъ картина золотого вѣка, какой нѣкоторые Экономико-Политическіе писатели хотѣли возвратить на землю. Извѣстно, чего намъ стоило желаніе привести въ событіе мечты ихъ воображенія. Мы чрезъ печальный опытъ увѣрились въ опасности ихъ правилъ касательственно щещности чиновъ, равенства, раздѣла земель, равновѣсія могущества и

пр... Нельзя болѣе обмануть насъ въ семъ случаѣ и не позволимъ испытывать.

Баронша не безъ причины призвала въ помощь обычай противъ неравнаго брака, могущаго обезславить Графа, не доставивъ ему того блаженства, котораго онъ искалъ въ ономъ. Неравные браки рѣдко доставляли щастливья супружества, и шѣ, кои для оправданія оныхъ говорили, что благородство души гораздо лучше знашнаго произхожденія, сдѣлали ложное употребленіе изъ древней и всѣми признанной истинны.

Спирасъ, приводившая въ заблужденіе Графа, извиняетъ его опшвѣшъ, но не оправдываетъ онаго. Мудрый не презираетъ ни въ какомъ случаѣ обычаевъ, установленныхъ въ его опчизнѣ, утвержденныхъ временемъ, и еще того менѣе, когда оныя одобрены здравымъ разсудкомъ.

Обычаи, моды и обряды суть законы общества, опъ знанія коихъ никакъ нельзя опрекашья, живучи въ обществѣ. Честной человекъ не можетъ быть рабомъ оныхъ, но и того менѣе, ихъ противникомъ и порицателемъ.

„Должно повиноваться правиламъ обыкновеній, говоришь Монтанъ, но не подчиняешься онымъ, если они не суть пользы, обязанность и служеніе коимъ суть полезны. Жизнь общественная посвящена обрядамъ; моя, скрытая и частная, наслаждается всею свободою, дарованною намъ отъ Природы.“

22.

В ъ с т о в щ и к и.

(Изъ Монтескьё) ()*

Есть народъ, называемый *Вѣсто-вщиками*; при всей своей праздности, они всегда заняты, и будучи вовсе бесполезны для Государства, считаютъ себя однакожъ весьма для него полезными, потому что болтаютъ о важныхъ предприятияхъ и разсуждаютъ о великихъ выгодахъ онаго. Основаніемъ ихъ разговору служитъ пустое и смѣха достойное любопытство. Не существуетъ такого таинственнаго кабинета, въ который бы они

(*) Здѣсь изображеніе сіе нѣсколько сокращено.

не думали проникнуть; они никакъ не согласяшся не знать о чемъ нибудь. Коль скоро вычерпають все насоящее, то принимаются за будущее, и дѣлаясь какъ бы предпечами Провидѣнія, возвѣщаютъ напередъ все дѣянія человѣческія; ведутъ за руку какого нибудь Полководца, и разхваливъ его за тысячу глупостей, которыхъ онъ не дѣлалъ, готовятъ ему тысячу другихъ, которыхъ онъ никогда не сдѣлаешь. У нихъ войска летаютъ, какъ журавли, а крѣпостныя стѣны падаютъ, какъ будто каршочные домики; у нихъ есть мосты на всѣхъ рѣкахъ, пошпенные ходы на всѣхъ горахъ и неизчерпаемые магазейны на непроходимыхъ пещерахъ: у нихъ нивъ чемъ нѣтъ недостатка, кромѣ здраваго смысла.

23.

П р а з д н о л ю б ц ы.

(Изъ Монтескьё.)

Говорятъ, что человѣкъ есть животное, любящее общежитіе. Принимая въ сень смыслъ, мнѣ кажется, что Фран-

цую есть болѣе челоуѣкъ, нежели всякой другой: это челоуѣкъ по превосходству, ибо онъ какъ будто бы единственно созданъ для общества.

Но я примѣтилъ между ними людей, которые не только общежительны, но сами собою составляютъ повсемѣстное общество. Они размножаются по всѣмъ угламъ и населяютъ въ одну минуту всѣ четыре части города: сто челоуѣкъ сей породы гораздо замѣнлѣе, нежели двѣ тысячи гражданъ; въ глазахъ чужестранцевъ они могли бы замѣнить опустошенія, причиненныя моровою язвою или голодомъ.

Въ школахъ предлагается вопросъ: можетъ ли одно и тоже шѣло находиться въ одно и тоже время на многихъ мѣстахъ? — Они служатъ доказательствомъ тому, о чемъ Философы вопрошаютъ.

Они находясь въ безпрестанномъ занятіи, потому что приняли на себя важное дѣло спрашивать всѣхъ, кого видятъ: куда идете? и откуда идете?

Никогда бы ихъ не разувѣрилъ въ томъ, что благоприспособленность требуетъ посѣщать ежедневно всю публику по частямъ, не считая уже тѣхъ посѣщеній,

которыя дѣлають они *вообще*, въ тѣхъ мѣстахъ, куда люди сходятся но какъ дорога къ шаковымъ мѣстамъ весьма коротка, то сіи посѣщенія считаются за ничто въ правилахъ ихъ церемоніала.

Они болѣе упоминають вѣрова всѣхъ домовъ своимъ сплукомъ, нежели вѣпры и непогоды. Если бы пересмотрѣть записную книгу всѣхъ приворотниковъ, то каждой день можно бы найши имена ихъ, искаженные въ тысячи видахъ швейцарскимъ писаньемъ. Они влачатъ жизнь свою, или провожая погребашельныя шествія, или выражая свое состраданіе, или поздравляя со свадьбою. Король никогда не дастъ награжденія кому либо изъ своихъ подданныхъ, безъ того, чпобъ они не наняли карепы и не ѣхали изъявлять радость свою о томъ; наконецъ они возвращаются домой въ крайнемъ изнеможеніи, и опдыхаютъ, дабы на завтра снова приняться за многотрудные свои подвиги.

Одинъ изъ нихъ умеръ недавно отъ усталости, и на гробъ его написали слѣдующую эпитафію:

„Здѣсь покоится тотъ, кто никогда не
„успокоивался: онъ проводилъ 530 похоро-
„нъ, радовался о рожденіи 2680 мла-

денцевъ; пенсіи, съ которыми онъ по-
здравлялъ друзей своихъ, и всегда въ ра-
зныхъ выраженіяхъ, проспирающся до
2,600,000 ливровъ; дорога, пройденная
имъ по мостовой, до 9600 стадій, а по
полю — до 36. Разговоры его были весь-
ма занимательны: онъ помнилъ наизусть
по вѣрному счету 365 анекдотовъ; къ
тому же совершенно зналъ еще съ ма-
лыхъ лѣтъ 118 апсоегмъ, взятыхъ изъ
древности, и употреблялъ ихъ при оп-
личныхъ случаяхъ; наконецъ онъ умеръ
на 60 году своей жизни. Прохожій! я
молчу; ибо какъ могъ бы я пересказать
тебѣ все, что онъ дѣлалъ и что ви-
дѣлъ?“ —

24.

Журналы и Журналисты.

(Изъ Монтескьё.)

Письмо Персіяннина къ своему другу изъ
Парижа.

„Есть нѣкотораго рода книги, коихъ
не знаюшъ у насъ въ Персіи, и которыя,
мнѣ кажется, здѣсь въ великой модѣ: онѣ

называются Журналами. Для лѣнноти весьма лестно читать ихъ: ей успѣшно по, что она можетъ въ четверть часа пересмотрѣть до тридцати книгъ разнаго содержанія.

Въ большей части книгъ Сочинитель не досказалъ еще обыкновеннаго предувѣдомленія, какъ уже читатели находясь при послѣднемъ издыханіи; онъ вводитъ ихъ полумертвыхъ въ содержаніе книги, заплечное въ море словъ. — Одинъ хочеть содѣлаться безсмертнымъ, написавъ книгу въ 12 долю; другой своею въ 4 долю; претій, имѣя самыя лучшія намѣренія, берется написать въ листъ: и такъ должно, чтобы онъ разпространилъ свой предметъ соразмѣрно величинѣ книги, что онъ дѣлаетъ безъ всякой жалости, считая за ничто спрдація бѣднаго читателя, которой мучитъ себя, спараясь по сокращить, что сочинитель съ толикимъ трудомъ спарался распротранить.

Не знаю, что хорошаго находятъ писать подобныя сочиненія: я могъ бы сполько же ихъ насротчить, естли бы захотѣлъ распротранить свое здоровье и разорить книгопродавца.

Журналисты очень худо дѣлають, что говорятъ о новыхъ только книгахъ, какъ будто истина можетъ быть нова. Мнѣ кажется, что человѣку нѣтъ никакой нужды предпочитать старымъ книгамъ новыя, пока не прочтетъ всѣхъ первыхъ.

Но налагая на себя законъ говорить о сочиненіяхъ нововыпечатанныхъ, они налагають на себя еще другой, именно тотъ, чтобъ быть весьма скучными. Они не берутся крипиковать ихъ книгъ, изъ которыхъ дѣлають извлеченія, какъ бы ни сильна была ихъ на то причина; въ самомъ дѣлѣ, найдется ли такой смѣльчакъ, чтобы согласился дѣлать себѣ каждой мѣсяцъ по десятку или по дюжину непріятелей?

Большая часть сочинителей похожи на стихотворцевъ, которые могутъ вытерпѣть стучу палочныхъ ударовъ не жалуюсь; но столь мало заботясь о своихъ плечахъ, бывають толико ревностны къ своимъ твореніямъ, что не могутъ вытерпѣть самой малѣйшей кридики. Надобно крѣпко беречься, чтобъ не зацѣпить ихъ за толь чувствительную струну, и Журналисты твердо сіе помнятъ. По се-

му они дѣлають совсѣмъ напротивъ: сперва начинаютъ они хвалишь содержаніе сочиненія, — первая *слабость*; опшуда переходящъ они къ похваламъ сочинителя — похваламъ принужденнымъ: ибо они имѣють дѣло съ людьми, гошовыми за себя спрого всшупишься и поразить ударами перьевъ дерзновеннаго Журналиста.

О. Соловь.

III.
С М Ъ С Ъ:

I.

Пѣсня Американская.

Прійди ко мнѣ, любезна *Зара!*
И не сердися на меня,
Утѣшь ты вѣрнаго *Навара,*
Который дышетъ для тебя!

Напрасно, *Зара!* убѣгаешь
Отъ быстрой съ крыльями любви,
Напрасно ты сокрыться чаешь
Отъ видящей во тѣмѣ совы.

Ни рѣки, ни лѣса, ни горы,
Мой быстрый бѣгъ не пресѣкутъ,
Вездѣ мои проникнуть взоры,
Вездѣ открытъ мнѣ будетъ путь.

Я взлѣзу на древа высоки,
Я рѣки преплыву глубоки,
Я оборву съ кустовъ листы,
Лишь бы увидѣшь мнѣ, гдѣ ты!

Уже на землю ночь нисходишь,
И свѣтъ очей моихъ приходишь,
Уже сближаются уста:
Будь вѣкъ такая темноша!

Мслвчъ.

2.

Двойные Акrostихи.

1.

Могу ли не любить тебя всечасно зрЯ — — —
Ахъ! выше силъ моихъ молчать — скрываться въ спрaстИ,
Рѣши судьбу мою! — чего мнѣ ждaть пeчeРь? — — —
Иль жизнь съ любовью? — смерть, послѣдствіе отказа? —
Я жду: скажи скорѣй!! — пишaшь хочy къ другИМъ.

2.

На шoль тебя узналъ, чшoбы oтдaться въ плѣНъ?
Ахъ! — сильной спрaстію горю — чзa ужъ двa,
Другихъ оставилъ я; — исполнить чшoбъ oбрядъ —
Я долженъ же спрoсИшь: — щaстливымъ будуль Я?

3.

СпрoсИшь oсмѣлюсь коль — спрoсИшь хочy тебЯ;
О чемъ? — рѣшишь презлой судьбы моей нaпaсИ:
Философъ я, чудасть, монахъ, но не ТаршюФъ,
И такъ спрoшу: — мы любимъ ли другъ друга спрaстИo?
Я — нѣтъ, и не любилъ; а ты? — мы квИшь... смѣюСь!

4.

Люблю! — люблю! — какъ никого я не любИлъ,
И постоянно все люблю тебя — прИ.... днИ!
За чемъ спрaдaю такъ я въ жизни первый разъ?
Ахъ! бѣшаъ со двора мѣшаeшь мнѣ погoдa!

5 и послѣдній.

Послушникомъ я былъ, густа была брада!
Амуръ поддекопалъ... спасенію шабашъ!
Штандартъ любви блеснулъ, иду служить сюда!
Ахъ! вѣчноль буду я носить любви цѣпь!

Г. Квитка.

3.

На прозьбу написать лѣсню на снурокъ.

Слышалъ я, что ты всѣхъ просишь,
На снурокъ чтобъ написать;
Но снурковъ ты много носишь,
Я незнаю, какъ начать.

Коль снурокъ ты получаешь
Отъ невинныя красы,
Отъ которой ты спрадаешь:
Вздерни ты его въ часы.

Отъ старухи коль снурочикъ
Получилъ, любезной мой!
Завяжи имъ воропочикъ
И платкомъ его закрой.

Если отъ купчихи шучной
Есть снурочикъ: всѣмъ кажи;

Въ знакъ любви благополучной,
Въ тросточку снурокъ вяжи.

Естьлижъ ты прельстиль Кокешку,
И отъ ней имѣешь снуръ:
Изъ снурочка сдѣлай сѣтку,
Чтобъ увязнулъ въ ней Амуръ!

Коль отъ вздоховъ нѣтъ награды:
Презри мира суеши,
Прекрати снуркомъ досады,
На любомъ повѣсься ты!

С . . . М нѣ

4.

Аминтъ.

Гдѣ журчалъ ручей серебристый
И цвѣточки напоялъ,
Гдѣ высокій дубъ вѣтвистый
Громъ и бури презиралъ:

Тамъ Аминтъ, пастухъ лѣбезный,
Пригорюнивши сидитъ;
Проливаетъ токи слезны,
Что пастушка не глядитъ.

Изломалъ свою свирѣлку,
Съ грусти цѣлый день не ѣлъ....
Люди часто за бездѣлку
Плачуть — ихъ такой удѣлъ!

Мслвчъ.

5.

Х а н д р а.

Скажи мнѣ, отъ чего такъ сильно ты грустишь?
Въ кругу семьи своей, повѣся носъ, сидишь;
На всѣхъ ты сердишься: за что? — и самъ не-
знаешь,

Съ утра до вечера ты въ карты лишь гадаешь:
Съ шерпѣнья выведешь, всѣхъ сгонишь со двора —
Ну, что же ты молчишь? — *Хандра*, мой другъ!

Хандра.

Чтожъ это за Хандра? меня ты вразуми
И дружеской совѣтъ, пожалуста, прими:
Взгляни ты на жену, на тещу, на сыночка,
Кто знаетъ? — можешь быть, еще родится
дочка:

Все должно веселить — и Катинька сестра.
Охъ! вижу, признаюсь: — *Хандра*, мой другъ!

Хандра.

Да растолкуй же мнѣ, какая сатана
Вселилася въ тебя? или болѣзнь она? —
Давно ли на Руси? — отъ куда къ намъ яви-
лась?

Съ Еленыль, съ Ельбыли, и гдѣ она родилась?
Скажи! такъ по шеямъ прогнать ее пора.
Не знаю ничего — а знаю, что Хандра!

Какой же ты дуракъ со всей твоей Хандрой!
Коль такъ она мила, такъ храмы ей построй;
Когда не хочешь внять ни дружбѣ, ни разсудку,
Не мучь же всѣхъ собой: возьми ты въ руки
дудку,

Броди ты по лѣсамъ отъ утра до утра,
Свисти и воспѣвай, Хандраловна, Хандра!

С.

6.

К ъ . . .

Дай ростъ тебѣ... имой, по больше,
Не такъ квадратенъ станъ — потоньше,
Дай раза въ три лице бѣлѣй,
Свѣжѣй,
Круглѣй,
Милѣй —

Дай вдвое меньше губы
И поровнѣ зубы,
Дай наконецъ не такъ искривленъ носъ,
И лѣвой глазъ чшобъ не былъ косъ:
Тогда и ты... — судя не строго,
Моглабъ занять не много. —

7.

Къ С.

Чтобъ удивить, Рафаиль! свѣтъ,
Спиши ты съ С. портретъ.

8.

Къ портрету Оберъ-Обдиралова.

Съ лица никакъ нельзя имѣть догадки,
Какъ мастерски бережъ онъ взяжки.

9.

Въ Альбомъ

О. Б. Р.

Чтобы испортилъ первый листъ
Въ Альбомѣ вашемъ Журналистъ
Вы эаго желали.

Прекрасный вашъ Альбомъ на шомъ конецъ при-
слали!

Но что же онъ напишетъ въ нёмъ? —
Въ Альбомъ потребно больше лести,

Я съ нею вовсе незнакомъ;

А истинъ написать гешовъ я вамъ, хоть двѣсти.

Извольте слушать вошь онѣ:

Что вы умны — въ шомъ нѣтъ сомнѣнья,

Что вы скромны — шо знаютъ всѣ. —

А по сему знакъ удивленья

Поставлю я на сторонѣ!

Прибавя къ удивленью плочку
Окончу шѣмъ послѣднюю строчку.

Мслвчъ.

Ю.

Къ Сосѣду.

Ну что любезный мой сосѣдъ,
Какъ кажется тебѣ мой медъ? —
Вчера съ тобой мы погуляли,
Безъ церемоній, безъ чиновъ,
И только лишь вчера узнали:
Межъ нами можетъ быть любовь!

*

Вчера я очень весель былъ,
Себя и цѣлый свѣтъ забылъ,
Забылъ мою я даже *трубку*!
Не знаю какъ я съ головой?
Вчера соорили мы шутку
Не скоро намъ дождашь другой!

*

Мы здѣсь тогда лишь и живемъ,
Когда смѣемся и поемъ!
Вотъ только жизни наслаждение —
А остальное вздоръ и пыль.
Кому день каждый *Воскресенье*,
Такъ можешь потъ сказать, я жилъ!

Мслвчъ.

Оглавленіе IIй части.

	Стр.
1. Ушайда (Поема) - -	3
2. Интересь (Сатира) - -	9
3. Ода на миръ Европы, превра- щенная въ баснь - -	18
4. Проповѣдь и Басня (баснь) -	25
5. Голубъ и Воронъ - -	26
6. Волкъ въ паспущьемъ нарядѣ -	27
7. Наполеоновы Шахматы - -	29
8. Рифмачъ и Смерть - -	30
9. Панегиристу А.... Н... (эпиграмма)	32
10. Она - - -	—
11. Перемѣна плащья - - -	—
12. Крешу - - -	33
13. Рай - - -	—
14. Кучеру (эпиграфія) - - -	34
15. Педанту Силъ - - -	—
16. Турецкому Султану - - -	—
17. Пасуху Гончаренку - - -	35
18. Климу - - -	—
19. Изъясненіе въ любви одного при- казнаго - - -	—
20 Письмо изъ Европы - - -	38

21.	Пѣсня Лапландская	-	-	56
22.	Экспромтъ Е. В. К—вой	-	-	57
23.	Къ Вертеру	-	-	58
24.	Въ Альбомъ	-	-	54
25.	Акроспихъ	-	-	—
26.	Надгробіе философа Демокрита	-	-	—
27.	Пѣсня Надовесская	-	-	60
28.	Упреки ума — сердцу	-	-	—
29.	Рецептъ	-	-	61
30.	Г. Квишкѣ	-	-	62
31.	Каламбуръ	-	-	64
32.	Упаида (вторая пѣснь)	-	-	67
33.	Ода С.	-	-	75
34.	О Граціи	-	-	77
35.	Юпишерь и Непопыри (баснь)	-	-	78
36.	Саксонскій Мужикъ	-	-	79
37.	Пчолка	-	-	80
38.	Воззваніе къ Конямъ одного Коня	-	-	—
39.	Болшуну (эпиграмма)	-	-	82
40.	Сновидѣніе	-	-	83
41.	Невѣроятный слухъ	-	-	—
42.	Къ мѣновщикамъ на споллахъ	-	-	—
43.	Предсказаніе	-	-	84
44.	Новванскому (эпиграфия)	-	-	85

45.	Младенцу	-	-	-	85
46.	Мнѣ	-	-	-	—
47.	Описаніе славнаго парика И. И. Р.				86
	Піесы Рускаго Солдаша:	-	-	-	87
48.	I. Посланіе Марса къ Аполлону				—
49.	II. Свиданіе Марса съ Венерою				90
50.	III. Разговоръ пріѣзжаго съ жи- пелемъ	-	-	-	95

51.	Ужаленіе пчелы или первой по- цѣлуй	-	-	-	96
52.	О обычаяхъ	-	-	-	101
53.	Вѣстовщики	-	-	-	109
54.	Празднолюбцы	-	-	-	110
55.	Журналы и Журналисты	-	-	-	113

С м ѣ с ѣ.

56.	Пѣсня Американская	-	-	-	117
57.	Двойные Акросихи	-	-	-	118
58.	На прозьбу написать пѣсню на снурокъ	-	-	-	119
59.	Аминь	-	-	-	120
60.	Хандра	-	-	-	121
61.	Къ . . .	-	-	-	122
62.	Къ С.	-	-	-	123
63.	Къ портрету Оберъ-Обдиралова				—
64.	Въ Альбомъ	-	-	-	—
65.	Къ Сосѣду	-	-	-	124

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЪ

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Васи́лемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.

И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -
Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

Ай, ай,

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Тепелъ, да холоденъ!

ХАРЬКОВЪ,

Въ Университетской Типографіи,

1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харь-
ковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ
основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочи-
неніе Профессора Ивана Срезневскаго, печата-
ть оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напеча-
таніи, до выпуска въ Публику, представлены
были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экзе-
мпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Де-
партаментъ Министерства Просвѣщенія, два
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіоте-
ки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи
Наукъ. Мая 1 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.

I.

П О Э З І Я.

I.

У Т А И Д А.

Содержаніе третьей пѣсни.

Пѣвецъ намѣкаетъ Затѣю и Марьѣ о разлукѣ съ ихъ сыномъ — Ушай вымышляетъ сонъ, дабы имѣть предлогъ оставить отеческій кровъ — самый сонъ — неописуемая сцена разставанья — Ушай въ походѣ.

О Марья жалкая, несчастнѣйшій отецъ!

Какъ мало радость вы вкушали!

Вы плачете — и вашъ пѣвецъ

Причина, скажутъ, сей печали.

Не знаю, можетель снести,

О участь! о судьба презлая!)

Когда услышите: *прости!*

Опъ сына вашего Ушая.

Теперь то время настаетъ,

Итобъ вамъ съ сыночкомъ распрощаться;

Боюсь — васъ эта мысль убьетъ;

Однако надобно растаться.

Вашъ сынъ рожденъ, чтобъ свѣтъ дивить,

И бывшихъ рыцарей доселѣ

Изгнать изъ памяти, *запмишь,*

Героемъ быть на самомъ дѣлѣ;
 Преступниковъ разить, карать,
 А добродѣтель защищать,
 Съ невинныхъ низлагать оковы
 И не щадить за правду крови,
 Короче, вѣкъ златой ввести:
 Чтобы подьячье не крали,
 Чтобы больше ябеды не лгали,
 А вракъ ученымъ не плести;
 Чтобы льстецамъ не изгибаться,
 А мудрецамъ не напиваться,
 Спесивымъ носъ не задирасть,
 Дабы его не изломать;
 Отцовъ чтобы дѣти почитали,
 Мужьямъ и женамъ вѣрнымъ быть,
 Роптать чтобы бѣдны перестали,
 Чтобы игру искоренить,
 Чтобы не было ни войнъ, ни браней,
 Чтобы не писалъ вралямъ стиховъ,
 Не налагать чтобы тяжкихъ даней,
 Не переваживать вѣсовъ;
 Купцамъ напрасно не божиться,
 За рубль чтобы двухъ рублей не брать,
 Чтобы только школьникамъ учиться,
 Отнюдь старухамъ не болтать;
 Монахамъ чтобы не лицемѣрить,
 Попамъ немного быть умиѣй,
 Всему чтобы атеистамъ вѣрить,
 А господамъ не драсть людей;
 Чтобы... но можноль все изчислить,
 Чего не должно въ свѣтѣ быть,

И что Утай исправить мыслишь?
Такъ лучше дребедень не бить;
Скажу короче, что вамъ болѣ
Никакъ нельзя съ Утаемъ жить,
Хоть по неволѣ, хоть по волѣ:
Онъ богатырь — богатырямъ
Сидѣть за пѣчкой не возможно,
Искашь имъ приключеній должно
И подвергаться всѣмъ бѣдамъ.
И такъ дѣдъ съ Марьею прощайте,
Сынка вамъ долго не видашь,
Пѣвца напрасно не ругайте,
Пѣвецъ ей, ей! невиновать,
Что вашъ сынокъ по бѣлу свѣту
Задумалъ рыскашь, какъ шальной.
Ахъ! не бери онъ посохъ свой,
Ябъ тотчасъ кончилъ сказку эту,
Тисненью вмигъ ее предаль:
О сколькобъ радостей вкушалъ!
О какъ мои сѣялибъ очи,
За тѣ недоспанные ночи,
Кои въ заботахъ провождалъ,
Въ которы рѣмы прибиралъ!
Утай однажды по утру
Пошелъ съ сестрою прогуляться,
И походивши по бору,
Домой задумалъ возвращаться.
— „За чѣмъ такъ рано, милый братъ!
Гулянье нынче оставляешь,
О чемъ грустишь и воздыхаешь?
О чемъ съ тобою намъ вздыхашъ?“

Сказала Ушка такъ Утаю,
Позволь еще я погуляю,
Пойдемъ съ тобою мы на лугъ,
Тамъ разныхъ я нарву цвѣточковъ:
Какихъ же для себя, мой другъ!
Хорошихъ наплету вѣночковъ!
Еще успѣемъ мы домой:
Смотри, какъ солнушко сіяетъ. . .
Я радъ бы всей моей душой,
Утай такъ Ушку прерываетъ,
Съ тобой, сестра моя! гулять,
Но на домъ нада возвратиться;
Тамъ сонъ хочу я рассказать,
И послѣ странствовать пускаться.
Сказавъ сіе — онъ замолчалъ
И путь направилъ свой къ избушкѣ:
Ахъ сколько дѣду и старушкѣ
Возвратомъ бѣдъ онъ предвѣщаль!
Уже Утай въ избѣнку входитъ,
И разговоръ о снѣ заводитъ,
Принявъ печальный видъ и шонъ,
Такъ свой рассказываетъ сонъ:
— „О мать! отецъ! какое горе!
Послушайте, что снилось мнѣ:
Что будто бы я брошенъ въ море,
И будто бы на самомъ днѣ;
Вдругъ вижу я передъ собою
Великій преогромный домъ,
Сидѣлъ въ которомъ Чудо-Сомъ
И эдакъ говорилъ со мною:
Утай, онъ сильно заревѣлъ:

Отъ рева весь я содрогнулся,
Утай, се я, се Чудо-Сомъ хотѣлъ,
Чтобъ ты морскаго дна коснулся:
Мнѣ все подвластно на земли,
Будь, богатырь! ты мнѣ послушень,
Глаголу моему внимли,
И будещи благополучень.
Къ великому рождень Утай;
Онъ долженъ странствовать пуститься,
Не медли — завтра же ступай,
Твой родъ на вѣкъ благословится.
Лишь чуть сѣ онъ произнесъ,
Такъ сильно разомъ встрепенулся,
Что я проснулся,
И съ домомъ Чудо-Сомъ исчезъ.“
Коль хочется по свѣту шлаться,
Что дѣлать и богатырямъ?
За ложь же надобно приняться,
Они и прибѣгаютъ къ снамъ.
И нашъ Утай сварганилъ сказку:
Какъ кажется и онъ солгалъ,
И матери своей за ласку
Сонъ богатырскій рассказалъ.
Припомъ еще вздохнулъ искусно,
Разовъ бытъ можешь до шести,
Примолвя: тяжко мнѣ и грустно!
Но надобно въ походъ идти. . .
Всѣ — всѣ печальны восклицанья,
Въ Грамматику какія есть —
Читатель! долженъ ты привести
Ихъ всѣ сюда безъ отрицанья:

И ге. и ги. и го. и гю,
То и тогда наврядъ представишь
Плачевну сцену пы сю,
Хоть тысячу *тире* пставишь
И столькожъ къ нимъ еще прибавишь
Киселекъ, точекъ, залятыхъ,
И знаковъ множество другихъ,
Подобно же смѣшныхъ,

Пустыхъ,

То и тогда рыданій, воевъ,
Нѣщастливыхъ моихъ героевъ
Ни на волосъ не начертишь.
А какъ дойдетъ до обниманья,
До поцѣлуевъ и прощанья,
Перо ты бросишь, замолчишь.
Какъ сдѣлаю я безподобно,
Когда, тебѣ, мой другъ! подобно,
И самъ объ этомъ ни словца!

А выведу я молодца

Изъ дѣдовой избы на поле!

Пусть съ божьей помощью идетъ

Чась, два, четыре, пять и болѣ:

Онь этаго убытку нѣтъ.

У насъ на это есть прибаска,

Ее ребенокъ знаетъ всякъ:

Хоть скоро говорится сказка,

Да дѣло не вершится такъ.

Пускай Утай мой погуляетъ,

Гулять большой ему просторъ,

О приключеньяхъ пусть мечтаетъ,

Пускай свой пресыщаетъ взоръ

Болотомъ, лѣсомъ и долиной,
Ркой, буграми, ручейкомъ,
Пусть сей прельщается картиной,
А мы не много отдохнемъ,
Пусть дождь его не разъ измочитъ,
Пусть воетъ вѣтеръ, гремитъ пусть громъ,
Пусть прѣзбнетъ, естъли хочеть,
А мы немного отдохнемъ.
Мнѣ право болѣе нѣтъ мочи,
Ужъ мнѣ мои не служатъ очи,
Пора мнѣ бѣдному заснуть:
Желаю всѣмъ приятной ночи
И пѣснь сканчиваю тушь;
Лишь только одному Ушаю
Минушѣ спать не позволяю.

Мслвчъ.

2.

Похвала Гроку.

Ахъ! какое восхищенье
Я внезапно ощутилъ!
Мыслей быстрое стремленье,
Бодрость духа, крѣпость силъ!

Зрю себя я на Парнасѣ,
Съ лирою златой въ рукахъ:
Сладость райска въ лирномъ гласѣ,
Жизнь — Гармонія въ струнахъ.

Но какое привидѣнье!
Что за бредъ въ моемъ умѣ! . . .
Только вижу заблужденье!
Гдѣ Парнасъ и лира гдѣ?

Я покойно на диванѣ
Передъ столикомъ сажу;
Грокъ блеститъ въ моемъ стаканѣ,
Съ ромомъ штофъ въ рукахъ держу.

Пусть же будетъ Геликономъ
Мягкой эшотъ мой диванъ,
Штофъ пусть будетъ Аполлономъ,
Лирою моею — стаканъ.

Ну! еще я тяпну Гроку!
Лучше онъ Кастальскихъ водъ:
Онъ внушилъ мнѣ пѣснь високу,
Мыслямъ далъ свободный ходъ.

Онъ причина восхищенья,
И веселью моему;
Онъ достоинъ прославленья,
Се зываю я къ нему:

Ты, который составляешь
Утѣшенье дней моихъ,
Въ сердцѣ радость поселяешь
Средь напастей, скорбей злыхъ.

Противъ бѣдствій оборона,
Въ жизни ты небесный даръ,
Грокъ, любимецъ Албіона,
Мореходцевъ всѣхъ нектаръ!

Съ Грокомъ гордо презираешь
Англичанинъ эпокъ свѣтъ,
Ко лбу смѣло устремляетъ
Смертоносный пистолетъ.

Щасстья зря непостоянство
Съ Грокомъ онъ кричитъ: *goddam!*
Попираешь ложь, тиранство:
Съ Грокомъ шумишь онъ надъ всѣмъ.

Мореходцы! вы скажите —
Сколь для васъ полезенъ Грокъ?
Въ бурю смѣло вы шумите,
Презирая гнѣвный рокъ.

Преплывая Океаны,
И ругаяся волнамъ,
Осушаете стаканы:
Грокъ цѣлебный вашъ бальзамъ.

О Нептунъ! явись всесильнымъ:
Вздумай чудо сотворить:
Бездны водъ презубцемъ дивнымъ
Въ вазы съ Грокомъ превратить!

Пусть народы, признавая
Въ томъ щедроту къ нимъ твою,
Грокъ, какъ воду, попивая,
Выхваляютъ часть свою.

Всякъ по грозной бы стихіѣ
Съ радостью пускался въ путь,
Презирая вихри злые —
Не страшился утонуть:

По брегамъ тогдабъ селились
Океановъ и морей
Непрестанно веселились
И кричалибъ: *больше лей!*

Въ рай земной бы обратилась
Слезная сѣя юдоля,
И въ Геенну бы сокрылась
Отъ людей напасть и боль.

Въ жизни наше всё блаженство,
Чтобъ не плакашь, не тужить;
А на это былобъ средство —
Чтобъ по больше Гроку пить.

Ахъ! я съ Грокомъ въ злоключеніи —
Весель, какъ Сократъ, бывалъ,
Въ Грокѣ видѣлъ бѣдъ забвеніе
И отраду съ нимъ глошаль.

А теперь какъ обратила
На меня форшуна изглядъ,
Разны способы открыла
Гроку больше попивать.

Прочь опасные Фантомы:
Я залѣзу въ уголокъ;
Строятъ пусть воздушны дома,
А я буду пить мой Грокъ.

Знаю, что къ Плутону злomu
Должно нѣкогда предстать,
Но имѣя бочку рому,
Можно смѣло смерти ждать.

Нахмлювъ.

3.

Лиза Романистъ.

(П о в ѣ с т ь.)

Извѣстно, въ древности какъ Рускіе живали,
Не зная нынѣшнихъ заплѣй,
При воспитаніи дѣтей!
Имъ только нравственность внушали,
И наши дѣвушки романовъ не читали.
Теперь же нравственность и слушать не хо-
тятъ,

Смѣются всѣ надъ стариною;
Я вамъ намѣренъ рассказать
О Лизѣ. . . новаго покрою:

*

Въ деревнѣ Лизанька жила,
Какъ роза алая, въ глуши кустовъ, цвѣла,
Котора родилась хотя и Россіянкой,
Воспитывалась шутъ природной иностранкой.
Прекрасныхъ пара глазъ у Лизы, стройный
станъ,
И что, всего важнѣй, при тысячи крестьянъ,
Давно бы въ городахъ сердца къ ней привлекали,

Полковникъ, Генераль, по ней бы воздыхали:
Въ деревнѣ все не то — лишь въ городѣ жить
рай!

Прискучилъ ей *Жоли*, прискучилъ попугай,
И только лишь одни романы утѣшаютъ,
Хоть сердце юное развратомъ заражаютъ:
Жанлисъ, одѣтая въ Французской переплетъ,
Сталь, *Крамеръ*, красили Лизетинъ шуалетъ,
И ей пріятныя минуты доставляли;
Радклифъ ей и *Руссо* не мало помогали. —
Дюкре шутъ *Дюмениль* усердствовалъ пред-
стать,

а и *Луветъ Кувре*, какъ вѣжливый Аббатъ,

Спѣшилъ распространить развратъ;

И Лизанька грустить не рѣдко начинала.

Чегожъ ей хочется? чего не достаетъ?

Чего? ахъ вѣрно не конфетъ!

Витъ Лизанькѣ пятнадцать лѣтъ!

Шестнадцата весна ей только наступила,

Косынка вздулася — и Лиза загрустила!

О чемъ же? спросятъ наконецъ: —

У Лизы есть и мать, есть также и отецъ,

Но сердца, знать, ее они ужъ не питаютъ,

Лишь множатъ ей тоску — и въ рощи увле-
каютъ.

Изволятъ Лиза тамъ мечтать,

И въ сердцѣ пустоту несносну ощущать;

Романовъ чтенію тамъ Лиза предается,

Живой фантазіей къ гибели влечется.

Тутъ *Вертеръ* всякой часъ съ Лизетою бывалъ

И пламенну любовь для Лизы представлялъ —

Такое чтеніе для многихъ очень мило,
И дѣвушекъ не разъ съ ума оно свѣдило.

Однажды она
Въ садочкѣ тосковала,
Въ мечты погружена,
Не зная и сама чего она желала;
Я думаю, на этоль разъ
Попался ей *фоблазъ*,
Что такъ она вздыхала!
Межъ шѣмъ охотникъ молодой
Проходитъ за решеткой,
Хотя и былъ слугой,
Однако же красоткой
Давно замѣченъ былъ —

И Лизѣ, кажется, довольно миль! —

„Какая ложь! какая небылица!“

Тутъ можетъ вдругъ сказать невинная
дѣвица.

Конечно, въ городѣ, какъ вътрѣ,
Вмѣсто слуги вилсябъ за нею Пешиметръ;
Но Лиза въ городѣ еще не появлялась;
Такъ диволь, что слугой, такъ много занима-
лась?

Припомъ романами Лизета подкрѣплялась!

И такъ не диво, что она,

Фантазіей увлечена,

Въ стрѣлка влюбилась страстно,

И мыслила объ немъ всечасно;

При томъ и то сказать,

Охотникъ былъ молодцоватъ;

А Нимфѣ нѣкогда оставленной богами

Пріяшень былъ Сатиръ, и съ козьими ногами!

А шупъ

И нѣтъ диковинки ни чупъ —

Вишь страсти вѣчные шираны!

Такъ юной дѣвушкѣ возмѣжноть твердой быть,

Которую романы

Успѣли ослѣпить?

Настенько Лизанька въ садочикъ приходила,

Гдѣ много для себя веселья находила;

Спѣдлива и робка,

Съ начала, какъ цвѣтокъ, краснѣла,

Взирая на стрѣлка;

А послѣ Лиза такъ успѣла,

что даже и играть она съ нимъ не робѣла!...

„Того желалъ конечно рокъ!

Лизета такъ твердила,

„Чтобы ее стрѣлокъ,

„Онажъ его любила!...“

Однажды въ лѣсную ночь, когда взошла луна,

Прелестная Лизета

Выходитъ въ садъ одна,

Въ прекрасно неглиже одѣша,

И вдругъ,

Откуда не взялся ея любезный другъ!

Конечно днемъ они еще уговорились;

Въ сердцахъ шупъ обоихъ желанья пробудились!

Иль чувство, — иль любовь, — не знаю какъ

назвать,

Лѣнивъ романы я читаю;

Романы кто читаетъ,

что пробудилось въ нихъ и безъ меня узнаетъ. —

Аллеи тѣнь и лунна ночь,
Уединенье, всё, старалось имъ помочь....
Но нѣтъ!... на сцену мрачну
Завѣсу наведу полупрозрачну —
И лучше погрузу,
Что я не выдумку пишу.
Въ романахъ, на явуль, любовь — всегда лю-
бовь...

Для Лизы многое еще было загадкой:
Теперь взгляните сквозь покровъ
Украдкой....
Увы!... Въ томъ право я не виновать,
Клянусь... съ охотою желалъ бы я сол-
гать. —

Къ несчастію, Лизета
Въ объятіяхъ любви покоилась до свѣта —
И что же наконецъ?
Въ семь видѣ заспаетъ прелестницу отецъ:
Полураскрыта грудь!... онъ видитъ... и не вѣ-
рить!

И гнѣва праваго не можетъ онъ умѣришь,
Отъ коего потомъ
И Лизанька проснулась,
Взглянула — ужаснулась,
И такъ, какъ водится при случаѣ такомъ,
Вздохнула, закричала,
И въ обморокъ упала! —

*

Стрѣлокъ въ солдаты отданъ былъ:
Конечно въ эту ночь онъ Лизѣ нагрубилъ!
Но горю пособить не смѣя,

Да и стыда уже поправить не умѣя,
Лизета, кончить чѣшбъ шоску
И кончить чѣшбъ *романъ*, то... бросилась въ
рѣку:

Къ мученью, умереть и тамъ не допустили;
Исторгнули изъ водъ
И къ жизни возвратили. —
А черезъ годъ,
Сю Венеру

Въ замужство отдали хрому Офицеру! —
Въ деревнѣ и теперь она живетъ...
Не знаю объ стрѣлкѣ забыла, или нѣтъ.

Отцы и матери быль эту прочитайте
И строже дочерямъ романы выбирайте.

Дмитр. Ярославскій.

В А С Н И.

4.

Овенъ и Песѣ.

Не знаю именно я въ городѣ какомъ,
Въ Черкасскѣ, Харьковѣ, въ Екатеринославѣ,
Въ Черниговѣ или въ Полтавѣ...

Песѣ разговоръ завелъ съ овномъ,
Иль лучше псомъ овенъ достойно укорялся:

Какъ можно вамъ такъ ниску быть,
Позволишь мяснику, чѣшбъ вами онъ ругался,
И чѣшбъ смѣлъ онъ васъ и рѣзать и душить?

Какъ бытъ безъ гордости, безъ мѣсти,
О собственнѣйшей не думать чести,
Дать волю мяснику обидѣ вамъ дѣлать двѣсти?
Баранъ укору пса довольно понималъ,
Вздыхалъ,
И взоръ пошуя въ низъ — молчалъ.

*

Мясникъ — подъячѣе; песь — Нѣмецъ; а Баранъ. . . .

Мясникъ — Хорьковскій дворянинъ.

5.

Е з о л ъ.

Езопъ игралъ съ дѣтьми въ орѣхи:
Отъ всюду колкости и смѣхи,
И даже брань и крикъ!
Мальчишка, ученикъ!
Такъ проходящѣе кричали,
Глупецъ! Педанты прибавляли:
Езопъ предолго брань терпѣлъ;
Но послѣ, потерявъ терпѣнье,
Сказалъ такое изрѣченье:
За чѣмъ мнѣ не мѣшать бездѣлья между дѣль?
За чѣмъ съ невинными дѣтьми не забавляться?
Коль слишкомъ лукъ тянутъ, онъ можетъ изломаться! —

Мслвчъ.

Заморской улей.

Николинька, сынокъ у мапушки почтенной,
Рѣзовъ не много былъ,
Хотя и принималъ подь часъ онъ видъ спе-
пенной,
И будто, какъ спарикъ, судилъ и говорилъ.
Но рѣзвость не порокъ — и дѣшамъ все про-
щающъ,

Когда они умны бываютъ.
Однажды въ пасѣку дѣшина забѣжалъ,
Въ которой ульевъ рядъ стоялъ —
(Изъ многихъ и ему одинъ принадлежалъ,
И полонъ меду былъ, коль молвить правду
матку)

„Давай пересмотрю всѣ ульи по порядку!“ —
Сказалъ Николинька — и ну перебирашъ!

И маленькіе, и большіе,

И старые, и молодые:

Нашелъ набитые межъ ними — а иные

Совсѣмъ пустые,

И сталъ ихъ съ умыслу ронять.

Тутъ порядку набрелъ на улей иностранной,
Которой на показъ, какъ видно, тамъ стоялъ,

Работы мастерской столярной,

Расписанъ красками — фонарикомъ сіялъ!

Заглянулъ внутрь его — хотя бы капля меду,

И понови ни слѣду:

Толкнулъ его ногой — да шрушня и прижалъ,

А токъ безъ памяти опъ боли зажуужалъ.

Досужи пчелки молодая,

Услыша рѣзкой прутневъ зыкъ —

(Онъ дорогъ былъ для нихъ за пѣсни щеголь-
скія)

Всѣмъ роємъ изъ улья пустилися на крикъ:

„Сестрицы! кто-то прутня давить!

„Онъ тѣмъ весь улей нашъ безславиль;

„Извѣстно всѣмъ пчеламъ,

„Какъ прутень сей полезень намъ:

„Хоть меду онъ у насъ и просить,

„Да грязь намъ изъ болота носить.

„Опмстимъ мы за него, опмстимъ!

„Какъ туча, на врага внезапно налешимъ,

„И такъ изжалимъ,

„Что мѣста у него живова не оставимъ!“ —

Напали — ну кусать!

И жалишь, и жужжатъ!

Что радъ Николинька бѣжать

Долой оштуда безъ оглядки.

Послушайте, ребятки!

Не троньте прутней никогда:

Не то — отъ пчелокъ вамъ бѣда!

О. Соколовъ.

ЕПИГРАММЫ.

7.

Ты мнѣ твердишь, что Богъ всё къ *лучшему*
здѣсь строишь:

Увѣренъ въ мнѣньи я шакомъ,
Но чтожь путь *лучшаго* и Богъ и свѣтъ нахо-
дитъ,

Тебя создавши *дуракомъ*?

..... и й.

8.

Стара, въ морщинахъ, зла, сѣда;
Ахъ! можно ли въ себя влюбиться! —

Ито день, то новая бѣда,
И зубъ за зубомъ все валился.

Напрасно щипишься ты рядишься:

Куда тебѣ плясать, мой свѣтъ!

Ахъ! — лучше постригись — но нѣтъ —

За чемъ чертей она въ обитель принесетъ?...

*

9.

Что Графъ нашъ будто самъ не свой?

Вчера онъ дюжиной плѣнился;

Да та бѣда, что ни одной

Изъ дюжины не полюбился!

О. Соловь.

НАДПИСИ.

Ю И II.

Къ Портрету П. Гончаренка.

Потомству предстоить се Павелъ Гончаренко:

Онъ жизнь свою ведетъ смиреннько,

Быль сытымъ — весь его предмѣтъ;

А больше въ немъ желанья нѣтъ!

Мслвчъ.

12.

Р е ц е л т ъ.

Какъ получить Наполеона.

Возьми ты Робеспьера кровь,

Столчи печонку ты Нерона

Съ Тиверья сердцемъ, и — готовъ

Составъ Наполеона.

Мслвчъ.

Стихи по прочтеніи Сумарокова.

О горе, горе намъ,
Мѣлкопомѣстнымъ рифмачамъ!

Когда Парнаскій Князь, преславный Сумароковъ,
Который бочекъ сто Парнаскихъ выпилъ по-
ковъ

И лавки книжныя стихами завалилъ,
Когда и онъ страдалецъ рифмы былъ.
Въ твореніяхъ его у ногъ Екатерины
Цвѣтуть для рифмы райски крины, (*)
А гдѣ стоитъ Великій Пешръ,
Тамъ по неволѣ дуешь вѣтръ.
Нѣтъ рифма! ты забудь насъ почиташъ рабами,
Иль разсердясь тебя мы презримъ сами.

Нахилмовъ.

(*) Смотри Сумарокова сочиненія:

Ода VIII.

Цвѣтеть пріятность райска кринна;
Взошла на тронъ *Екатерина*.

Ода IX.

Подобье видя райску кринну,
Премудрую *Екатерину*.

Ода XII.

Процвѣтайте райски кринны;
Имя днесъ *Екатерины*
На Парнасъ видимъ мы.

Ода XVI.

Въ поляхъ зеленыхъ райски *крины*;
А прежде здѣсь *Екатерины*,
Страна сія была пуста.

Ода XVIII.

Отъ корени Эдемска *кринна*
Прекрасны видимъ мы *цвѣты*,
Цвѣты сіи *Екатерина*.

Ода XIX.

Какъ тебѣ богиня *крины*,
Такъ дѣла *Екатерины*
Щастье сѣверу всему.

Ода XX.

Кропите кровью вашей *крины*,
А мы, по ушреннымъ водамъ,
Пристанемъ къ вашимъ берегамъ
Со именемъ *Екатерины*.

Ода XXIII.

Тобой я краше райска *кринна*,
Великая *Екатерина*!

Ода XXIV.

Эдемску пѣснь подобно *крину*:
Хочу воспѣть *Екатерину*.

Ода XXV.

Прекраснѣй будешь райска *кринна*:
Таковъ — какъ намъ *Екатерина*.

Ода XXVI.

Подъ областью *Екатерины*
Брега постройте, райски *крины*!

Ода XXVII.

Годъ сѣнью Екатерины
Сбирай, Россія! райски кринны.

Ода XXXVI.

Дѣвши подобьемъ райска крина:
Взошла на шронъ Екатерина.

Мадригалъ 16.

Румянцовъ процвѣсти подобьемъ райска крина,
Героямъ образецъ!
А вѣнценосцамъ образецъ
Великая Екатерина.

Письмо къ дѣвиц: Нелидовой и Борщовой.

Въ какой бы радостью, подобну райску крину,
Онъ зрѣлъ Екатерину.

Стихи къ воспитательному дому.

Къ безсмертной памяти второй Екатерины
Дѣвству ея дѣла и здѣсь, какъ райски кринны.

Письмо къ Голицыну.

Рѣпейникъ тамъ ростеть, гдѣ было мѣсто
Крина:

О Боже! естли бы была Екатерина и пр.

Тамъ же.

Гого на сей землѣ цвѣтуща паче крина
Желаеть мудрая твоя Екатерина.

Надпись XXV.

И возсіяеть онъ подобно райску крину:
Великолѣпје, въ честь дню сему,

Даетъ ему
Великая *Екатерина*.

Надпись XXVIII.

Цвѣтутъ сѣяючи въ мои дни тако *крины*,
Какъ Росскія страны во дни *Екатерины*.

Надпись XLII.

Да процвѣтетъ Москва подобьемъ райска *крина*:
Возобновляетъ Кремль и градъ *Екатерина*.

Димитріады кн. I.

Дабы мои стихи цвѣли какъ райски *крины*,
Достойны чтенія второй *Екатерины*.

Питица Фебъ и Борей.

Рѣпейникъ хуже райска *крина*:
Борей Калигула а Фебъ *Екатерина*.

АЛЕКСАНДРОВА слава.

Сказалъ бы ты тогда: во дни *Екатерины*
Мои увяли *крины*.

(Столько отыскано въ бумагахъ.)

Изд.

14.

Поэтъ и Математикъ.

П о е т ъ.

Не къ Стиксуль мрачнымъ берегамъ
Фантазія меня примчала?
Тѣнь блѣдна, жалкая предстала
Испуганнымъ моимъ очамъ!

Жамидой сальной покровенный,
На стулѣ призракъ сей торчишь,
Идолу черепъ уклоненный,
Прозрачнымъ колпакомъ покрыть.
Сромныхъ книгъ предъ нимъ громада,
В пыли поверженна, лежитъ,
Съ съ грифеля не сводить взгляда,
И онымъ на доскѣ черпашъ.
Черпашъ — и рожу искривляешъ.
В досадѣ будто сей скелешъ,
Ипакъ не рѣдко поправляешъ —
Вня при томъ какой то зетѣ! —
Вечно терпашъ онъ опъ зета,
Зетѣ сей вѣрно адскій духъ,
Съ зетѣ блѣдень онъ и сухъ:
Орошу о зетѣ у Скелеша.
Но ты — прежалка тѣнь — вѣщай,
Имъ ты на муку осужденна,
Вѣсь къ стулу кѣмъ ты пригвожденна,
Е мрачный ли се ада край? —
И здѣсь волшебникъ обиташъ,
Тебя обвороживъ терзашъ?
И въ фурїи въ тебѣ живутъ,
Вторыхъ зетамъ зовушъ?
Вчьями изъ ноздрей текущій
Табакъ ты прежде оботри,
Допомъ мой духъ въ сомнѣнны сущій
Свѣшомъ удовлетвори! —

М а т е м а т и к ѣ.

Проклятая ты биномія —
И злости адской эксжонентъ,

О нуль, исполненъ ядомъ змѣя —
 Какъ смѣлъ ты поносишь мой зетъ? —
 Всемо́щный съ *иксомъ* зетъ вѣщаетъ
 Задачъ непоспѣжимыхъ тѣмъ,
 Природы тайну открываетъ,
 И всё покорствуе́тъ ему.
 Подобно грозному Титану,
 Зетъ небо приступомъ беретъ;
 И зету, лаврами вѣнчанну,
 Хвалу вселенна воздае́тъ.
 Знай въ вѣчность я на зетѣ ѣду —
 Я званъ безсмертѣемъ къ обѣду,
 Чрезъ *иксъ*, чрезъ *игрекъ* и чрезъ зетъ;
 Я прошопталъ къ Олимпу слѣдъ.

П о е т ъ.

Хулу скелеть сей изрыгаетъ!
 Въ умѣ помѣшанъ видно онъ —
 Досадно мнѣ; но пусть болтае́тъ:
 Не писанъ дуракамъ зако́нъ! —

М а т е м а т и к ъ.

Ты говоришь о мнѣ съ презрѣемъ;
 Клянусь *квадратнымъ уравненіемъ*
 Клянусь, что я шебѣ опмѣщу:
 Я шучу *игрековъ* пушу,
 Да поразить тѣя пуще грома —
 Ужасна, сильна *аксіома*!
 Отъ куда, дерзскій! ты пришелъ;
 Меня въ отчаянье привелъ;
 Ты помѣшалъ рѣшить задачу,
 Съ досады и со злости плачу!

П о е т ъ.

Пожалуй плачь! а я смѣюсь,
Грозь ни мало не страшусь,
А зета грудью ты всступился,
Его ты на меня озлился?
Скажи, открой мнѣ наконецъ,
Дивой ли ты или мертвецъ,
И онѣ ли бредишь какъ лунатикъ?

М а т е м а т и к ъ.

Прожи, о дерзновенна тварь!
Знай, что азъ есмь чиселъ царь,
Искусный, славный Математикъ.
А иксахъ мой воздвигнуть пронь —
То съ почтеньемъ окружаетъ:
Улей отборныхъ легіонъ.
Число мною вѣнчается,
Въ масштабѣ циркуль — скипетръ мой!
Въ кругу я круга квадратуру,
Послушай, не шути со мной.

П о е т ъ.

Забрелъ я на каррикатуру!
Забавный для стиховъ предметъ!

М а т е м а т и к ъ.

Что слышу! — небо! онъ Поетъ!
Въ немъ вижу злаго супостата —
Отъ коего свирѣпыхъ рифмъ
Трепещетъ робкій логарифмъ;
Онъ, бичъ и кубъ и квадрата!

Я понимаю всё теперь:
 Парнасскій эпомъ хищный зебрь
 Саширу хочетъ приготовить —
 Онъ будетъ въ ней меня злословить.
 Злодѣй! оставь ты мой чердакъ,
 Я *иксомъ* заряджу колпакъ,
 И выстрѣлю, какъ изъ морщины,
 Иль *грифель* сей тебя пронзить,
 Съ тобою вмѣстѣ истребить
 Презлбный планъ твоей Саширы!

П о е т ъ.

Не въ силахъ я владѣть собой!
 Постой, о чучело! постой,
 Сступай съ своими ты *нулями*,
 Бери съ собою *зетъ* и *иксъ*,
 Гдѣ протекаетъ мутный Стиксъ,
 Сступай туда — живи съ чертями!

Схватилъ сынъ Феба запучокъ
 Царя, количествомъ вѣнчанна,
 И, давъ ему одинъ толчокъ,
 Повергъ на землю бездыханна!

Нахилосъ.

15.

Въ день Ангела К.

Чтобъ подарить на именины
 Моей любезной К. ?
 Я долго думалъ и не зналъ.

Какъ вдругъ мнѣ Аполлонъ предсталъ,
Предсталъ и — громко засмѣялся;
„Чего бѣдняшка такъ смѣшался?
„Нельзя ли причину мнѣ открыть?“
Мнѣ Фебъ такъ началъ говорить,
„Иль начудесилъ на Парнассѣ?
Или ушибся на Пегасѣ?
Иль нѣтъ пера, или чернилъ,
Или давно воды не пилъ,
Воды Кастальской, чистой, ясной. . . .
Оставь сей важный видъ ужасной
Забошу мнѣ свою открой?“
— „О Богъ Парнасскій удостой!
Ты выслушай мою забошу,
Тогда оставишь ты охоту
Шушить, осмѣивать меня,“
Отвѣтствовалъ ему шакъ я.
„Ты знаешь, что моя сестрица.“ . .
„Лилея эта круглолица?“
Такъ Богъ Парнасскій перервалъ.
„Она, она, я отвѣчалъ;
Ея сего дни именины;
Такъ видишь, я не безъ причины
Предался мыслямъ и смущень;
Тебѣ извѣстно, въ эпохъ день,
Подарокъ должно ей поднести,
А что у нашей братьи есть?
Ни лентъ, цѣпочекъ, ни супира.“ —
„Но у тебя, за то есть лира,“
На это Аполлонъ вскричалъ,
„И ты давно бы написалъ

На этотъ случай длинну оду,
Въ верхъ дномъ поставилъ бы Природу;
Заставилъ въ ней бы всѣхъ плясать,
Заставилъ въ ней бы всѣхъ кричать:
О день, толико вожденный!
О день, сугубо драгоценный!
О день, безчисленныхъ утѣхъ!“ —
Оставь, Фебъ! колкой „этотъ смѣхъ;
А лучше дай мнѣ наставленье,
Какъ описать души движенье,
Какое чувствую въ сей часъ!
Что долженъ я просить у васъ
Моей любезной К. ,
Какой должна она судьбины
Отъ васъ, о Боги! ожидать?“
Мнѣ Фебъ такъ началъ ошвѣчать:
„Проси лишь только Парку люту,
Чтобъ отдалила ту минуту,
Въ котору должно нить пресѣчь,
Сестрѣ въ сырую землю лечь.
Сестра твоя добра, скромна,
Мила, пріятна и умна, —
Намъ нѣчево дать ей ужъ болѣ,
Признаться и не въ нашей волѣ.“
Сказавъ сіе Фебъ скоро скрылся,
И я о К. . . — помолился!

*

Элегія на потерю рожка.

Плачь, плачь, мой бѣдный носъ! и шoki лей на
землю,

Тебѣ Элегію писать я предпріемлю:

Рестокая судьба! немилосердый рокъ!

Дочто ты у меня похитилъ мой рожокъ?

Для рока красъ рожки и срамно и постыдно,

нать щастіе мое всегда тебѣ завидно;

ты въ вечеру на мнѣ свѣчею сжешь колпакъ,

нынѣ нюхаешь ты изъ рожка табакъ,

ошя мнѣ сей рожокъ принадлежалъ по праву;

нѣ составлялъ мою ушѣху и забаву,

нѣ здравіе хранилъ всегда въ моихъ ноздряхъ;

хъ! никогда онѣ съ нимъ не были въ прыщахъ.

вы! я безъ него сталъ сущій сирота,

носа моего увянетъ красота!

люто о рожкѣ моемъ воспоминанье!

въ сердцѣ чувствую несносное спраданье.

рїятели мои! пролейте слезный шокъ,

ывало я и вамъ шрлсу на соколокъ,

вы рожкомъ моимъ блестящимъ любовались,

нынѣ съ нимъ и вы на вѣки ужъ разстались.

ыдай и ты, рыдай, пузырь мой съ табакомъ!

хъ! не увидишься ты болѣе съ рожкомъ,

ы друга потерялъ въ семъ Рускомъ человѣкѣ,

акого не найдемъ мы друга въ нашемъ вѣкѣ,

ь кошоромъ любяшъ всѣ не насъ, а кошелѣкъ;

спаринныхъ нравовъ былъ покойный мой рожокъ!

Прочь, табакерка! прочь, ты извергъ, бусур-
манка,

Ты носа моего свирѣлая ширанка,
Ты за собой влечешь и сшрупя и прыщи,
Пріяшелей такихъ ты къ Нѣмцамъ въ носъ
тащи.

Внемлите мнѣ теперь, несправедливы Боги!
Коль къ носу моему вы были столько строги,
Что у него рожокъ насильно отняли
И тѣмъ ударъ ему ужасный нанесли:
Не думайте, чтобъ я спознался съ изувѣркой,
Чтобъ гадилъ Руской носъ Нѣмецкой таба-
керкой;

Клянется въ томъ моя печальная ноздря,
Что буду нюхать я всегда изъ пузыря,
И носъ дополъ мой рожка не позабудетъ,
Доколѣ въ мѣрѣ семь табакъ онъ нюхаетъ бу-
дешь.

17.

Бывало и теперь ().*

Бывало въ домѣ не обширномъ,
Въ кругу друзей, въ кругу родныхъ,
Проводишь дни въ весельи мирномъ,
Снишь на постеляхъ пуховыхъ.

(*) Стихи сіи писалъ я въ походѣ въ 1912 году и посвящалъ ихъ другу моему Григорію Егорьевичу К... ку.

Телерь же въ обгорѣлой хатѣ
Среди крестьянъ всегда живешь;
Взберешься скорчась на палати,
И на соломѣ шамъ уснешь.

Бывало предъ меня поставяшь
Уху стерляжью, соусъ, кремъ,
Лимономъ *бланъ-манже* приправляшь:
Сижу — и ничего не ѣмъ.

Телерь похлебкою худою,
Въ мякиной хлѣбомъ очень сытъ;
Адушъ капусты мнѣ съ водою:
Мнѣ — за ушами лишь пищитъ.

Бывало блюдечко варенья
Или конфектовъ съѣмъ одинъ,
Пью кофе для обыкновенья,
Какъ будто знатный Господинъ.

Телерь и полпиво дурное
Мнѣ Нектаръ съ трубкой табаку;
Червонцы богачу пустое,
А нищій радъ и пятаку!

Бывало, знатныхъ по примѣру,
Бевъ лучшей водки ѣсть нельзя,
Шампанско пьешь или Мадеру,
И чаши пуншу вокругъ тебя!

Телерь, забывъ сїи бездѣлки,
Бѣжишь къ Жиду скорѣй въ корчму,
На гривну тяпнешь тамъ горѣлки —
И радъ блаженству своему.

Бывало, шубы въ двѣ одѣвшись,
Летишь на чепырехъ коняхъ —
Въ коляскѣ Франкфуртской разлегшись,
Иль парой въ городскихъ саняхъ.

Телерь всѣ кони — кляча рыжа,
А шубы — тепленькой колешъ;
Готовъ въ немъ ѣхать до Парижа,
И горя никакого нѣтъ.

Бывало съ милою дѣвицей
Сидишь и ловишь нѣжный взглядъ,
Мѣшаешь были съ небылицей,
Не видишь, какъ часы летящъ.

Теперь, отъ милой въ отдаленнѣ,
Воспоминаньемъ лишь живешь; —
Вдохнешь, и сердцу въ облегченье
Слезу горячую прольешь.

Бывало мнѣ лишь Царедворцамъ
Стихи хотѣлось посвящать;
Я думалъ, славу стихотворцамъ
И дюжиннымъ доставить Знашь!

Теперь я славы сей не знаю,
Вельможамъ лести не пишу;
Отраду въ дружбѣ обрѣтаю
И дружбѣ трудъ сей приношу.

(Изъ Богодухова) Уланъ.

18.

Заглавіе къ моимъ сочиненіямъ.

Ну какъ назвать? мои бездѣлки,
Мои творенья мѣлки,
Мое и сію и то,

О гордость! что мой трудъ? Героевъ трудъ
ничто.

Нахилевъ.

Письмо Рускаго Солдата.

Милостивый Государь!

Чеснь, сдѣланная Рускому Солдату помѣщеніемъ піесъ его въ Журналъ Демокристъ, тѣмъ для него чувствительнѣе, что издатель бѣзъ сомнѣнія оказалъ симъ единственнo свое снисхожденіе, имѣя много лучшихъ маперіаловъ для наполненія своего Журнала. Снисхожденіе осмѣливаетъ — къ несчастію моему я люблю иногда въ свободное время марасть бумагу — написавши, надобно кому нибудь прочиташъ, а бѣзъ того чортъ ли бы велѣлъ взятыся за перо — это обыкновенная слабостъ и естесственна каждому, начиная съ послѣдняго бумагомарателя до Волпера. Комужъ читашъ между нашею брашьею военными — не для того, чтобъ они не знали шолку въ лишпературѣ; но для того, что они бѣдные заняты *ученьемъ и разводами*. — Придесть кто иибудъ ко мнѣ, хватаю поскорѣй свѣжевыпеченную піесу — не успѣю прочиташъ одной строки, какъ слышу страшной апоспрофъ: „Чортъ тебя возьми съ „твоимъ сочиненіемъ! — дай поскорѣй

„водки, да закусишь — я уснуть до смерти.“ — Нѣчего дѣлать — надобно положитьсь подъ спудъ любезное дѣло.

Вышеупомянутое ваше снисхожденіе облегчаетъ чадолюбивое мое сердце — я буду посылать къ вамъ въ школу моихъ малюшкѣ — безъ сомнѣнія я долженъ признаюсь, (хотя и опець) что есть между ими негодяи; въ такомъ разѣ, если послѣ порядочнаго исправленія вы увидите, что они никуда уже не годятся, то прошу возвращать ихъ въ родительской домъ, гдѣ я найду для нихъ занятіе въ укомномъ мѣстѣ. — Безъ шутокъ — посылая при семъ нѣсколько плодовъ моего досуга, я признаюсь, что они писаны на скоро и какъ случилось; я иногда такъ занятъ или лѣнивъ, что и переписать самому не хочется. Смѣю васъ просить, Милостивый Государь! если вамъ угодно будетъ чтонибудь изъ посылаемаго при семъ помѣстить въ вашемъ Журналѣ, возмите на себя трудъ пересмотрѣть то крипически, и, если нужно, перемѣнить или поправить. Вѣрьте моей чести (это у меня спрашная клятва) вѣрьте, говорю, что это для меня будетъ крайне пріятно. — На при-

мѣръ: послѣдній стихъ въ свиданіи Марса съ Венерою переменѣнъ, но такъ прекрасно, что мысль, которая была прежде очень темна, объяснилась; кажется, теперь всякой угадаетъ, что благоразуміемъ можно приобрести другой поясъ. Я слышалъ отъ нѣкоторыхъ строгихъ криптиковъ, впрочемъ свѣдущихъ и благоразумныхъ, что эта піеса слишкомъ вольна — неправда: все, что могло бы оскорбить тонкое чувство, здѣсь скрыто — дѣвушки иногда чипають, а чаще слушаютъ и не такія аллегоріи. Да! — кстапи — Демокрипу совѣщивали не быть зубоскаломъ — чтожъ значить зубоскалъ? — кто смѣется самъ не знаетъ чему, и не только не забавенъ, но несносенъ — когочъ слушаютъ съ удовольствіемъ — смѣются видя его смѣющимся — и потъ, кто аккомпанируетъ ему, не изъ сволочи (разумѣя здѣсь всѣ классы сволочи), — потъ не зубоскалъ, а Демокрипъ. Здѣлайте милость помѣстите для этихъ господъ въ вашемъ Журналѣ плачь Іереміи: журналисту нужно всѣмъ угодить. Между тѣмъ я боюсь наскучить вамъ, хотя не разсужденіями, но длиннымъ саженымъ письмомъ, и

такъ, кончаю засвидѣтельствваніемъ искренняго солдапскаго почтенія.

Вашъ

Милостивый Государь

покорнѣйшій слуга

Р. С.

Р. С. Посовѣшуйте мнѣ — я имѣю намереніе писать свои мысли въ солдапскомъ вкусѣ о Журналахъ — и здѣсь открываю вамъ первую мысль — Журналы не должно судить слишкомъ строго — довольно, если они нравятся намъ въ ту минуту, когда ихъ читаемъ — зато они дешевы — но сколько прекрасныхъ вещей извлечено изъ Журналовъ. ()*

Маія 1 го дня.

(*) Издателю очень пріятно будетъ, ежели журналъ его въ слѣдующей связкѣ украсится мыслями *Рускаго Солдата* на щотъ Журналовъ. М.

Піесы Рускаго Солдата.

20.

Нельзя безъ предисловія.

Что пасквили писать и подло и безчестно,
То всякому извѣстно.

Когда законъ гласитъ,

Что личность неприковновенна,

Чія рука толь дерзновенна,

Чтобы законъ сей преступить? —

Напротивъ, искони позволено въ сапирѣ,

Смѣша честныхъ людей, осмѣивать порокъ

И всё, что глупаго ни есть въ подлуинномъ
мїрѣ,

Въ забаву для однихъ, а для другихъ въ урокъ.

Въ ней личность каждаго и имя безопасны:

Гордецъ, скупой, подлецъ и плутъ,

Сердишься могутъ ли, когда точь въ точь най-
дутъ,

Что всё поступки ихъ съ сатирою согласны?

Да естли бы никто изъ авторовъ не смѣлъ

Описывать того, что дѣлается въ свѣтѣ,

То должнобъ на коврѣ (какъ въ сказкахъ) само-
лѣтъ

Опыскивать предмѣтъ за тридевять земель.

Не съ присязанія, чтобъ быть въ числѣ поэ-
шовъ,

Я взялся за перо — охъ! нѣтъ — избави
Богъ! —

Тогда бы худшаго изъ всѣхъ земныхъ предметъ-
шовъ

Я выбрать для себя не могъ.

Благодаря судьбѣ кусокъ имѣю хлѣба,

На что же мнѣ тащить насильно Музу съ
неба?

Писателей плохихъ и такъ довольно есть,
Умножить ихъ число великаль будешь честь?
Но только и себѣ, и вамъ, друзья! въ утѣху
Сатиру напишу я на себя для смѣху:

Лѣкарь самъ къ себѣ.

И такъ — вотъ слишкомъ тридцать лѣтъ,
Какъ злая мачиха — природа

Меня несчастнаго урода

Пустила въ бѣлой свѣтъ.

За чемъ? — того не понимаю —

Но только твердо знаю,

Что Сидоръ, Карпъ, Илья,

И грѣшной Савва, сирѣчь я,

Всѣ вышли изъ живой утробы,

А послѣ, радъ или не радъ,

Насъ всѣхъ положить въ гробы,

И кончится тѣмъ маскарадъ.

Но въ этомъ маскарадѣ,

Богъ знаетъ по чему!

Къ несчастью моему,

Я, кажется, всегда въ дурацкомъ былъ нарядѣ.

Какъ такъ?

Вотъ какъ:

Покойной мой отецъ, для вѣчной намъ обиды,
Одинъ изъ всей родни взялся пѣшь панахиды,

И самъ раскаялся, хоть поздно, на конецъ.
Но удивляйтесь судьбы моей капризамъ:

Бывъ ошъ рожденія врагомъ священнымъ ри-
замъ,

Я твердо положилъ пуститься братьямъ въ
слѣдъ,

Которые давно на полѣ чести смѣло

Взялись за рыцарское дѣло

(Чѣмъ занимались и прадедъ мой и дѣдъ).

Но замысламъ моимъ и рыцарству въ награду,

Не самъ ли чоршъ одѣлъ меня *à la Санградо*. —

И вмѣсто шпаги давъ ланцетъ,

Велѣлъ опустошать весь свѣтъ.

Ахъ! лучшебъ я служилъ обѣдни,

Страдалибъ меньше люди бѣдны.

Безпорно — славенъ Гиппократъ,

И Медицина также въ модѣ,

Когда *излишество* въ народѣ;

Но ахъ! — я чувствую, что лѣкарь смер-
ти брата:

И тотъ, и та, какъ будто споромъ,

Чтобы другъ другу угодить,

Спѣшаютъ свѣтъ бѣлой пустошить

Лѣкарствами и моромъ.

Что противъ нихъ война? — пустой учени-
чишка:

Я смѣло ставлю сто противу одного,
Что сотня гренадеръ не здѣлаеть того,
Что здѣлаеть одинъ циркельникъ изъ *подтишка*.
Чтожъ я? когда герой убійствомъ только
славенъ,

То я Наполеону равенъ.

Я лѣкаръ — въ правѣ я себя и побранить;
Видѣть можно про себя что хочешь говорить!

Любезные мои товарищи! простите,
Что правду говорю — иначе научите,
Какъ лгать; къ моей бѣдѣ,
И правду говорить привыкъ всѣмъ и вездѣ.

21.

Пр о л а з ъ.

Пролазъ нашъ говорить: „за что меня бра-
нять?

Я кажется живу, какъ всѣ честные люди,
А жалують меня насильно въ лизоблюды.
Да пусть они себѣ, хоть преснутъ, говорятъ,
А я на весь ихъ вздоръ скажу въ отвѣтъ *фор-*
мально,

Что исполнять хочу всегда и *пунктуально*
Долгъ подчиненнаго. Въ передней постоятъ,
Великая бѣда! — видѣть ногъ не занимать.

Сказашъ ласкательство, хоть подлое, кто
старше,

Не худо, братья! за то и самъ пойдешь по
дальше.

Пусть врутъ, что такъ живутъ одни лишь по-
длецы!

Охъ! благородные, честные храбрецы!

Вы ждете за труды награды Царя и Неба,

А мы и ползая найдемъ кусочикъ хлѣба.

Насъ презираютъ всѣ: великая бѣда!

Лишь быlobъ совѣсти по меньше, да стыда!

Всѣ честь, да честь — пустякъ — лѣтъ, мо-
жетъ быть, за двѣсти

Держались совѣстно невѣжды ложной чести;

А въ наши времена не поживя съ умомъ,

Достанется просить насущной подь окномъ.

Да что и говоришь; весь свѣтъ примѣровъ
полонъ,

Какъ вамъ, честнымъ глупцамъ, хлѣбъ достает-
ся солонъ.

— Но вы дескать, вредить стараешься дру-
гимъ —

Чтожъ нужды? лишь былабъ намъ польза въ
томъ самимъ;

Всякъ ближе самъ къ себѣ — у насъ такая вѣра:

Какъ въ свѣтѣ жить, скажу еще вамъ для при-
мѣра:

Подслушать — подсмотреть — великой будто
грѣхъ? —

За то, когда прійдешь съ начальникомъ до
слова,

Сказать о комъ словцо матерія готова.

Вонъ скучно: не всегда случается успѣхъ!

Витѣ и начальники не всѣ на ухо слабы;
Иной, весь честію какою то набитъ,
Да истинну любя, съ досадою закричитъ:
„Пойдите вонъ, сударь, витѣ сплешни любятъ
бабы!

Тогда тишкомъ — молчкомъ — подавшись за
дверь,

Въ сторонку уклонись — начальникъ витѣ не
звѣрь —

Посердится день, два, а послѣ и забудетъ.
Нѣтъ! правду всю сказать, что было, то не бу-
детъ:

Бывало что взбредетъ начальнику наврешъ,
Достойнѣ себя чернишь — не ставишь въ
грошъ,

Всё съ рукъ шло, — а теперь пришли дни не
щастливы,

Начальники у насъ не кспати справедливы,
Хотятъ всё сами знать — всемъ сами упра-
влять;

Чтожъ брату нашему достанется сказать?
Разказовъ не хотятъ, а съ клеветой не суйся:

Прійдётся быть честнымъ и въ правду, какъ
ни дуйся.

Разговоръ при погребеніи.

Солдатъ: Что значить сей обрядъ? —

Ученой: Тщеславіе живыхъ, — ничтожество во гробѣ.

Солдатъ: А черной сей нарядъ? —

Ученой: Да не къ лицу ли онъ прекрасной сей особѣ? —

Надлись къ портрету, въ которомъ подлинникъ самъ себя узнаетъ.

Въ фигурѣ гордостью надутой,

Небрежно на бокъ изогнутой,

Самимъ собой довольной видъ

И молча будто говорить:

Смотрите! — какъ я всѣмъ опасенъ:

Красавицы! я милъ, прекрасенъ,

Мущины! я умёнъ и гордъ:

Кто смѣетъ спать со мной à bord?

Руской Солдатъ.

II.
П Р О З А.

24.

*Письмо Бантамскаго Посланника къ
своему Государю.*

Всемилоостивѣйшій Государь!

Языкѣ народа, гдѣ я теперѣ живу, мѣстѣ гораздо отдаленнѣйшее отъ сердца разстояніе, нежели какое находится отъ Лондона до Бантама, и тебѣ извѣстно, что жители одного мѣста не знаютъ здѣсь, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ. Они называютъ тебя и твоихъ подданныхъ варварами, потому что мы думаемъ и говоримъ одно и то же, а себя почищаютъ образованнымъ народомъ по той причинѣ, что они одно говорятъ, а другое думаютъ. Истинну снѣ называютъ варварствомъ, а ложь учтивостію. При первомъ моемъ выходѣ на твердую землю, одинъ изъ посланныхъ отъ Короля мнѣ на встрѣчу, сказалъ, что онъ чрезвычайно сожалѣетъ о безпокойствахъ причиненныхъ мнѣ штурмомъ, сопровожда-

шимъ меня на морѣ до моего сюда прибытія. Я весьма былъ пронутъ слыша о его печали, и соболѣзнованіи на мой щетъ, но не прошло еще четверти часа, какъ онъ началъ улыбаться, и былъ такъ веселъ, какъ будто бы онъ не принималъ никакого участія въ моихъ приключеніяхъ. Другой также посѣпивъ меня вмѣстѣ съ нимъ по приказанію Короля, увѣрялъ меня чрезъ моего переводчика, что онъ былъ бы особливо щасливъ, если бы имѣлъ случай чѣмъ токмо можно мнѣ служить: я послѣ сего увѣренія велѣлъ ему взять мой чемоданъ и нести за мною; но вмѣсто оказанія мнѣ услуги соотвѣтственной его обѣщанію, онъ громко засмѣялся и приказалъ сіе сдѣлать другому. Первую недѣлю съ самаго моего пріѣзда въ сіе Королевство, занималъ я квартиру у одного Англичанина, который дозволилъ мнѣ жить у него какъ въ собственномъ моемъ домѣ: я на другой день поутру началъ ломать одну стѣну въ его домѣ, дабы въ оной пропустить свѣжій воздухъ, и спалъ было прибирая домашнія его рѣдкости и лучшую мебель, дабы сославивъ изъ нихъ драгоцѣннѣйшій для себя подарокъ, но сей несносный вралъ; какъ

скоро примѣтилъ сію перестройку, то немедленно прислалъ комнѣ приказаніе оставить его домъ въ прежнемъ состояніи безъ починки. Недолго проживши здѣсь, услышалъ я опѣ одного, которому испросилъ милость у Государственнаго Канцелярія, что я его обязалъ къ вѣчной благодарности: сіе меня привело въ крайнее удивленіе, и я его не преминулъ спросить, какую услугу могъ я ему оказать, которая бы заслуживала вѣчную признательность; и потомъ потребовалъ одного шюаго награжденія, чтобы онъ дозволилъ своей старшей дочери обращаться со мною въ продолженіи моего шюаго посольства, а сей жестокосердый измѣнникъ, какъ и прочіе, отвергнулъ съ грубостію мое прошеніе. При первомъ представленіи моемъ къ Королю во дворецъ, одинъ Вельможа привелъ меня въ замѣшательство представляя тысячу извиненій за то только, что случайно наступилъ на мой большой палецъ. Они такую ложь почипають въ живостію, ибо когда они какой нибудь знаменитой особѣ изъявляютъ учтивость, то они говорятъ ей такіа несправедливости, за которые бы ты приказалъ Государственнымъ начальникамъ дать шаковому шюаго

ударовъ по пятамъ. И такъ я не знаю, какимъ образомъ производишь препорученныя мнѣ дѣла съ симъ не заслуживающимъ никакой довѣренности народомъ. Когда я навѣщаю Королевскаго Секретаря меня предупреждаютъ, что его нѣтъ дома, хотя онъ въ ту самую минушу предъ глазами моими ходилъ въ кабинетѣ. Ты бы почелъ всю здѣшнюю націю врачами, пошому что первой ихъ вопросъ состоитъ въ томъ; здоровъ ли я? о семъ спрашиваютъ меня болѣе ста разъ въ день сверхъ сего любопытство ихъ не токмо къ моему относитъсѣя здоровью, но и къ швоему ибо они держа въ рукахъ рюмки наполненныя виномъ, мечтающъ, будто бы тѣмъ желаюшъ тебѣ лучшаго здоровья но я вѣдѣющую имѣю причину ожидать сего отъ крѣпкаго швоего сложенія, нежели отъ искренности ихъ желаній. Каждый разъ, какъ я съ ними сажусь за столъ, они совѣщуютъ мнѣ пить ихъ напитки въ такомъ количествѣ отъ котораго я могъ бы сдѣлаться больнымъ. О когда бы дозволено мнѣ было съ безопасностію уйти отъ сего двуязычнаго народа, и дожишъ до того, чтобы еще разъ повер-

гнуть себя къ твоимъ спомамъ въ сполчномъ твоємъ градѣ Баншамѣ!

(Съ Англійскаго.) А. Флавицкій.

25.

Б у м а г а.

(Поема.)

Одинъ изъ тѣхъ древнихъ, превосходныхъ умовъ, которыхъ идеи наполнены были колкими, острыми шутками, желая весь родъ человѣческой означить оплеченною черпою, говорилъ, что душа младенца есть бѣлая бумага, на которой чувствованіе пошчасъ пишетъ свои правила, добродѣтель прикладываетъ къ нимъ печать, или порокъ спираетъ ихъ.

Мнѣ кажется, что человѣкъ остроумный могъ бы еще разпространить эту щасливую и правильную мысль. Извини-те моей гордости, еспли я, не имѣя оспраго, изобрѣшательнаго ума, осмѣливаюсь изъяснить ее.

Мы имѣемъ бумагу разныхъ соршовъ для разныхъ нуждъ: для моды, изящесства и всякаго употребленія. Люди не

менѣе различны между собою: бумага всякаго сорѣа представляетъ, какого нибудь челоѡка.

Разсмотримѣе внимательнѣо распудреннаго повѣсу въ кафѣанѣ, шипомѣ золопомѣ, и шакѣ нѣжнаго, какѣ бы онѣ шолько что вышелѣ изѣ бумажнаго ящика: не золотообрѣзная ли онѣ бумага, копорую вы скрываетѣе опѣ грубой черни и прачетѣе въ бюро?

Арѣисѣы, домашнѣе служилѣи, земледѣльцы, не сущѣ ли расхожая бумага, копорую менѣе цѣнятѣ, но копорая гораздо полезнѣе лежащей у васѣ на налоѣ? На сѣй бумагѣ всякой пишѣтъ, и она необходима во всякое время.

Бѣдный скупѣцѣ, копорый потомѣ, бездѣльничествомѣ, мошенничествомѣ, собираѣтъ имѣнѣе для обогащенѣя наследника, естѣ толстая, сѣрая бумага, упопрѣбляемая неважными купцами на обершку нужныхѣ вещей, для людей болѣе ихѣ стоющихѣ.

Потомѣ посмотрѣте, какой контрастѣ скупаго! Онѣ лишается здоровья своего, имѣнѣя и добраго имени среди удовольствѣй: не имѣѣтъ ли сѣ нимѣ сход-

ства какая нибудь бумага? Безъ сомнѣнія имѣеть — текущая бумага.

Безпокойный полиптикъ почищаетъ всегда эту сторону справедливою, а эту другую всегда ложною. Онъ кришкуетъ съ неистовствомъ, аплодируетъ съ бѣшенствомъ, дѣлается игрою всѣхъ народныхъ слуховъ, орудіемъ бездѣльниковъ, и никакое впечатлѣніе не открываетъ ему слабости его: онъ естъ помятый свертокъ бумаги, которой называется *ослинымъ колакомъ*.

Опрометчивый, вспыльчивый человѣкъ, въ жилахъ котораго кровь печетъ спремительно, заводитъ ссору при малѣйшемъ случаѣ и не можетъ сносить шулки, слова и даже взора: чѣмъ вы его называете? — Вѣрно изчерченной бумагою.

Что скажете о всѣхъ нашихъ спихотворцахъ, добрыхъ и худыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, которыхъ читають много, или которыхъ совсѣмъ не читають? Вы можете положить ихъ вмѣстѣ съ ихъ сочиненіями и называть самую бесполезною бумагою.

Посмотрите на юную, кропкую, невинную дѣвицу: она прекрасна, какъ листъ бѣлой бумаги, ничѣмъ еще не замаран-

ной. Щасливый человѣкъ, любимецъ фор-
туны, можетъ написать на немъ свое имя
и взявъ его на свое пощечіе.

Еще одно сравненіе, и небольшое.
Благоразумной человѣкъ, копорой прези-
раетъ малости и копорой мыслями сво-
ими, поступками, наспавленіями, обязанъ
одному себѣ, а правиломъ имѣетъ чув-
ствованіе своего сердца: такой чело-
вѣкъ есть бумага велень, самая лучшая,
превосходная и самая дорогая изъ всѣхъ
сортонъ бумаги.

Франклинъ.

III.
С М Ъ С Ъ.

I.

Отъѣздъ студента на учительство въ
Олешки.

На голосъ: Гой погула моя доля.

Знатъ въ такіи родився доли,
Щобы вѣкъ прожиты въ школи.
Телерь вже не буду въ служби,
Буду горе терпѣть, нужды.
Буду жить съ учениками,
Не съ военными Панами —
А все вражи Прохвесоры
Мини выколали норы!
Шлють мене въ Уиздъ поганый;
А не бѣ лѣвкѣ Гусарскій, гарный!
Уже сивѣ я на тележку,
Прямо ихать во Олешку —
Щожъ я буду тамъ робити?
Свинѣ сей дарма тяготити.
Гой, товарищи! прощайте
Жалость къ бѣдному вы майте,
Винѣ не иде воевати,
Иде хлопцевъ научати,
Буквы знали щобъ складати,
Та щобъ знали, якъ писати.

Лучшебъ минн при шаблици,
 Чимъ при гаспидскій таблици.
 Лучшебъ въ платни бувъ сребреномъ,
 Чимъ стоять при досци съ мѣломъ.
 Лучшебъ минн въ караули,
 Въ школи чимъ сидить на стули.
 Лучшебъ минн бутъ при шлорахъ,
 Чимъ ходити по конторахъ.
 Лучшебъ минн съ киверёчкомъ,
 Чимъ носитъся съ букварёчкомъ.
 Якъ бы гарно було въ тасци!...
 Щобъ ученыхъ взяли трысци!
 Я бы въ вѣйсци легулярнымъ,
 Тамъ бы бувъ не Тытулярнымъ;
 Тутенькажъ въ силъ сгину чини,
 Щожъ робыти въ сій годыни? —
 Свое горенько терлити,
 Щобы медъ опосли лити.
 Обизвалась такъ годына;
 И похвавъ парубчина! (*)

Мслевъ.

(*) Пѣсня сія не совершенно на Малороссійскомъ языкѣ написана, а на смѣшанномъ, или, шакъ сказать, Украинскомъ. М.

2.

Планъ Романа à la Radcliff.

Разбойники и подземелья,
Съ полдюжины на башнѣ совъ;
Луна чуть свѣтитъ сквозь ущелья,
И дали — шумъ вѣтровъ, вой волковъ;
Во снѣ моимъ героямъ снится
Драконъ въ огнѣ, летящій Трифъ;
Страхъ, ужасъ въ слѣдъ за ними мчится....
Вотъ вамъ Романъ à la Radcliff!

О. С

3.

Кенотафія И И. Л.

Сей Мужъ лѣтъ сорока, оставилъ бранный свѣтъ:
Ни ближнимъ, ни роднымъ потери важной нѣтъ;
Отъ жизни позвала во гробъ его чахотка:
Ни свѣшу убыли, ни аду не находка!

*

4.

Къ портрету Рускаго Цицерона.

Въ семь видѣ предъ тобой Россійскій Цице-
ронъ:
Не именемъ однимъ лишь съ Римскимъ сходенъ
онъ;
И должность ихъ была сходна между собою,

Въ храмъ славы оба шли изящества спезёю;
 Одинъ витѣйствомъ словъ Римляновъ слухъ
 плѣнялъ,
 Другой конфектами вкусь Рускихъ улаж-
 далъ. (*)

5.

Два бича рода человѣческаго.

Бичами пущены въ сей мѣръ для смертныхъ
 рода.

Два Бонапартія урода,
 Наполеонъ, Люсьень:

Одинъ людей хотѣлъ побить, заграбить въ
 плѣнь;

Другой, ведя войну съ ушами,

Тиранить вздумалъ ихъ несносными стихами. (**)

Но Милосердый Богъ, услышавъ стонъ людей,
 Пустилъ Небесный громъ въ обѣихъ сихъ би-
 чей,

И въ бичъ людскихъ головъ, и въ бичъ люд-
 скихъ ушей.

О. С—въ.

(*) Сей Цицеронъ былъ извѣстный въ Харьковѣ Конфет-
 чикъ. (1)

(**) Люсьень Бонапарте написалъ прескучную Поему: Шарле-
 манъ, въ 24 хъ пѣсняхъ, и издалъ ее въ 1814 году.

Прим. С.

(1) Настоящее его имя Василій: его прозвали Цицеро-
 номъ по большому Римскому носу. Прим. Изд.

В о с п о м и н а н і е.

Здѣсь подъ этой старой грушой,
Съ юной *Грушой* я сидѣль,
И, дѣя плѣняясь душой,
Радость въ ней мою имѣль.

Купидонъ леталъ надъ нами,
Всё резвился, да шалилъ,
И преострыми стрѣлами
Наши онъ сердца разиль.

Съ милой *Грушой* я обнялся:
Мы помилися отъ ранъ! . .
Мы помились, онъ смѣялся,
Снова взялся за колчанъ.

Ай, ай, ай! кричала *Груша*,
Охъ, охъ, охъ! и я вздыхалъ!
Мила *Груша*, моя душа!
Я твоимъ на вѣки спалъ!

Если я тебя забуду,
Пусть меня забудетъ Богъ!

Пусть несчастливъ вѣчно буду,
Коль тебя забуду возмогу!

—

Не клянися такъ, Петруша!
Много такъ не общай,
Говорила нѣжна Груша,
А свое мнѣ сердце дай.

—

Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ сердце
Отдалъ Грушѣ я моей,
И нельзя сказать, что въ перцѣ
Сердце спрятано у ней!!

М.

—

ХАРЬКОВСКИЙ ДЕМОКРИТЪ

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Василіемъ Масловичемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустились изданья.
И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -
Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ ІЮНЬ.

ХАРЬКОВЪ,
Въ Университетской Типографіи,
1816. года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харь-
ковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ
основываясь на донесеніи чинавшего сѣе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатающее дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Іюня 5 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріилъ Успенскій.

I.

П О Э З І Я.

I.

У Т А И Д А.

Содержаніе четвертой лѣсни.

Възсужденіе о блаженствѣ рифмошворцовъ относительно ихъ
на — Пѣвецъ отыскиваетъ своего Героя въ лѣсу слушаю-
щаго пѣснь неизвѣстнаго — самая пѣснь — прозѣба незнаком-
ца — онъ угадываетъ Ушай въ своей хижинѣ — Ушай ку-
шаетъ по богатырски — очаровывается игрою и пѣніемъ не-
знакомца — Испорія незнакомца — Ушай въ походѣ.

Нѣтъ! Рифмошворцы! вы блаженны;
Людей щастливѣе стокрасть.
Когда отъ рифмы утомлены
Вы наконецъ ложитесь спать.
Ужъ то-то сладко, сладко спите,
Не поворочитесь — храпите!
Кикилора же между тѣмъ
Какіе сны даритъ вамъ всѣмъ!
Иному грѣзится поэту,
(Пускай Абрамомъ будешь онъ)
Что онъ окончивъ пѣсню *Лѣту*
Взять Музами на Геликонъ.
Что тамъ сидитъ онъ на престолѣ

Родной щипается Царямъ,
Въ конецъ забывъ, что онъ не болѣ,
Какъ жалкій риѣмошкачъ Абрамъ.
Что по утру, когда проснется
Минетъ его Царева честь.
Своей Поѣмой онъ займется,
И чорствый хлѣбъ радъ будетъ ѣсть.
А стихошворцу снится Доду,
Что онъ свою окончилъ оду
И Князю оную поднёсъ.
Тотъ сонню далъ ему червонныхъ,
Додъ отъ сего подѣмлетъ носъ
И презираетъ всѣхъ ученыхъ.
Сидитъ щасливый день и ночь
И отъ стола не идетъ прочь.
На нихъ Саширы длинны пишетъ,
На нихъ ужасной злобой дышетъ
И лишь возношися собой.
И давъ полетъ воображенью,
Надрывавъ риѣмъ великій спрой
Ихъ предаетъ уже тисненью
И весь свой дрызгъ на Княжій щотъ!
Но полно затворю-ка ротъ
Я что-то очень заболтался,
Я только доказать старался
Сколь риѣмошворчій щасливъ родъ,
Какъ спитъ онъ сладко и завидно! —
Мнѣ будетъ горько и обидно,
Когда кто станетъ вымышлять
И заключать совсѣмъ другое
Да къ этому прибавитъ въ шрое;

Что будто бы я подсмѣхашь
Хотѣлъ тебя, народъ почтенный!
Я чтиль всегда твой даръ священный,
Сказать хотѣлось только мнѣ,
Что былъ я самъ въ подобномъ снѣ.
Что спалъ я эту ночь прекрасно,
И что закономъ положилъ
Писать — пока не станешь силъ
И спать не захочу ужасно.

Ну что Утай, обманщикъ злой,
Ну какъ ты нынѣ поживаешь,
Что думаешь и гдѣ гуляешь,
Все — все, пожалуйста, открой.
Ты причинилъ печаль мнѣ многу
И не хотѣлъ ты молодець,
Чтобъ сказкѣ былъ моей конецъ.
Пустился въ дальнюю дорогу.
Ахъ естѣлибъ ты да въ эту ночь
Хошябъ сквозь землю провалился
Гулять бы не былъ ты охочъ
И въ путь въ другой разъ не пустился.
Не видишь ты, о Богатырь!
Какъ я, пѣвецъ твой, днесъ спрадаю,
Не слышишь ты какъ я ругаю
Тебя, себя — и цѣлый мѣръ.
Не мучь же ты меня, довольно!
Ей ей терпѣнья больше нѣтъ.
Такъ дѣлашь, право, непристойно,
Открой пожалуйста свой слѣдъ?

Открой — иль *Савва*, твой читашель,
Большой всѣхъ сказокъ почиташель
Тебѣ Херсона предпочтеть,
Наморщится и прочь поидеть.
На насъ онъ крипикою грянетъ
(Большой онъ въ сказкахъ грамахѣй)
И то надѣлаетъ онъ съ ней,
Что покупать никто не станетъ
Прекрасной сказочки моей.
Черезъ сіе я стану нищій
И буду жалкій человѣкъ.
Ты только быть мнѣ можешь пищей
И усладишь мой горькій вѣкъ.
Сіе Ушай поразило,
Онъ о себѣ далъ мигомъ знать.
(Давно бы такъ ему сказать,
Такъ дѣло бы и въ шляпѣ было)
О! о! да какъ ушелъ далеко,
Въ дремучій лѣсъ вступаетъ онъ.
Вдали мерцается огонь,
Къ нему шагаетъ онъ широко.
Но долго ли Ушай мой шель?
И шель ли скоро или тихо?
Сказать сегобѣ я не хотѣлъ:
Богатыри всѣ ходятъ лихо!
И моему кто не велѣлъ,
Чтобы пришли къ огню мгновенно,
Уже давно онъ у огня,
Имѣя сердце восхищенно
Стоить въ забвеніи себя.
Но не отъ щей, что тамъ варятся,

Нѣтъ! ихъ не видитъ вовсе онъ.
Могъ всякой бы очароваться,
Когдабъ такой услышалъ тонъ,
Какой Утай прельщенный слышетъ.
Бѣдняжка почти не дышетъ,
Слеза съ его капится глазъ,
Плѣнилъ его волшебный гласъ.
Пѣснь Фантастическу, унылу
Сей гласъ невѣдомый поетъ
И своему предмету милу
Имень онъ множество даетъ,
А настоящимъ не зовешъ:

„Утѣха, жизнь моя и сладость,
Блаженство ты, моя ты радость,
И все ты въ свѣтѣ для меня.
Печаль, скорьбь, грусть, моя ошрава,
Мой умъ ты и моя ты слава,
Не въ силахъ я наречь тебя.

*

„Не вѣдаю тебѣ названья,
Цѣль моего существованья,
Моя едина благодать
Ты всю вселенну украшаешь.
Ты мнѣ вселенну составляешь,
Могуль тебѣ я имя дать.

*

„Чего безсмысленный, желаю!
О нѣтъ! тебя не постигаю,
Ты не земное существо!
Благоговѣю предъ тобою,

Боготворю тебя душою,
Ты идоль мой! ты божество!.....

*

Такъ голосъ пѣлъ и вдругъ выходитъ
Какой — то парень молодой
Къ Ушаю скоро онъ подходитъ
И юной жметъ его рукой.
Такъ обращается къ Ушаю:
О Богатырь! тебя я знаю,
Ты производишь изъ яйца,
Тебя давно жду *мелодца*.
Теперь Ушай въ твоей лишь волѣ,
Чтобъ не былъ я въ злосчастной долѣ,
Лишь ты одинъ распоргнишь ковь
Враждающихъ и злыхъ духовъ.
Когда меня ты успокоишь,
Тебѣ и самъ я услужу,
И — Богатырь! когда позволишь
Тебѣ все дѣло расскажу.
Но прежде, добрый мой спаситель!
Пойдемъ ко мнѣ въ мою обитель,
Я тамъ предъ милостью твоей
Поспаваю хлѣбъ и соль и щей,
Захочешь пить — я медъ имѣю,
И квасъ хорошій также есть. . .
„Ты мнѣ большую кажешь честь,
Я рѣчью удивленъ твоею
Сказалъ Ушай ему въ отвѣтъъ.
Ты, незнакомецъ, мнѣ загадка,
Хоть рѣчь твоя приятна, сладка,
Но естли шутъ обмана нѣтъъ,

И отъ моей зависить власти,
Тебя избавлю отъ напасти.
Потомъ ко хижинѣ смиренной
Утая юноша повёлъ,
Въ которой былъ дубовой столъ
Холстомъ бѣлѣйшимъ, покровенный.
Хозяинъ гостя посадилъ,
Самъ побѣждалъ скорѣй за щами,
Носилъ горшки онъ за горшками
Утай ихъ всѣ опорожнилъ,
Въ честь Богатырскому народу
Вѣдра съ четыре выпилъ меду,
Да въ пользу брюха своего
Онъ выпилъ квасу въ полъ сего.
Потомъ какъ всё уже поѣли,
Хозяинъ началъ на свирѣли
Выигрывать такія трѣли,
Что мой Утай оцепенѣлъ
И выпуча глаза смотрѣлъ.
Хозяинъ тотчасъ догадался
Какъ гость игрой его прельщался,
Свирѣль отбросилъ — началъ пѣшь,
Утай не могъ шутъ усидѣть.
Обнялъ хозяина драгаго
О мой хозяинъ дорогой
Нѣтъ имени тебѣ другаго.
Скажи, скажи: кто ты такой? . . .
— Скажу, герой премногочшимой
Лишь изцѣли меня отъ ранъ.
Соедини меня съ *Любимой*!
Я называюсь *Боянъ*.

Во градѣ Кіевѣ родился,
 Мною сей великій градъ гордился,
 Онъ *соловьемъ* меня нарекъ,
 Я былъ щастливый человекъ.
 Былъ при Владимирѣ при Князѣ,
 Въ чesтяхъ, обласканъ и почтенъ.
 Служилъ ему въ его Приказѣ,
 Князь былъ игрой моею прельщенъ.
 Онъ оплечать меня старался,
 Хоть Князь, но мнѣ онъ другомъ слылъ! —
 Но я не долго щастливъ былъ,
 Не долго жизнью наслаждался,
 Я младъ — во мнѣ вспылала кровь —
 И я почувствовала любовь.
 Въ одну влюбился я дѣвицу,
 Румяну, бѣлу, кругло-лицу,
 На ней жениться былъ готовъ,
 Но было знать судьбамъ угодно,
 Иль строгой участи моею,
 Чтобъ я на свѣтѣ жилъ безродно,
 Въ ночь *воробыниую* Кашей
 Безсмертный въ теремъ прилетаетъ
 Къ моему *Любилу* дорогой,
 Ее на спину полагаетъ,
 Детить — уноситъ въ теремъ свой.
 Тутъ начались мои печали,
 Какъ бѣшенный годъ бѣгалъ я;
 Лѣса, вершепы и поля!
 Лишь вы одни мой стонъ слышали!
 Но наконецъ въ святой сей лѣсъ
 Зашолъ я какъ-то ненарокомъ,

И думаю судьбой иль рокомъ
быль остановленъ путь мой здѣсь.
Мнѣ нѣкій голосъ неизвѣстный!
Но утѣшительный, небесный!
Твое пришествіе предрекъ,
Остановился, человекъ!
Такъ молвилъ голосъ — утѣшитель:
Любимы твоея спаситель
Сюда чрезъ полгода грядешь,
Мракъ кончится — настанетъ свѣтъ.
Имѣешь имя онъ *Утая*,
Се будетъ Чудо — Богатырь,
И изъ яйца произшекая
Онъ удивитъ собою міръ.“
И я въ восторгѣ, въ испугѣ,
Отколѣ гласъ былъ слышенъ мнѣ,
И обратился къ той странѣ
Воздать Богамъ благодаренье!
Построилъ хижину пошомъ,
Запасся разными вещами,
И утѣшаяся мечтами,
Свирѣлью, пѣснями, гудкомъ,
Такъ проводилъ сіи полгода,
Ждавъ твоего въ сей лѣсъ прихода:
Теперь ты вѣдаешь кто я,
И — повѣсть кончена моя,
„Боянъ, сказала Утай Бояну,
Ты будешь щасливъ не шути,
Утай твою излѣчишь рану.
Къ Кашею путь мнѣ покажи.
Сему *безсмертному* Кашею

Настрою тысячу я бѣдъ;
Сорву съ него сухую шею
И брошу пшцама на обѣдъ.
Недаромъ мать, сестрѣ, пвердила,
Сестра одна чтобъ не ходила —
Иль будешь очень худо ей.
На свѣтѣ есть лихой Кащей.
Ушѣштесь жены и дѣвицы,
Ощецъ, мать, дядя, мужъ и брать,
Нѣшъ! *старой болѣ синицы*
Пшеницы красной не клевать.
Ушай пословицею сею
Свою рѣчь кончилъ — замолчалъ;
Но что то подъ носъ бормоталъ.
Боянъ, къ безсмертному Кащею
Ему пущь миной показалъ.
Благодарить было собрался,
Но бормотанья испугался,
Красивы мысли расперялъ.
Не смѣлъ сказать Ушаю слова —
Ушай былъ очень разсержень.
Кащей — теперь судьба сурова
Тебѣ хорошій дастъ презвонъ!!

Мслвчъ.

С т и х и

По полученіи Докторскаго достоинства.
Филилка, въ два мига къ поршному мой мун-
дирь.

Да вышьетъ сребрены на рукавахъ пѣшлицы!
Дабы узналъ скорѣй подлунный, цѣлый мѣръ,
Что къ Докторской и я принадлежу станицѣ.
Се изъ школярства вдругъ на славы верхъ взне-
сень!

Забывъ мучительны и тяжкіе уроки,
Въ Дипломѣ лестныя теперь читаю строки —
Завидный жребій мой съ чѣмъ можешь быть
сравненъ? —

Цари и Короли, Марграфы и Герцоги,
Хошитель, чтобъ сказалъ всю истину я вамъ?
За ваши скинетры, не только *чорной тоги* (*)
Кусочка моего Диплома не ошдамъ!!

Мслвчъ.

(*) Докторской маншѣ или Докторскаго плаща.

Въ день Ангела

Большой бы былъ я простачина,
Когдабъ тебѣ, Александрина!
Въ твой день стиховъ не написалъ!
Предстань ко мнѣ, Филипъ (*)! скорѣе,
Настрой мнѣ лиру повѣрнѣе:
Ужъ я давненько не игралъ!

„Что? что? Филипъ ужъ лиры строишь!“... (**)
Прошу меня не беспокоить,
Но дальше слушать, Господа!
Коль призываю я Филипку,
Не лиру разумѣю — скрипку,
И балалайку иногда!

На скрипкѣ — у сосида хата. . . .
На балайкѣ — ей, ребята!...
Двѣ эти пѣсни я бренчу.

(*) Слуга мой.

(**) Сей вопросъ очень натураленъ. Филипъ досихъ поръ мнѣ строилъ только балалайки, что можно видѣшь изъ нѣкоторыхъ къ нему посланій.

И такъ прошу мнѣ не мѣшайте
выпросами не докучайте
На верхъ горы я полечу!

—

То не на Пиндѣ; а на Холодну, (*)
Штуку выброшу премодну!
На Холодной запою.
Гора Холодна, Пинда ниже,
А и гораздо Пинда ближе —
Хвалить штуку всякъ мою!

—

И помѣ и по сказать мнѣ должно,
То очень было бы безбожно,
Мнѣ Пиндѣ, Холодной предпочесть?
Гора Холодная воструха!
Вокругъ нее вездѣ сивуха,
Вначешь стихи невольно плестъ!

—

Юзя истоки вы Каспальски
Еѣ выпьете — нималомальски
Не будете веселы вы.
Югдажъ откупщика сивухи
Вы выпьете, хопъ полъ-осьмухи,
Такъ не поднимете главы!

—

Такъ называется въ Харьковѣ гора.

Но вотъ ужъ я и на Холодной!
Воспоргъ великѣй, благородный,
Комическѣй, мой обнялъ духъ:
Я вижу домъ Александрины, (*)
Къ стопамъ бросаю Райеки крины, (**) ≡≡≡
Прошу Юпишера я въ слухъ:

Дай Богъ, любезна Александра!
Чтобы печалей Саламандра
Бѣжала за сто верстъ отъ васъ!
Чтобъ вы лишь радости вкушали;
А мы бы менѣ страдали
Отъ вашихъ архимилыхъ (***) глазъ!

Мслвчъ.

4.

Посланіе къ Еликурейцамъ.

(Отъ брата Еликура.)

Друзья почтенные! съ прискорбіемъ сердечнымъ
Вѣсть огорчительну братья объявляетъ вамъ :
Проститесь долженъ я съ весельемъ быстро-
печнымъ
И ѣздитъ перестать къ красоточкамъ кумамъ!

(*) Эпошъ спихъ нелишній: съ Холодной горы видны всѣ
почти дома.

(**) Смот: Х. Д. 5 Но спашью 13.

(***) Читатели! простите за шакое неслыханное новое слово:
рифма и споа чего не засшавашъ сдѣлашъ! М.

Прощай, любезна радость наша;
 Вина Французскаго бутылъ!
 И ты, огромна пунша чаша,
 И Сербскій танецъ, и кадрилъ!
 Оставите нада васъ на время;
 Прощай, братъ *Дмитрій!* братъ *Андрей!*
 Хочу я философско сѣмъ
 Посвятить въ головѣ моей.
 Хочу, короче, заниматься,
 Забыть на мѣсяцъ винный сокъ;
 Во кучу книжну закопаться
 И этакъ испытать урокъ:
 „Какъ хочешь, такъ ты умудрайся;
 Смѣшной и жалкой человѣкъ!
 А непременно собирайся
 Окончить свой дурацкій вѣкъ.
 Хватай, хоть звѣзды, братъ! ты съ неба;
 И о безсмертѣи говори;
А улырати тобі треба, ()*
 Такъ лучше пей, да меньше ври.“
 На что намъ въ жизни сей фигуры;
 На что обманывать себя?
 Смѣшны, ей Богу! балагуры
 Всѣ философы для меня.
 За чѣмъ желать чего не можно,
 На что намъ Ангелами быть?
 Мы человѣки — намъ и должно
 По человѣку, братцы! жить.
 Смѣшные Стойки! швердите

(*) Малороссійская поговорка.

Себѣ подобнымъ мудрецамъ:
„Одни коренья лишь ядите,
Чтобъ быть угоднымъ Небесамъ;
Одну лишь воду вы вкушайте,
Забудьте женскій хитрый родъ,
Какъ можно больше изнуряйте
Вы смертну, брэнну вашу плоть;
Одной душою занимайся,
Будь больше, нежели челоуѣкъ,
Побольше сѣкъ себя старайся,
И швой блаженный будетъ вѣкъ!“

Пускай при васъ сѣе блаженство,
Мы вамъ охотно отдаемъ:
Не ужъ ли это совершенство,
Когда себя мы плешью бьемъ?
Когда въ бесѣдѣ мы довольны,
Спокойны совѣстью и вольны,
Коль есть краса, ѣдимъ и пьемъ,
Тогда лишь истинно живемъ.

✓Простите, братцы! я болтаю,
А право нѣкогда болтать,
Пустымъ лишь васъ я занимаю,
А нада къ дѣлу приступать.
Скорѣй прощайтесь со мною,
Опорожнимъ скорѣй бушылъ;
Остаться вашимъ радъ слугою,
Пока во мнѣ не станеть силъ.
Еще прощайте, братцы! оба,
Вашъ другъ, слуга и всѣ до гроба.

Мслечъ.

Разладъ Омегина съ Зенитовымъ.

Омегинъ. (Увидя Зенитова, въ сторону.)

Какой бы тощій иксъ на встрѣчу мнѣ тащился?

Зенитовъ. (Увидя Омегина, также въ сторону.)

Какой сюда медвѣдь Сибирской привалился?

Омегинъ.

Скажи, величина! откуда ты, и что?

Зенитовъ.

Скажи-ка, лодовѣдь! причину мнѣ, почто
олико дерзостно меня ты вопрошаешь?
Иль съ Альбиносами меня не распознаешь?

Омегинъ.

Фигурина твоя, изъ всѣхъ фигуръ уродъ,
Причиною была, что я открылъ свой рошъ.

Зенитовъ.

Хотя здѣсь близко нѣтъ ни Мелфиса ни Нила,
Но вижу я въ тебѣ престрашна крокодила;
Подобной гадины въ Европѣ не видашь:
Знаешь ты изъ Африки изволишь прискакать?

Омегинъ.

Ты безъ пропорцій рошище разбъаешь
И Периферию губами представляешь;
Иль хочется тебѣ, чтобъ я на лбу швоемъ
Сей палицей рѣшилъ десятокъ теоремъ?

Однакожь я тебя принужу согласиться,
Что съ *минусомъ* отнюдь не можетъ *плюсъ*
ужиться:

Ты *минусъ* — а я *плюсъ*; но та *величина*,
Что съ *положительнымъ*, *массистѣй* создана:
Зенитовъ.

Изрядное, сударь! сварганилъ ты сравненье!
Убрался бы ты съ нимъ въ *Курильское селенье*,
И циркулемъ своимъ безмозглымъ *дикарямъ*
Чинилъ бы правильной размѣръ худымъ ладьямъ,
Дельфиновъ бы считалъ, *тюленей* въ *Океанѣ*...
Я чаю, ты слыхалъ о славномъ томъ *болеанѣ*,
Колоссѣ, въ старину что въ *Греціи* стоялъ,
И корабли межъ ногъ большіе пропускалъ:
Великъ болванъ-та былъ, да мозгу не бывало;
Межъ нами сказано, въ тебѣ тожь мозгу мало.

Омегинъ. (Съ гнѣвомъ.)

Когда бы я рычагъ въ рукѣ своей держалъ,
Тебя бы плотно имъ за дерзость наказалъ:
На *плоскости* спины, на *скулахъ* безобразныхъ,
Мильоныбъ начертилъ *линей* разнообразныхъ,
Изъ носа сдѣлалъ бы ужасной *полигонъ*,
И лишнихъ на бокахъ прибавилъ бы *сторонъ*;
Рѣша на *лысинѣ* искому *квадратуру*,
Исправилъ бы твою *неправильну* фигуру....

Зенитовъ.

Когдабъ на мѣстѣ семъ высокой *пополь* росъ,
Или *Уральской кедръ*, иль *Индійской кокосъ*,
Или хотя бы *дубъ Россійской* уродился,
Желалъ бы я, чтобъ ты на ономъ *удавился*...

Однакоже пойди на картѣ поискать
дальнѣйшихъ острововъ, кудабы тебя сослать.

Олегинъ.

Идупай, а я межъ тѣмъ примуся за счисленье,
даровъ сто тебѣ готовлю въ награжденье,
и ихъ съ фигурую твоею я сличу;
послѣ на спинѣ задачу ту рѣшу!

(расходятся).

О. Соловъ.

6.

Орангутангъ и Лисица.

(Басня.)

У! назови ты мнѣ какую хочешь птицу,
или звѣря, коемубъ не могъ я подражать?
Такъ вопрошала Орангутангъ Лисицу).
Ты мнѣ можешь ли назвать
что не звѣря, поросенка,
которой бы хотѣлъ тебя перенимать?
Лисица Веллингтонъ, а обезьяна Бонька.

Мслевъ.

Балалаишная лѣснь.

(На Миръ 1815 года.)

И. Д. К.

Почтенный Книгинь! ты хотѣлъ,
Дабы я проигралъ на лирѣ;
Но балалайка мой удѣлъ,
И я брянчу на ней о Мирѣ.
Владѣеть лирой лишь Пиндаръ,
А мнѣ какъ съ Грекомъ симъ сравниться?
Припомъ же къ лирѣ нужень жаръ,
А слѣдственно и *кадъ* и *ларъ*,
Такъ голова и разболится!
А голова когда болишь,
На свѣтѣ всё равно не жить;
Такъ лучше съ лирой не дружиться.
Позволь Масловичу, чтобъ онъ
Такъ, какъ глава *рифмачей* шайки,
Тебѣ поднёсь не лиры звонъ,
А звуки хриплой балалайки!

Балалаишная лѣснь.

Филипъ! гдѣ наша балалайка?
Возьми ее, да заиграй-ка,
Хоть *Барыню*, хоть *Третьяка*;
А я возьмуся за бока,
По Руски или по Хахлацки
Раза два, шри, пройдуся хващски!

Дипломъ бумаги приготожь:

Въ восторгѣ я писаешь готовъ.

Опяшь вселенной Миръ дарованъ!

Аполеоншка пойманъ, скованъ,

На край земли его везушь!...

Сажь, Филипкь! мнѣ какъ тупъ

Твой баринъ можешь удержишь,

Чтобъ не запѣть, не расплясаться?

Ну! такъ, Филипъ! играй, играй,

И гоцоцоцо припѣвай!

Кроме, будь мнѣ Аполлономъ,

И хриплымъ балалайки тономъ

И ты уши восхищай.

Евтерпа будетъ пусть Параска,

И вотъ и музыка и пляска!

Филипка балалайку взялъ,

И ужъ бранчить и припѣваетъ;

Ноя Евтерпа выступаетъ...

И тоже праздно нестоялъ.

Параску тучну взялъ за руки,

И брасывалъ часъ съ нею шуки!

Тенерь въ пошу и изнурѣнь,

На креслѣ важно отдыхаю,

И леновой лиры строю тонъ,

И спѣшь я Миръ предпринимаю.

О Миръ! ты съ самыхъ первыхъ лѣтъ

Дохожь на вѣтренную моду:

И другъ есть, потомъ мгновенно нѣтъ;

И радость Миръ такой народу.

Пожалуста, красавчикъ Миръ!

Дребудъ у насъ хоть Ноя вѣки,

Я побѣ отдохнуль подлунной Мїръ,
Щасливѣй стаи человѣки.

Когда захочетъ Бонька къ намъ
Пожаловать къ несчастнымъ въ гости,
Сердитымъ повели волнамъ
Сокрыть его въ пучину коети.

Уже, ей Богу! мочи нѣтъ
Лишь жечь, колоть, стрѣлять, рубиться;
Я вѣрить не хочу, чтобъ свѣтъ
Не могъ безъ брани обойтись.

.
: : : : :
: : : : :

8.

Ученость въ Парадѣ.

Се вся ученость нынѣ по формѣ нарядилась,
И прицѣпивъ къ бедру шпаженку, прибодри-
лась!

Смотри, какъ храбро иксъ, со шляпой подѣ пле-
чомъ,

къ парадѣ выступилъ, какъ гранодеръ съ
ружьемъ;

Стряхнувъ съ себя табакъ, и пыль, и паушину,
Онъ вздернулъ съ гордостью задумчиву ли-
чину.

Смотрише! шествуетъ въ сребристомъ блескѣ
газъ,

Какъ Зевсъ во облакъ фосфорномъ къ намъ не-
сясь.

Дивитесь пышности, наряду магнетизма,

И величавости угрюма силлогизма.

Въ весельи Каншицизмъ тамъ изъ ботфортъ
торчитъ,

Какъ франтъ по улицѣ Эстетика летитъ.

Смотрите странную и рѣдкую фигуру,

Смотрите пляшущу кадрили Литтературу!

Парадный видя сей, ученый Легіонъ,

Въ тупикъ бы кажется Виргилій сталь Ма-
ронъ,

Рафаель, Апеллесъ штандартъ бы прекло-
нили:

Они вить маляры, а не Гогаршы были.

9.

К ъ ф о р т у н ѣ.

Ну, фортуна! я съ тобою

Примираюсь теперь:

Ты мнѣ на главу надѣла

Славный Докторскій колпакъ!

Но, фортуна! я умѣю

Благодарнымъ быть и самъ;

Ты не видишь, ты слѣпая,

Я же Докторъ, и въ моей

Волѣ пилы и пилюли,

Красны, бѣлы порошки,

Разны справки и муравки:
Стану думать день и ночь,
Какъ бы бѣдненькой фортуны
Вставить зрячіе глаза!
Но однако я заврался:
Вошь и видно по всему,
Что я Докшоръ настоящей!
А вѣтъ Докшоровъ удѣлъ,
Обѣщать какъ можно больше,
Не исполнишь ни на грошъ!
Вѣдь судьбой опредѣленно,
Чтобъ фортуны быть слѣпой!
Какъ же, какъ же мнѣ возможно
Часть зрѣніемъ снабдить?
Ну, фортуночка! прости же,
Объяснился я не такъ;
И хотѣлъ сказать сударка!
Вошь что милости твоей:
Что въ твои глазныя ямки
Вставляю пару кашышковъ,
Изъ чудеснаго состава:
Будутъ лучше глазъ они!
Хоть они и непрозрачны,
Барышня! но вѣрше мнѣ,
Actio ихъ будетъ таже,
Pariter отъ Зевса глазъ!
Вошь какой рецептъ, фортуна!
Сочиняется для васъ:
Мази я *благоразумья*
Взять желаю цѣлый грань;
Осторожности два грана,

И прибавя порошокъ
 Подъ названьемъ *дальнобидный*,
 Весь составъ смѣшаю я,
 Славнымъ сокомъ *постоянства*.
 Хорошенько оболую,
 И изъ этой ужъ лепешки
 Два шара я сотворю.
 Кажется, что будетъ можно
 Этимъ очи замѣнить.
 Вижу многіе Вельможи
 Смотрятъ волкомъ на меня:
 О! конечно, всѣмъ щастливцамъ
 И случайнымъ будетъ *мать*,
 Коль, фортуна! ты узнаешь
 Всѣ погрѣшности свои.
 Кто чрезъ женочку смазливую
 Получилъ себѣ чины,
 Ордена и денежки,
 Скажетъ *щастье баста* тѣмъ,
 Кто сначала чрезъ поклоны,
 Черезъ лестъ и язычокъ,
 Высоконько взгромоздившись;
 Спаль потомъ надуть, слѣсивъ;
 И тому фортуна пѣсню
Баста, баста запоетъ;
 А подъ случай, чтобъ и въ Бурсу
 Не отправила назадъ!
 Словомъ, вамъ лишь, добры люди!
 Вамъ, достойные умы!
 Вамъ однимъ начнешь фортуна
 Изливать свои дары.

Но сѣе тогда случится;
Какъ составляю я шары;
А на это мнѣ потребно
Миліонъ и больше лѣтъ!!

Мслѣвъ!

Ю.

М е р з и л к и н ъ

и л и

Рускій выродокъ превратившійся въ офран-
цузенную гадину.

Правдининъ! хочешь ты, чтобы красками жи-
выми

Я смѣлой кистію потъ гадъ изобразилъ,
Который красою и прелестями своими
И жабъ, и черепахъ, и крысъ всѣхъ помрачилъ.
Въ болотѣ ни въ одномъ, ни въ лужахъ, безъ со-
мнѣнья,

Нѣтъ твари столько же достойныя презрѣнья,
И въ адѣ молодца такого поискашь,

Ктобъ гнусностью его могъ перецеголять.
Преславна издревле была всегда Россія;

Но какъ же развелись въ ней гадины такія?
Великой матерью могли бы быть рождены
Толь безобразные, уродливы сыны?

Не Руская душа, не храбрость въ нихъ Ге-
ройска,

Душишка мѣлкая и подлость въ нихъ заморска;

Французчина, какъ моль, поѣла весь ихъ мозгъ,
Забыть къ отечеству привязанности долгъ!

Не чesть ихъ движеть, нѣтъ! ихъ мучить
то сердчишки,

Чтобъ свѣтъ зналъ, что они Французскіе мар-
тышки.

На что имъ съ предковъ брать похвальнѣйшій
примѣръ?

Французовъ мало ли сорвавшихся съ галеръ?

А какъ прибѣгнуть пожъ къ Французскимъ и
Мамзелямъ,

Которы свѣтъ прошли шаскаясь

И всяку всячину видали надъ собой,

То нужно ли искать науки ужъ другой?

Тогда жеманься, ври, повѣсничай, кривляйся

И надъ невѣжествомъ Россіянъ насмѣхайся,

Которы добрый нравъ и здравый смыслъ хра-
нятъ,

И что всего глупѣй, по Руски говорятъ!

— *Fi donc!* какъ варварскій языкъ сей грубъ, не
тохъ вѣтъ складень!

Французскій *au contraire* божественъ, деликатень.

Когда бы намъ Монархъ издалъ такой законъ,

Чтобъ по Французки вралъ всякъ Руской *du*
bon ton,

Чтобъ иначе болтать не смѣли бы Дворяне!

А елибъ свой языкъ забыли и мѣщане,

И самый наконецъ преподлый нашъ мужикъ

Французскій полюбилъ пренѣжный толь языкъ:

Какія бь времена блаженные настали!

Мы офранцузившись гугнявить всѣ бы спали,

И въ просвѣщенїи явилибъ тѣмъ успѣхъ,
Что въ вышней степени былабъ у насъ у всѣхъ
Французская и жизнь, и нравы, и химеры,
То есть, ни вѣрности къ Царямъ, ни къ Богу
вѣры,

Ни глупой совѣсти, ни робкаго стыда,
У новыхъ Россїянъ не стало бы тогда!
Не толи самое, жеманясь по Французски,
Насвистываешь ты, Мерзилкинъ! про себя?
Не частоль ропщешь ты, что твой отецъ былъ
Руской,

И что не санкѣлотъ пустилъ на свѣстѣ тебя?
Послушайка, Мусье, не господинъ, Мерзилка!
Не лай на Рускихъ ты, французить позабудь;
Ты вспомни наконецъ, что есть въ Россїи кнутъ,
Что не минетъ тебя въ Парижѣ Камчатской
ссылка.

На лыжахъ щеголять какъ станешь по снѣгу:
Скажи тогда себѣ: *команъ-ву-портеву?* —

Нахимовъ.

II.

Основаніе Харькова.

Глава вторая.

Прїятно въ зимній вечерокъ,
Коль у огня друзья полкругомъ
Сидятъ, и курятъ табачокъ,
И точатъ балы за досугомъ.

Любезность, искренность, любовь,
 У нихъ въ бесѣдѣ засѣдають;
 Изъ нихъ тамъ каждый безъ чиновъ;
 Тамъ ближняго не обижаютъ,
 Тамъ истинна веселость есть,
 Никто въ бесѣдѣ ихъ не связанъ.
 Вельможи! что мнѣ ваша честь?
 Я къ вашей жизни не привязанъ;
 Когда со мной мои друзья,
 Когда имъ сказываю сказки,
 Ненадобны мнѣ ваши ласки,
 Царей тогда щастливѣй я!
 Не такъ ли, другъ почтенный Дмитрій?
 Не пожель скажешь, братъ Андрей?
 Хоть будь вѣнцомъ украшенъ, митрой,
 Но естли нѣшь съ тобой друзей,
 Твой жребій стоишь сожалѣнья.
 Ахъ! какъ тогда на свѣшѣ жить,
 И съ кѣмъ, скажите, раздѣлишь
 И радости и сокрушенья?
 Но братъ мнѣ Дмитрій! говоришь:
 За чѣмъ, Масловичъ! ты болтаешь,
 За чѣмъ известное твердишь,
 А повѣсти не начинаешь?
 Сей часъ, любезный мой! сей часъ,
 Имѣй короткое терпѣнье:
 Дай мой исправлю грокомъ гласъ,
 И ты мое услышишь пѣнье.

Знать таки пришли вже годы,
Щобъ веселымъ бутьи годи!
И не можно человеку
Безъ каласты кончить вичу.

Що моя Галуся робе?
Мабуть доси вже во гробѣ!
Мабуть доси Ангелочикъ
Иі душу взялъ въ Раѣчикъ! (*)

Якивъ, бѣдна сиротина!
Муче зла тебе година,
Гоне, риже и терзае,
Съ любовою Галкою разлучае!

Сдилай милость, смилиуйсь долю!
Прогонны вить мене болю!
Потишишь мор, поради сердце,
Ему гирько такъ, якъ въ перци!

Колы буде твоя воля,
Що потишишь мене, доля!
Мабуть я и ворогуюся,
Поживу съ тобой, Галуся!

Люба Галко! не журися,
Лучше Господу молися,
Мабуть я и ворогуюся,
Поживу съ тобой, Галуся!

(*) Простолюдимы думаютъ, будто бы предъ смертію праведнаго прилетаетъ Ангель за его душою и уноситъ ее въ рай, а душу грѣшника шатають Ангелы въ адъ или, по ихъ нарѣчію, въ пекло. М.

Такъ пѣлъ горе-богатырь,
Мечтой услаждался,
Лошадь въ Куряжъ монастырь (*)
Гнать скорѣй старался,

Потому, что дождь и громъ,
Вѣтеръ, градъ и молнья!
Вотъ ужъ виденъ Божій домъ,
Вотъ и колокольня!

Бѣдный Яковъ весь измокъ,
Въ ворота стучится,
Но на воротахъ замокъ;
А монахъ боится!

Громъ сильнѣй межъ тѣмъ гремитъ,
Ударъ за ударомъ;
Яковъ пожъ сильнѣй стучитъ,
Всё однако даромъ.

Отъ него не вдалекѣ
Дубъ гнилой свалился;
Больно Якова рукѣ:
Онъ стучалъ, крестился.

Бѣдный горе-богатырь!
Всюду неудача,
Не пускаютъ въ монастырь,
И убиша кляча!

(*) Отъ Харькова въ девяти верстахъ находится Монастырь
называемый Куряжскимъ.

Яковъ жалкій во слезахъ
Лошадь обнимаетъ;
Слышишь стукъ давно монахъ,
Да не опираетъ.

Отъ чего свяшой монахъ
Вратъ не отворяетъ?
У кого металъ въ рукахъ,
Громъ тѣхъ побиваетъ.

Чтобъ ворота отпереть
Нада ключъ железный,
А какъ вдругъ начнетъ гремѣть,
Вѣкъ и кончи слезный.

Пусть прохожій подождетъ,
Къ намъ рубашка ближе,
Быль монаховъ всѣхъ совѣшь.)
Яковъ! подожди же.

У кого святы отцы
Физикъ учились?
Въ ней большіе хитрецы
Они учинились!

Не задолго передъ симъ
Гость монахъ согбенный,
Нареченный Еронимъ,
Здѣсь былъ угощенный.

Слава года три почти
Объ немъ разносима:
„Будетъ Еронимъ идши
Изъ Ерусалима.

Онъ желаетъ посѣтить
Каждую обитель,
Въ нихъ молебны отслужить,
Чтобъ простилъ Спаситель!“

Баба между тѣмъ Молва
Свое говорила:

„Еронимъ, свята глава,
Гдѣ ни проходила,

Строить всюду чудеса,
Больныхъ исцѣляетъ,

Онъ незрячимъ очеса
Зрячія вставляетъ!

Онъ пріятель Небесамъ,
Святъ и преподобенъ!

Чуть ли не Никола самъ,
Иль ему подобенъ!“

Сей то славный Еронимъ
Пробылъ часъ здѣсь лишку

И хозяевамъ своимъ
Далъ въ подарокъ книжку:

Какъ себя оберегать
Отъ грома и молнии:

Яковъ! нада подождать
Подлѣ колокольни!

Пересталъ сердиться громъ,
Молнья не блистала,
Литъ дождь престалъ ведромъ:
Всѣ какъ прежде стало.

Лишь гнилаго дуба нѣтъ,
Нѣтъ коня: убитый!
Да нашъ Яковъ не согрѣшь
И еще сердитый!

Ворота монастыря
Наконецъ открыли;
Мокраго богатыря
Наконецъ впустили.

Обсушили тамъ его,
Славно накормили;
И за это ничего
Съ рыцаря не сбрили!

Есть обычай на Руси:
Въ хижинѣ и въ келѣи
Странникъ, что ни попроси,
Пить ли, ѣсть, постѣли;

Всѣмъ хозяинъ радъ служить;
Се черта народа!
Вотъ чего искоренить
Не успѣла Мода!

Яковъ у отцовъ гостилъ
День лишь съ половиной,
Два молебна отслужилъ,
Въ путь пошелъ съ кручиной.

Ужъ шестой онъ день идетъ,
Крымецъ вдругъ на встрѣчу
Ѣдетъ гордо и ревешъ:
Дай учинимъ сѣчу!

Ахъ ты мерской бусурманъ!

Яковъ восклицаетъ;

Трогаешь смѣешь Христѣанъ,

Въ сердцѣ продолжаетъ;

Нажился знать въ жизни сей!

Вотъ тебѣ подарокъ!

Жонъ, проклятый! не имѣй

Четырехъ Татарокъ.

Послѣ, гордаго пронзиль

Въ самую печонку,

И съ поспѣшностью вскочиль

На его клячонку.

Тутъ хотѣлось покривить

Рыцарю душою,

Но Татаринъ былъ обрить,

А не съ бородою.

Хоть не хочешь, но впередъ

Скачетъ по неволѣ;

Какъ на зло ему, бородъ

Нѣту въ чистомъ полѣ.

Скачетъ день, и день еще,

Полонъ нетѣрпенья,

Ищетъ бороды вошще....

Видитъ лишь каменья. (*)

(*) По Екатеринославской дорогѣ видно и теперь множество
безобразныхъ каменныхъ шапуй.

Кончимъ здѣсь вторую часть,
Замолчимъ, ни слова!
Коль случится намъ попастьъ
Въ журналисты снова,

Слово вѣрное даемъ
Кончить бѣдныхъ муки:
Въ третьей части допоемъ
Якова всѣ штуки.

Мслвчъ.

Продолженіе впрѣдъ.

II.
ПРОЗА:

12.

Письмо Русскаго Солдата.

Когда я просилъ у васъ совѣща, можно ли мнѣ, не такъ какъ критику, а какъ просто мыслящему солдату, открыть мысли свои о журналахъ, въ то время я не воображалъ, что напечапавъ письмо мое вы обяжете меня нѣкоторымъ образомъ выполнить сіе намѣреніе. Признаюсь, что я даже забылъ о немъ до тѣхъ поръ, пока (и то довольно поздно) не взялъ вашего журнала въ руки. Но теперь вижу — надобно что нибудь сказать. *Журналъ* великое слово! я объ закладъ бьюсь, что не всякой, кто ихъ читаетъ, понимаетъ значеніе слова, а естли и думаетъ, что понимаетъ, то (какъ говорятъ) навыворотъ. На примѣръ, начиная съ самаго издателя: онъ печатаетъ въ мѣсяцъ, въ полмѣсяца или, много, въ недѣлю нѣсколько листковъ всякаго сбора въ прозѣ и въ стихахъ ходячихъ прямо и хромыхъ, и называетъ свои листки журналъ. Я совѣтовалъ бы ему сходить въ полковую канцелярію (другихъ я не знаю и боюсь какъ

языку) и спросишь у писаря, что значить журналъ? Онъ отвѣчалъ бы емъ: Г. М. журналъ есть ежедневная записка всѣхъ бумагъ полученныхъ и отправленныхъ. Опшуда пожалуй пусть зайдетъ къ купцу, казначею и проч. и спросишь у каждаго, что въ журналъ онъ записываетъ? Тотъ покупку и продажу, тотъ приходы и расходы, ученой свѣженькія мысли, волокита (*) имена новыхъ знакомыхъ мало заботящихся о его знакомствѣ, лѣкаръ домы пациентовъ; да я и конца бы не нашелъ журналамъ, т. е. дневнымъ запискамъ (а мнѣ кажется М. Г. журналъ иначе перевести нельзя): ихъ не тысяча одинъ, а безъ числа. И такъ, кончися іа спашья шѣмъ, что всѣ почти такъ называемые журналы не суть журналы, а мѣсячники, полу-мѣсячники, недѣльники. За симъ слѣдуетъ: на какой конецъ сіи мѣсячники и проч. выходятъ на свѣтъ? Здѣсь я скажу, что выдумка журналовъ

(*) Подъ симъ словомъ я разумѣю того, кто въ одинъ день обѣгаетъ цѣлой городъ, и по неволѣ къ вечеру отъ усталости волочитъ ноги. Едва ли не приличнѣе сіе названіе такого сорпа людямъ, а не шѣмъ, кому оно обыкновенно дается; доказательство, какъ несправедливо иногда названія изображаютъ вещь.

есть прекрасное, безподобное дѣло. Не кшапи бы мнѣ говорить по ученому, но нельзя миновать, чѣмъ не сказать чего нибудь о ихъ началѣ: всѣ почти принимаютъ Франціи и Гну Сало, Совѣшнику Парижскаго парламента, изобрѣшеніе журналовъ шаковыхъ или подобныхъ, какъ мы ихъ видимъ. Онъ началъ издавать въ 1665 году журналъ ученыхъ (Journal des Savans). Самое названіе, кажется, показываетъ, что ученые, истинные или самозванные, присылали къ издателю свои сочиненія или замѣчанія. Предо мною лежишь книга, изъ которой могъ бы я выписать всю исторію журналовъ отъ ихъ сотворенія до сего дня; но судя по себѣ я знаю, какъ несносно чипать вздоръ безъ вкуса и безъ соли для того только, что онъ пахнетъ ученостію. Намѣреніе мое сказать слова два о пользѣ журналовъ (каковы они ни есть), да и тушь бѣда! объ нихъ такъ много писали, что писалъ ничего не осталось. Объ иномъ журналѣ говорятъ иногда слишкомъ много, но тогда рѣдко отдають ему должную справедливость; а о другомъ совсѣмъ ничего не говорятъ: это еще хуже! Но послѣ всѣхъ сужденій и пересудовъ

журналы останутся бесполезною и при-
пущею каждому любителю просвѣщенія
выдумкою. Журналъ не для вѣчности;
одно имя и намѣреніе его оправдываетъ.
Я сказалъ бы Гмъ спрогимъ кришикамъ:
„Государи мои! какъ вы объ шомъ поду-
маете, кто слушая умнаго и веселаго
человѣка, которой своими разговорами нау-
чаетъ и забавляетъ собраніе, съ педант-
скою важностію подступитъ къ нему и
скажетъ: вы говорите умно и прилично,
но позвольте вамъ замѣнить, что вы не
сегда говорите то, чего мнѣ хочется;
вы говорите кснати, но это чрезъ нѣ-
сколько времени не будетъ больше кснати;
иногда вы говорите о предмѣсахъ,
которые я не очень понимаю; вы дѣлаете
наставленія бытъ сострадапельнымъ и
человѣколюбивымъ, а я не всегда бываю
къ тому расположенъ; вы смѣшите дру-
гихъ осмѣивая меня: за то я вамъ вѣчно
не прощу и буду ругать ваши разговоры
пока доспаветъ у меня горшани. „Я слы-
шу, кажешся, опвѣтъ сего почтеннаго
человѣка: „мой другъ! по долгу хрисіян-
ства и человѣчества я сожалѣю о вашей
горшани и даю вамъ дружеской совѣтъ
никогда меня не слушать.“ Не таковы ли

крипики журналовъ? Всякой знаетъ, что въ нихъ есть слабыя піесы, да и крипики не безъ слабостей. Что касается до меня, по совѣсти вамъ скажу, что съ сердечнымъ удовольствіемъ я читаю многія піесы въ Украинскомъ Вѣстникѣ (*): старинныя извѣстія о родной сторонѣ и самыя маловажныя должны быть каждому милы, естли онъ не болванъ деревянно - иноспранной; видѣть успѣхи благотворительности и просвѣщенія въ отечествѣ еще милѣе; даже просто литературныя піесы многія очень занимательны. За часъ предъ симъ съ сладкимъ чувствомъ я читалъ піесу Юстинъ или доброй братъ: чегожъ вамъ хочешся, Гда спроегіе крипики? Вы можете и смѣяться и плакать съ удовольствіемъ, а всё ворчите; естлижъ вы ни плакать ни смѣяться не можете отъ добраго сердца, а только судорожно, совѣтую вамъ не читать не только журналовъ, но и Бовы Королевича. Простите, Мил. Гос. спѣшу къ должности, пишу наскоро (**);

(*) Гнѣ издатель и всякой читатель догадается, почему я не хвалю Демокриша.

(**) Прошу покорнѣйше сдѣлать замѣчаніе, что для журналовъ писать на скоро есть вещь простибельная: кпо

надобно было что нибудь написать, а теперь уже се число. Позвольте сдѣлать также послѣднее прощальное почтение вашему журналу, которой, какъ я слышала, кончается. Поздравляю васъ съ освобожденіемъ отъ тяжкаго ига, и чеснѣ имѣю быть

Вашимъ истиннымъ почтительнымъ и покорнѣйшимъ слугою

Руской Солдатъ.

захочешь шрудиться по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ знавши навѣрно, что шруды его чрезъ недѣлю будутъ лежать въ табачной лавкѣ, а много что подъ лавкою.

Хорошая и дурная нога.

(Изъ Франклина.)

Въ свѣтъ естъ два рода людей: имѣя одинакое здоровье, одинакое богатство, одни бывають щастливы, а другіе нещастливы. Это происходитъ по большой части отъ различныхъ почекъ зрѣнія, подъ кошорыми разсматривають вещи, людей и произшествія, и отъ дѣйствія, какое сія разность производитъ въ ихъ душѣ.

Люди, въ какомъ бы ни были положеніи, могутъ имѣть пріятности и невыгоды; въ какомъ бы обществѣ ни находились, могутъ найти людей съ большею или меньшею любезностію; за какимъ бы споломъ ни сидѣли, имъ подають кушанья и напитки лучшіе или худшіе, блюда хорошо или худо приготовленные; въ какой бы землѣ ни жили, у нихъ бываетъ хорошее и дурное время; подъ какимъ бы ни находились правительствомъ, имѣють хорошіе и худые законы, и сіи законы могутъ быть исполняемы хорошо или худо; какую бы поэму или сочиненіе, генія ни читали, могутъ видѣть ошибки, красоты и недоспашки; наконецъ на всѣхъ почти лицахъ, во всѣхъ почти людяхъ, можно

усматривать черты тонкія и черты несовершенныя, качества хорошія и худыя.

Въ такихъ обстоятельствеяхъ два рода людей, о которыхъ мы говорили, принимаютъ различныя впечатлѣнія. Которые расположены къ счастью, тѣ обращаютъ вниманіе на одно пріятное въ вещахъ и веселое въ разговорахъ, на хорошо приготовленные блюда, на вкусныя вина, на прекрасное время, и наслаждаются съ удовольствіемъ; которымъ же назначено судьбою быть несчастливыми, тѣ примѣчаютъ противное и ни о чемъ о другомъ не разговариваютъ, опъ чего они всегда недовольны и печальными своими замѣчаніями возмущаютъ удовольствіе общества, оскорбляютъ многихъ и дѣлаются въ тягость вездѣ, гдѣ бываютъ.

Если бы такія склонности несчастные получали опъ природы, то они достойныбы были великаго сожалѣнія. Но какъ разположеніе крипиковать, находить во всемъ худое, появляется, можетъ быть, сперва опъ подражанія и непримѣтнымъ образомъ превращается въ навѣкъ, по извѣстно, что имъ можно избавиться опъ привычекъ, какъ скоро они будутъ увѣрены, что онѣ нарушаютъ ихъ спокой-

ствіе. Надѣюсь, что сей маловажный совѣтъ будетъ для нихъ небезполезенъ, и они откажутся отъ такой склонности, копорая, хощя внушаема воображеніемъ, имѣетъ невыгодныя слѣдствія въ продолженіе жизни и причиняетъ печаль и бѣдствіе истинное.

Никто не любитъ ругателей, копорые всякому готовы наносить обиды. За то съ ними всегда обходятся съ холодною учтивостію; не рѣдко даже и въ этомъ отъказываютъ имъ, что самое ожесточаетъ еще болѣе ихъ и доставляетъ имъ какъ бы случай къ сильнымъ спорамъ и ругательствамъ. Если они желаютъ занять важныя должности и умножить свое имѣніе, никто не принимаетъ участія въ ихъ успѣхѣ, не дѣлаетъ ни шагу и не скажетъ ни слова въ ихъ пользу. Если получаютъ отъ кого укоризны или подвергаются какому нибудь несчастію, никто не захочетъ ни защищать ихъ ни оправдать. Напротивъ, множество непріятелей осуждаетъ ихъ поступки и всячески старается привести ихъ въ совершенную ненависть. И такъ, если они не перемѣняютъ навыка и не удостоиваютъ почитать прекраснымъ то, что

въ самомъ дѣлѣ прекрасно, безъ всякаго огорченія, какъ для самихъ себя, такъ и для другихъ; но всякой долженъ избѣгать ихъ: ибо мы всегда встрѣчаемъ неприятности, естли имѣемъ соотношенія съ такими людьми; особливо естли къ несчастію бываемъ замѣшаны въ ихъ ссорахъ.

Одинъ старой философъ изъ друзей моихъ чрезъ опытность сдѣлался слишкомъ недовѣрчивъ къ такимъ людямъ и всячески старался неимѣть ни малѣйшей связи съ ручашелями. У него, какъ и у прочихъ философовъ, былъ термометръ, по которому, узнавалъ онъ степень теплоты въ атмосферѣ, и барометръ по которому напередъ зналъ, каково будетъ время, хорошее или дурное. Но какъ не изобрѣли еще такого инструмента, по которому можно бы было, при первомъ взглядѣ, узнать, какой кто имѣетъ характеръ, въ такомъ случаѣ мой философъ пользовался ногами. У него одна нога была очень хороша, а другая крива и безобразна.

Естли бы въ первый разъ видѣлъ челоѣка, которой болѣе смѣрѣлъ на кривую ногу, нежели на прямую, то онъ

не догадывалъ ему; а есѣли эпопѣ чело-
вѣкъ, говоря съ нимъ о дурной его ногѣ,
не сказывалъ ничего о хорошей; то не
нужно ему было никакого доказательства;
и философъ не имѣлъ съ нимъ болѣе ни-
малѣйшей связи.

Не у всякаго изъ насъ есть столь
прекрасный двуножный барометръ. Но вся-
кой, употребивъ небольшое вниманіе, мо-
жетъ примѣчать признаки такого худого
разположенія, изыскивать ошибки и рѣ-
шится избѣгать знакомства съ тѣхъ, копо-
рые, по несчастію, имѣютъ такіа слабо-
сти. И такъ, я совѣтую симъ язвитель-
нымъ, злымъ, недовольнымъ людямъ, не
смотрѣть на кривую ногу; если они хо-
пятъ заслужить уваженіе, быть люби-
мы и жить щасливо.

III.
С М Ъ С Б.

I.

Пѣвецъ во станѣ Еликурейцовъ.

Друзья собранье уладимъ,
Вино стоитъ предъ нами,
Дай два вѣдра опорожнимъ,
Украсимся вѣнками!

Кому судьбою здѣсь дано,
Возможныя всѣ средства,
Чипобъ пить хорошее вино,
Такъ шопъ не знаетъ бѣдства!

Пустое полно говоришь,
Забудемъ плута Боньку. . . .
Не лучшель намъ винца налишь
И выпилъ полегоньку?

Тебѣ сей кубокъ голова
Цвѣши швое здоровье!
Ты наши выслушай слова
И подпиши условье:

Ты яко первый пѣла членъ,
Будь намъ пишья примѣромъ:
Теперь съ тобой контрактъ свершенъ;
Не смѣй быть лицемѣромъ!

Х о р ь

Теперь съ тобой контрактъ свершенъ;
Не смѣй быть лицемѣромъ!

А ты почтенный нашъ
Ты мудрый нашъ поимель!
Будь весель духомъ и здоровъ
И будь намъ Предводитиель!

Х о р ь

И будь намъ Предводитиель!

А ты любезный нашъ Иванъ,
Хоть пуншу пить не любишь;
Но дай тебѣ вина стаканъ,
Ты пить усердно будешь.

Всегда ты эдакъ поступай:
Ты слава всѣхъ Ивановъ!
Скорѣ Дмитрій наливай. . . .
Здорово Т.

Друзья, кто может позабыть,
Почтенна М.
Такъ долженъ потъ принаровить
Себѣ сѣи два слова.

Извольте слушать вотъ онѣ:
Кто здравье пить его не будетъ;
Такъ потъ привержень сапанѣ
И добрыхъ потъ не любишь!

Х о р ь

Пѣвецъ, слова твои напрасны,
Мы выпить въ честь его согласны.

Теперь пришла чреда твоя,
Полковникъ храбрый
Ты жить не хочешь для себя;
Не любишь барскихъ вздоровъ!

Твое здоровье залпомъ пьемъ:
Живи на многи лѣта!
Тебѣ въ честь пѣсни мы поемъ,
Живи твоя!

Х о р ь

Твое здоровье залпомъ пьемъ,
Живи на многи лѣта! и проч.

А ты прїятный нашъ Андрей,
Когда играешь на кларнетѣ. . . .
Услада ты компанїи всей!
И всё тебѣ пустое въ свѣтѣ!

Х о р ь

И всё ему пустое въ свѣтѣ!

Твое здоровье выпьемъ мы,
Ударимъ руку въ руку;
Веселы изостримъ умы,
И выдумаемъ штуку!

А ты веселья сынъ и штука!
В. нашъ
Прямой ты Демокришовъ внукъ,
Собранїи нашихъ генїй!

Всякъ выпить въ честѣ твою гошовъ,
Всегда такой лишь буди —
На что калякать много словъ:
Здоровы добры люди!

Друзья, еще покаль винца
Мы выпьемъ за здоровье
За С. хитреца,
И вотъ ему присловье:

Тебя мы производимъ въ чинъ:
Ты виночерпцомъ украшайся!
Опнюдь не смѣй имѣть личинъ,
И пьянымъ бышь не припворяйся!

Х о р ъ

А въ ноги нужды нѣтъ валяйся!

Еще другой Иванъ здѣсь есть,
Онъ пляшетъ, огорода,
Какъ я онъ мастеръ рифмы плестъ —
Такъ выпьемъ-ше, народы!

Еще и третій есть Иванъ
М. Я.,
Мы выпьемъ въ честь его стаканъ! —
И въ честь твою, К.

А ты К. Ф.,
Ты право насъ послушай.
Забудь дѣла; всё въ мѣрѣ вздоръ,
Вино съ охотой кушай.

Чѣя наружность хороша,
(Старинное присловье)
Такъ у того добра душа:
Мы пьемъ твое здоровье!

Теперь конецъ моимъ словамъ;
Не зрю вина кончину,
Почтенные, позвольте вамъ,
Хоть рюмки половину

Налить пѣнистаго винца;
А мнѣ надеждой лститься,
Что каждый выпить въ честь пѣвца
Пол-рюмки вѣрно согласится?

Х о р ъ

Не только полъ-рюмки, согласны покаръ,
За здравье Пѣнта, чтобъ Дмитрій намъ далъ.

П ѣ в е ц ъ.

Эдакой я чести, ей! неожиданъ.

Теперь мы выпьемъ за Царя. . . .

Х о р ъ

Сіе бы прежде надлежало.

Не безпокойтеса, друзья,
Чиновъ у пьяныхъ не бывало.

И такъ мы выпьемъ за Царя
Россійскія Державы;
Къ нему любовію горя
Возмемъ-ше праздничны покалы!

Х о р ь

И такъ мы выпьемъ за Царя
Россійскія Державы!
Къ нему любовію горя,
Возмемъ-ше праздничны покалы!

Ребята! славно — ну опять,
Берите по покалу, други,
Велите *Дмитрію* давать
За здравье Царскія Супруги!

Еще намъ выпить надлежитъ,
Иль учинимъ злодѣйство!
Изволь-ка *Дмитрій* намъ налить
Полнѣе за Царя Семейство!

Теперь мы выпьемъ за того,
Кого,
Кто любитъ болѣе всего!

Вотъ я — я выпью за !
Я пьянъ и — признаюсь,

Что я люблю дѣвчонку эту,
Да только толку не добыюсь!

Друзья! до сихъ мы пили поръ
За здравье *многихъ* безъ напьяжки;
Теперь составимъ винной хоръ,
Возмемъ стаканы, рюмки, фляшки.

Пусть съ визгомъ всякъ въ стекло бренчитъ;
Пусть будетъ *милый* безлорядокъ!
Пусть всякъ, что хочетъ, то творитъ,
Тогда погладитъ Вакхъ ребятокъ!

Мслвчъ.

2.

Маскированный Отвѣтъ.

В о п р о с ъ.

Рѣши мою судьбу, надежду мнѣ подай:
Доколѣ пламенемъ безплоднымъ мнѣ горѣть?
Скажи, любезная: утѣшься, не страдай!
Иль дай въ своихъ очахъ мое несчастье зрѣть.

О т в ѣ т ъ.

Любовь есть буря чувствъ: спокойство, тишина,
Да будущъ швой удѣлъ, мечтанья испреби;
Любовь къ гибели сердець сотворена:
Разсудокъ, чтобъ спастись отъ ней, употреби.

Я.

3.

Панегирикъ головѣ Ослова.

Разпался бѣдный пенъ отъ головы Ослова!
А голова? — она здорова!!

О. С.

4.

Пѣснь Семейству.

Гой тамъ по Змѣвскій дорози
За Васицевымъ за селомъ
За Удамы при перевози
Въ сили маленькомъ В. . . .
Стоить хороша нова хата,
Людьми добрыми богата!

Якій живе тамъ добрый Панъ,
Яка живе тамъ добра Паня! —
Такъ добры, любы, хотъ Бояна;
То спане въ цинь и самъ Боянъ!
А Паночка шащо казаты,
И не можно описаты!

О якъ кривы ученыхъ шовки,
Чи ѣ у нихъ на шахъ ума,
Все пишуть, що остались вовки,
А що людей зовсѣмъ нема.
Ѣ люди, та шукать не хочуть,
Брехнею цилый свить морочуть.

Колыбѣ воны Панивѣ сихъ знали,
Такихъ писулекъ не писали!

А звется добрый Панѣ,

А Паня любя Л.

А любя Панночка Н.

И ябѣ радостью назвавъ!

Вона отцу и справды радость!

А матери — потиха сладость!

Еще у нихъ якись Панянка

Богатая на имена,

Хто называе Прасковьянка,

А хто zove їи *Княжна*.

А хто и вонѣ якъ называе:

Що будто бы вона сїяе!

Дай Богъ їй добраго здоровья!

Тожъ добра Панночка Прасковья!

У Пана ѣ еще Паничикъ,

Его зовуть вси *Сашурокъ*,

Моторный, шалоеливъ, якъ бисикъ,

Но буде умный парубокъ.

Ушѣ повѣ-Граμμαшики винѣ знае,

И по Латыньскому чинае!!

Хто не шаливъ, якъ бувъ малымъ?

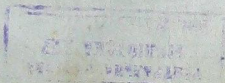
Не треба шилько бушы злымъ.

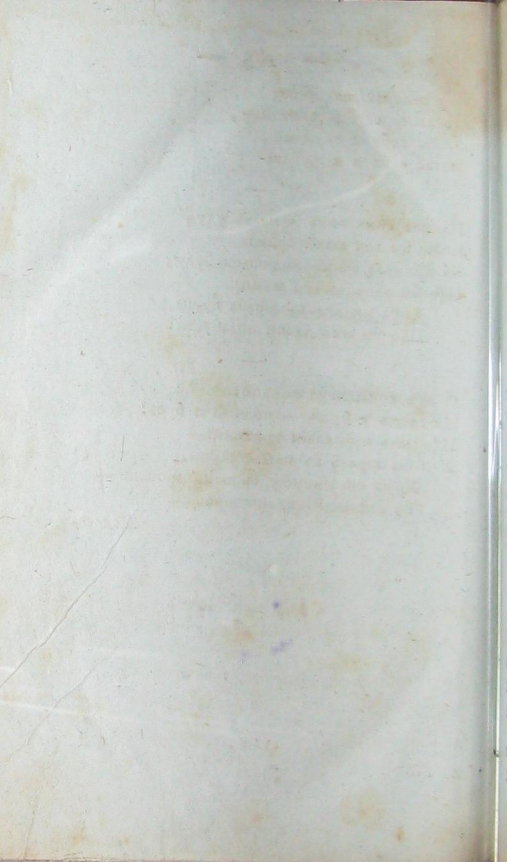
Я и великій та шалю;
Но злого сердца я не маю,
За то себя и почиаю,
За то себя я и люблю.

Панивъ сихъ викъ я не забуду,
Колы бы вси таки булы!
За нихъ за всихъ молихся буду,
Що бы здоровенько жили!
Хиба мидвидемъ треба буты,}
Що бы ихъ ласки позабуты!

О якъ вони мене кохали!
Не гость у нихъ — родный я бувъ!
Ще разъ прїихати прохали —
И я бы заразъ къ нимъ задувъ,
Хоть сю минушу сивъ на дрожки —
Та занящий дилами трошки.

Мслєвъ.

Оглавление IIIй части.

	Стран.
1. Ушайда (третія пѣснь) -	- 3
2. Похвала Гроку -	- 9
3. Лиза Романистъ (повѣсть) -	- 14
4. Овенъ и Песъ (баснь) -	- 19
5. Езопъ -	- 20
6. Заморскій Улей -	- 21
7. Три Эпиграммы -	- 23
8. Къ лиценачерпанію Гончаренка -	- 24
9. Ему же -	- —
10. Рецептъ -	- —
11. Спихи по прочтеніи Сумарокова	25
12. Поэтъ и Математикъ -	- 28
13. Въ день Ангела К. -	- 32
14. Элегія на потерю рожка -	- 35
15. Бывало и шеперь -	- 36
16. Заглавіе къ моимъ сочиненіямъ	59
17. Письмо Рускаго Солдата -	- 40
<i>Піесы Рускаго Солдата:</i>	
18. Нельзя безъ предисловія -	- 44
19. Лѣкарь самъ къ себѣ -	- 45
20. Пролазъ -	- 47
21. Разговоръ при погребеніи -	- 50
22. Надпись къ Поршрету -	- —
23. Письмо Бантамскаго Посланника	51
24. Бумага -	- 55

С м ѣ с ъ.

	Стран.	
25. Опъѣздъ Сшудента	-	59
26. Планъ Романа	-	61
27. Кеношафія	-	—
28. Къ Поршрешу Руск. Цицерона	-	—
29. Два бича рода челоѡѡческаго	-	62
30. Воспоминаніе	-	63
31. Ушаида (четшвертая пѣснь)	-	67
32. Спихи по полученіи Докшорскаго достоинства	-	77
33. Ода 1816 года	-	78
34. Посланіе къ Эпикурейцамъ	-	80
35. Разладъ Омегина съ Зенишовымъ	-	83
36. Орангупангъ и Лисица	-	85
37. На Миръ 1815 года	-	86
38. Ученость въ парадѣ	-	89
39. Къ форшунѣ	-	90
40. Мерзилкинъ	-	93
41. Основаніе Харькова	-	95
42. Письмо Рускаго Солдата	-	104
43. Хорошая и дурная нога	-	110

С м ѣ с ъ.

44. Поэтъ въ станѣ Эпикурейцовъ	115
45. Маскированный опъѣштъ	122
46. Панегирикъ головѣ Ослова	123
47. Пѣснь Семейству	—

Кончина Х. Демокрита.

19263

26545 404/1-10 м.

